

ЗВЕЗДЫ НЕ МЕРКНУТ

**ЗВЕЗДЫ
НЕ МЕРКНУТ**

Священный долг партии —
воспитывать трудящихся в духе
советского патриотизма и
социалистического
интернационализма, гордого
чувства принадлежности к единой
великой Советской Родине.

Из доклада Генерального секретаря
ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на
XXVI съезде партии.

ББК 63.3(2)722.78
З—43

Звезды не меркнут: Эта книга о тех, кто прославил Родину своими подвигами. Эта книга о тех, кто ушел в бессмертие. Эта книга о тех, чьи имена носят корабли Калининградского рыболовного флота/Сост. И. С. Хрусталева. — Калининград: Кн. изд-во, 1982. — 303 с., ил.; 8 л. ил. — Имен. указ.: с. 299; Указ. географ. названий.: с. 300.

1122—016
З ————— 4—82
М144(03)—82

ББК 63.3(2)722.78

© Калининградское книжное
издательство,
1982 г.

ВЕРНЫ
ПОДВИГУ
ОТЦОВ

И. Х. БАГРАМЯН,
Маршал
Советского Союза
дважды Герой
Советского Союза

НИКТО
НЕ ЗАБЫТ,
НИЧТО
НЕ ЗАБЫТО

Десятилетия отделяют нас от победы в Великой Отечественной войне. Но не поблекли, не стерлись в памяти народной события этих героических лет. Война продолжает жить в нас, в наших воспоминаниях, в судьбах людей, тех, кто родился уже после того, как отгремели бои. Военное прошлое предстает как пора величайших испытаний и беспримерного героизма. Великое не может быть забыто.

Мне, как председателю Центрального штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы Коммунистической партии и советского народа, довелось побывать в Риге на открытии Всесоюзной вахты Памяти, посвященной 37-й годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне и 60-летию образования СССР.

Всесоюзная вахта Памяти — это священная память о Великой Отечественной войне, это еще одна возможность ближе узнать о подвигах отцов и дедов. В годы войны особенно ярко проявилось боевое товарищество, дружба народов нашей многонациональной страны. В советском патриотизме

национальная гордость человека слилась воедино с его высокой личной ответственностью за судьбы всей страны. Вспомним, например, о героическом подвиге Александра Матросова. Его повторили более двухсот воинов разных национальностей. Велико стремление нашей молодежи навсегда сохранить в памяти героические дела старших поколений. Олицетворением этого является и присвоение калининградским рыбопромысловым судам имен отважных сынов, мужеством и героизмом прославивших нашу Родину. Среди них русский Юрий Костиков, украинец Иван Дворский, грузин Шота Гамцемлидзе, азербайджанец Габибулла Гусейнов, казах Тулен Кабилов, представители многих других национальностей, о подвигах которых рассказано в книге «Звезды не меркнут». Как и все советские люди, калининградцы отдают дань высокого уважения беззаветному мужеству и отваге воинов Советской Армии и Военно-Морского Флота, сокрушивших прусскую твердыню, вписавших первые героические страницы в историю области. Имена самых бесстрашных и

смелых увековечены в названиях городов, поселков, улиц и промысловых судов рыболовного флота. Эти люди удостоены высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза.

Восточно-Прусская операция Советской Армии, штурм города-крепости Кёнигсберга вошли в летопись Великой Отечественной войны как одна из славных ее страниц. В этих боях наши воины, воспитанные Коммунистической партией в духе интернационализма, сыновней любви к Родине и ненависти к ее врагам, проявили беззаветную храбрость и мужество, высокие морально-боевые качества, умение побеждать врага в любых условиях.

Очерки сборника доносят до читателя достоверные эпизоды из боевой жизни героев. Перед нами люди разных жизненных судеб. Всех их объединяет главное — любовь и преданность к социалистическому Отечеству, верность воинскому долгу. Это люди подвига. Многим из них не пришлось встретить светлый и радостный праздник День Победы, но они отдали за него самое дорогое — жизнь. Они отдали жизнь за то, чтобы мы сегодня могли

спокойно трудиться на
фабриках и заводах,
колхозных и совхозных
полях, возводить
новостройки, приумножать
богатства нашей страны.
И народ за это воздаст им
должное. Не зарастает тропа
к могиле героев. Поистине
никто не забыт и ничто не
забыто.

Герой Советского Союза
М. М. БАРСУКОВ

СЛАВНЫЙ ПУТЬ

Генерал стоял у окна. Сюда, до старого юнкерского особняка, сырой промозглый балтийский ветер доносил нарастающий гул канонады. Низко стелющийся по земле туман приглушал звуки, но грохот орудий и разрывов снарядов нарастал с каждой минутой. В полный голос заговорил «бог войны» — артиллерия всех калибров.

Михаил Михайлович Барсуков, командующий артиллерией фронта, внимательно прислушивался. Его не отвлекали зуммеры телефонов, голоса штабных офицеров. В эти минуты для него существовали лишь удаленные на километры и расположенные рядом артиллерийские орудия и системы. В сплошной гул слились залпы полковых пушек, гаубиц, минометов. Время от времени на их фоне выделялись грохочущие выстрелы тяжелой корпусной артиллерии, изредка слышался раскатистый рокот морских орудий особой мощности.

Много дней и бессонных ночей отдал Барсуков подготовке к штурму прусской твердыни. И вот сейчас, в эти минуты, свершается то, ради чего столько затрачено сил, труда, нервов.

Четыре дня артиллерия 3-го Белорусского фронта

вместе с авиацией разрушала долговременную, глубоко эшелонированную оборону гитлеровцев. А сегодня, 6 апреля, начался решающий штурм. В 9 часов утра заговорили главные калибры 11-й гвардейской, затем — 39, 43 и 50-й армий. Земля дрожала от разрывов тысяч снарядов. Клубы дыма, огненные всполохи достигали низко стлавшихся над Кёнигсбергом облаков. Уже первые пленные утверждали, что огонь советской артиллерии их буквально ошеломили, деморализовал.

К началу штурма в войсках фронта удалось сконцентрировать пять тысяч орудий и минометов, в том числе орудия большой и особой мощности.

И вот сейчас все стволы нацелены на прусскую твердыню, прокладывают путь атакующим, не дают фашистам вырваться из стального кольца окружения. Именно в эти утренние часы 6 апреля 1945 года подводился итог многомесячной подготовительной работы всех артиллеристов фронта — от него, командующего артиллерией, до расчета орудия, которое привыкли видеть фронтовики в боевых порядках пехоты.

В трудном 1920 году девятнадцатилетний Михаил был призван в Красную Армию. Сначала служил в Москве, а затем был переведен в Киевскую артиллерийскую школу. Молодой Советской стране нужны были образованные военные, специалисты-командиры. И Михаил подал рапорт. Да так и задержался в стенах школы на долгие годы: успешно закончив ее, он остался здесь служить, участвовал в подготовке квалифицированных кадров.

Много славных дел совершили за годы существования Советского государства выпускники этого учебного заведения, многие талантливые, умелые военачальники здесь получили путевку в большую жизнь. И среди них Иван Данилович Черняховский, видный советский полководец, служивший в те далекие годы в батарее Михаила Барсукова.

На всю жизнь сохранили эту дружбу Иван Черняховский и Михаил Барсуков. И хотя служебные пути-дороги их вскоре разошлись, Черняховский и Барсуков всегда искренне радовались случайным встречам. А когда И. Д. Черняховского назначили командующим 3-м Белорусским фронтом, они снова оказались вместе.

Вот как описывает их встречу в книге «Черняховский» писатель А. Шарипов:

«Иван Данилович безмерно был рад встрече со своим старым сослуживцем, командующим артиллерией фронта генерал-лейтенантом Михаилом Михайловичем Барсуковым. Давнишняя дружба связывала их. Когда Черняховский учился в Киевской артиллерийской школе, Барсуков командовал там батареей. Хотя Михаил Михайлович был старше и по званию, и по возрасту, они тесно сблизились в ту пору.

Барсуков за время войны, будучи командующим артиллерией армии и командиром артиллерийского корпуса, накопил богатый опыт. Он по праву считался одним из лучших организаторов артиллерийского наступления».

Но все это было потом. А в 1915 году, когда Михаилу исполнилось 14 лет, приехал он в Питер к отцу. Вместе по утрам ходили на Балтийский судостроительный, куда он был определен учеником. Потом из ученика получился умелый слесарь. Здесь же, на заводе, отец и сын встретили Октябрьскую революцию, принимали активное участие в борьбе за власть трудового народа. А в феврале 1920 года надел Михаил военную форму, до конца жизни связав себя крепчайшими узами с родной армией, пройдя путь от рядового до генерал-полковника артиллерии.

Очень трудным был этот путь. Но он был прямым и честным. Куда бы ни направляло командование коммуниста Барсукова, какой бы пост ему ни доверяло, он всегда считал себя в первую очередь защитником социалистического Отечества. И тогда, когда командовал полком в Новоград-Волынске, и во время освободительного похода в Западную Украину, после которого он командовал артиллерийской бригадой под Львовом, и в суровую зиму сорокового года на Карельском перешейке.

Великая Отечественная застала М. М. Барсукова на западной границе — в Белостоке. Вместе с передовыми соединениями Красной Армии встретил он ненавистного врага. Но удар фашистов был внезапным, перевес в силах временно оказался на их стороне. И Барсукову вместе с армией пришлось пережить горечь отступления.

С первого и до последнего дня войны генерал Барсуков делал все, что было в его силах, для быстрой победы.

разгрома врага. Он командовал артиллерией армии, затем артиллерийским корпусом и на завершающем этапе войны — артиллерией фронта. Боевые соратники Барсукова не раз были свидетелями его мужества, смелости, стойкости в борьбе с врагом. Главным для генерала была работа, повседневный творческий труд по совершенствованию стратегии и тактики артиллерийского наступления, по повышению эффективности огня. Он всегда чувствовал большую личную ответственность за исход сражения, проявлял при этом немало трезвого расчета и смелости.

Мне рассказали о таком случае. Осенью 1944 года под Друскининкаем немцы нанесли сильный контрудар по нашим войскам. Смяв передовые части, они начали продвигаться вперед. На этом участке фронта создалось угрожающее положение. Туда срочно выехали И. Д. Черняховский, член Военного совета фронта В. Е. Макаров и М. М. Барсуков. Навстречу противнику выдвинулась свежая противотанковая артиллерийская бригада. Метким огнем артиллеристы вынудили врага повернуть назад. Наличие у командующего артиллерией фронта резерва явилось приятной неожиданностью даже для Черняховского. Он горячо благодарил Барсукова за инициативу, хозяйский подход к делу.

Как-то севернее Гольдапа одна из дивизий, встретив упорное сопротивление немцев, приостановила наступление. Туда срочно выехал Барсуков. На месте стал знакомиться с положением дел. Противник совершил огневой налет. Снаряды и мины рвались вокруг. Командир дивизии предложил укрыться в подвале.

— Нам работать надо. Доставайте карту... — приказал генерал.

Итак, работа, работа. Супруга генерала, делившая с ним все невзгоды походной жизни, Ольга Яковлевна Барсукова, рассказывает:

— Михаил Михайлович был удивительно требовательным к себе, близким и подчиненным. И вместе с тем в высшей степени справедливым, спокойным, выдержанным. Никогда не слышала, чтобы он повысил голос, кого-либо обругал. Не знаю, когда он отдыхал: в шесть утра уезжал на передовую, возвращался поздно вечером, до глубокой ночи работал с документами.

Работы у командующего артиллерией было много.

Как правило, свежие войска прибывали уже на полностью подготовленные позиции. Он заранее продумывал, где разместить людей, как обеспечить всем необходимым. Это значительно сокращало время на подготовку операции.

После успешно проведенной операции в составе группы офицеров-артиллеристов выезжал в зону недавнего боя и на месте, где всего несколько часов назад рвались снаряды, где еще все дышало недавним боем, он производил тщательный разбор результатов артиллерийского наступления. Его боевые друзья считали это самой лучшей формой учебы.

— Артиллерия не грохотом поражает, а осколками, — любил повторять генерал Барсуков. — Вы можете выпустить по цели тысячи снарядов, и все будет впустую, если не попадете именно туда, куда нужно. Точность огня — главное условие.

Бывший член Военного совета 3-го Белорусского фронта генерал-лейтенант в отставке Василий Емельянович Макаров вспоминает:

— Сравнительно недолго, меньше года, служили мы вместе. Но на войне каждый месяц стоит года мирной жизни. Узнали мы друг друга быстро. Поэтому могу со всей ответственностью сказать, что Михаил Михайлович Барсуков был очень принципиальным, требовательным к себе и другим коммунистом. Настолько требовательным, что некоторые считали его сухарем, педантом. Но на самом деле он был удивительно скромным человеком. Только знал дело лучше многих других, использовал каждую свободную минуту для повышения теоретического уровня. Вот почему всегда так твердо отстаивал свою точку зрения. А ведь, по существу, не было ни одной серьезной операции в масштабе фронта, в которой он бы не принимал самого активного непосредственного участия. И как бы ни был загружен основной работой Барсуков, — продолжает генерал, — он всегда находил время для чтения партийной литературы, так как никогда не забывал о принадлежности к великой партии коммунистов, членом которой был с 1924 года, которая сделала из пetersкого мастера видного военачальника, крупного специалиста.

В Ленинграде живет младший брат Михаила Михайловича — Василий Михайлович Барсуков, преподаватель артиллерийской академии.

— Не раз, — вспоминает Василий Михайлович, — говорил мне старший брат о том, как важно изучать, обобщать опыт Великой Отечественной войны.

В послевоенные годы М. М. Барсуков был начальником артиллерии военного округа, а затем служил в центральном аппарате Министерства обороны. Проверая боевую готовность, выучку войск, он внимательно следил за тем, чтобы не только в наставлениях, но и в практических действиях воинов учитывался опыт минувшей войны.

В сентябре 1963 года, после тяжелой болезни, перестало биться сердце воина-коммуниста. Газета «Красная звезда» писала тогда о М. М. Барсукове: «...Он отдал все свои силы, знания и богатый опыт для укрепления Советских Вооруженных Сил. Советское правительство высоко оценило заслуги М. М. Барсукова, присвоив ему звание Героя Советского Союза, наградив тремя орденами Ленина и тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, многими медалями. Михаил Михайлович был принципиальным коммунистом, чутким и отзывчивым товарищем, заботливым начальником».

Сегодня нет среди нас Михаила Михайловича Барсукова. Но дело, за которое он боролся, продолжают воины-артиллеристы, обучению, воспитанию которых посвятил он всю свою сознательную жизнь.

Его имя носит большой морозильный рыболовный траулер.

В. Тестов

Герой Советского Союза
А. Н. БОГОЛЮБОВ

СОЛДАТ РОДИНЫ

В дни годовщины штурма Кёнигсберга Калининградское телевидение, как правило, показывает из кинотеки фронтовых лет фильм о боях в Восточной Пруссии, о штурме Кёнигсберга.

Стелятся по небу черные дымы, воздух перерезают трассирующие реактивные снаряды «катюш», грозно гудят советские бомбардировщики...

Мчит на самоходке, открыто улыбаясь друзьям, Александр Космодемьянский.

Бойцы поднимаются в атаку, идут по улицам освобожденных городов, а сердце сжимается: кто из них дошел до Победы, кто дожил до дня сегодняшнего, кто из них смотрит эти кадры?

Уходят в историю даты, события, люди. И все-таки перекликаются они с сегодняшним днем.

Следующие. В штабе 2-го Белорусского фронта.

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский, его заместитель генерал-полковник К. П. Трубников. И еще офицер... Диктор не успевает назвать его, но лицо мне знакомо: простодушная улыбка, высокий лоб... Фотографию этого человека я видела в Москве, в доме его жены и сына. Это начальник штаба 2-го Белорусского

фронта генерал-полковник Александр Николаевич Боголюбов, именем которого назван большой морозильный рыболовный траулер Калининградского рыболовного флота.

...Многотысячная, растянувшаяся на десятки километров армия наступала, задерживалась, двигалась по тонким линиям планов, которые были выведены на карте твердой рукой начштаба.

Победа была целью его жизни. Перед тем, как провести каждую линию, он вглядывался в карту и видел укрепленные фашистами высоты и побережья рек, видел пулеметы, орудия, которые при атаке ударят по его армии, видел солдат своих, жизнь которых ему вверила Родина.

В победных боях под Ельней и Вязьмой, в Житомирско-Бердичевской, Проскурово-Черновицкой, Могилевской операциях, в Восточной Пруссии и Померании проявилось его творчество, интеллект полководца.

Всею предшествующей жизнью, идейностью коммуниста, совпадением способностей и волевых качеств был он подготовлен к своей высокой и ответственной роли.

А. Н. Боголюбов родился в начале нынешнего века в семье рабочего-вожжанина. Восемнадцатилетним юношей вступил в ряды только что родившейся Красной Армии.

Красный агитатор, пропагандист, слушатель Высшей военной школы связи РККА, затем военных академий имени Фрунзе и Генерального штаба, он целеустремленно стремится вперед. Не воинские звания влекут его. В Боголюбове живет постоянное стремление к самоусовершенствованию.

Он много читает. Его увлекает Джек Лондон, классики русской и зарубежной литературы, современные писатели. Он интересуется философией и политической историей. Последние перед стипендией деньги тратит на книги и счастливый приходит домой. Он изучает труды Канта и Шопенгауэра, особо внимательно прочитывает книги Клаузевица и Мольтке. Он учится постигать внутреннюю логику событий, научную организацию стратегии и тактики войны.

Потом, в 1945 году, Боголюбов вступает победителем на те же поля под Таненбергом, на которых была уничтожена в 1911 году армия генерала Самсонова. Но пока он изучает опыт войны. Он необыкновенно много работает. Начальник штаба, командир полка, начальник оперативного отдела корпуса... Железное здоровье, большая физи-

ческая сила помогают ему после напряженного трудового дня ежедневно, с двадцати часов до часу-двух ночи, просиживать над книгами.

Душевный, отзывчивый, мягкий в семье и с друзьями, он умеет проявлять в деле несгибаемое упорство. В Академию имени Фрунзе он поступает только на третий раз. Это один из первых серьезных экзаменов. Отличная подготовка, огромный запас знаний приводят его с первым набором в Академию Генерального штаба. Он учится там вместе с генералами А. И. Антоновым, Н. Ф. Ватутиным, маршалами Советского Союза А. М. Василевским, И. Х. Баграмяном.

Затем Боголюбов преподает в академии историю военного искусства.

В библиотеке имени В. И. Ленина можно прочесть книгу А. Н. Боголюбова «Полководческое искусство Суворова», его оперативно-стратегический очерк «Разгром Колчака».

22 июня 1941 года. В 6 часов утра в квартире Боголюбовых раздался тревожный звонок: полковника Боголюбова вызывают в Генеральный штаб. Час — на сборы, на прощанье с семьей.

Началась война.

В первые же дни войны Александр Николаевич был направлен на фронт. А в самые тяжелые месяцы оборонительных боев под Москвой — с октября 1941 года — возглавил штаб 43-й армии.

Труднейшая это была работа. Связь с подразделениями то и дело нарушалась. Сведения о дислокации, силе и намерениях вражеских войск поступали самые противоречивые, неясные. И в этих условиях твердость, умение позволили Боголюбову сколотить штаб, создать надежный орган управления, сумевший парировать удары врага, нанести ему максимальный урон в тяжелых оборонительных боях.

Труд военных редко относят к профессиям творческим. Однако Боголюбов был не просто знатоком штабного дела, энциклопедически образованным военным. Аналитический образ мышления, стремление сделать выводы, найти позитивные решения в любом положении помогли ему быстро завоевать авторитет.

«Об опытах и примерах боевых действий частей» — этот труд был составлен штабом 43-й армии под руковод-

ством Боголюбова вскоре после начала войны. В нем рекомендации, выводы, предложения.

Основательно изучивший труды немецких стратегов, он противопоставлял врагу собственную точность, целеустремленность, научно организованную систему ведения войны. Необходимые качества штабного офицера приводились в действие горячей убежденностью патриота и коммуниста.

«Обладает собственным мнением по сложившейся оперативной обстановке и способен это мнение отстаивать...» — эти строки из характеристики А. Н. Боголюбова, написанной талантливейшим полководцем К. К. Рокоссовским, с которым Александр Николаевич служил в качестве начальника штаба фронта.

Не всегда эта черта помогала Боголюбову налаживать добрые отношения с сослуживцами, с начальством. Однако он, педантичный, грамотный, творчески мыслящий офицер, требовал точнейшего выполнения всех деталей военной операции.

Он руководит штабом Северо-Западного фронта весной и летом 1943 года, когда освобождались восточные районы Белоруссии, Демянск, Старая Русса...

Летом и осенью 1943 года основные удары наших войск направляются в районы Приднепровья и Правобережной Украины. 6 ноября армия освободила Киев. Однако фашисты продолжали упорно сопротивляться и заняли Житомир. Они готовились к наступлению на Киев. В этих условиях начальником штаба 1-го Украинского фронта становится А. Н. Боголюбов. Командующий фронтом генерал Н. Ф. Ватутин предлагает ему разработать план наступательной операции.

Множество данных собирает Боголюбов, рассчитывает, продумывает варианты. Выбирает оптимальный — тот, которому суждено стать в истории войны планом Житомирско-Бердичевской операции.

24 декабря 1943 года после пятидесятиминутной артиллерийской и авиационной подготовки началось победное наступление войск 1-го Украинского фронта. Наши части врываются в тылы противника. Все участники этой наступательной операции отмечали стремительность и согласованность удара.

Под руководством Ватутина разрабатывает Боголюбов план следующей — Проскурово-Черновицкой — операции.

В результате предпринятого наступления наши войска выходят к Государственной границе.

Формируется 2-й Белорусский фронт. Боголюбов получает приказ возглавить новый штаб. И снова он подбирает людей, проводит учения, создает мозг фронта — штаб. Ставка торопит с представлением плана операции «Багратион».

Для ее проведения привлекались войска четырех фронтов — 1-го Прибалтийского и трех Белорусских. Фашистское командование, стремившееся во что бы то ни стало удержаться в Белоруссии, сконцентрировало там группу армий «Центр», части групп «Север», «Северная Украина» и других. Только от Сиротина до Ковеля против наших войск было сосредоточено один миллион двести тысяч гитлеровских солдат.

Освободить окончательно Советскую Белоруссию, начать освобождение братской Польши и перенести военные действия на территорию фашистской Германии — таковы стратегические и политические цели операции «Багратион». День и ночь работает Боголюбов. Все требовалось подчинить единому плану, скоординировать действия пехоты, артиллерии, разведки, авиации, моторизованных частей.

В конце июня 1944 года море огня обрушилось на фашистов, стремительно рванулись вперед наши войска, форсировали Днепр. Штурмом взят Могилев, ликвидирован минский котел гитлеровцев.

В плену фашистский генерал признает: «Мы получили от Гитлера приказ защищаться любой ценой. Стремительный и бурный темп русского наступления опрокинул все наши замыслы и расчеты...»

13 ноября командующим 2-м Белорусским фронтом назначается видный советский военачальник Константин Константинович Рокоссовский, с которым Боголюбов работал до конца войны.

«Новый для меня руководящий состав фронта оказался на высоте положения, — писал затем в мемуарах Константин Константинович. — ...Начальник штаба Боголюбов отлично знал штабную службу и работал безупречно...»

Рокоссовскому и Боголюбову вместе пришлось участвовать и руководить завершающими операциями Великой Отечественной войны.

Утром 14 января 1945 года 1-й и 2-й Белорусские фронты перешли в наступление. Оно началось на шесть дней раньше срока: об этом просили союзники, попавшие в тяжелое положение в Арденнах. С утра все заволочло туманом и снегом. Авиация оказалась бессильной. Пришлось действовать по варианту, исключаящему ее участие. 200—240 орудий и минометов на один километр фронта в районе главного удара обрушили на врага шквал огня. Уже через 15 минут после начала артподготовки пехота заняла первую траншею врага. Пехоте помогали танки и самоходные установки СУ-76. Наступление продолжалось и ночью.

Враг оборонялся остервенело. Им вводились в бой новые пехотные части, танковая дивизия «Великая Германия». Контратаки следовали одна за другой. Но ничто не могло противостоять натиску советских дивизий. От Ломжи до устья Нарева была прорвана оборона врага.

20 января Ставка приказала часть армий фронта повернуть против восточно-прусской группировки фашистов. Доты, бетонированные траншеи, бронеколпаки, артиллерийские капоныры, проволочные заграждения преодолели с ходу войска 3-й армии. Конный корпус генерала Н. С. Осликовского стремительной атакой овладел Аллентайном (Ольштыном), захватив тысячи пленных, большие трофеи. 5-я гвардейская танковая армия вышла к заливу Фриш-Хаф, блокировала Эльбинг (Эльблонг), отрезав пути восточно-прусской группировке на запад.

Положение 2-го Белорусского фронта было сложным. Направив основную часть войск на разгром восточно-прусской группировки, фронт по-прежнему был обязан поддерживать 1-й Белорусский и продолжать наступление на запад.

...Под страхом смертной казни Гитлер обязывал держать каждый рубеж, каждый населенный пункт, биться в окружении до последнего патрона. В Восточной Померании свыше тридцати дивизий, в том числе восемь танковых, объединились в группу армий «Висла», которой командовал Гиммлер.

Оттепель делала труднопроходимыми леса, болота, озера, реки. «Подвиг стал нормой поведения советских воинов. Высокое искусство наших командиров и массовый героизм солдат, — говорил К. К. Рокоссовский, — позволяли теснить превосходящего в силах противника».

В результате Восточно-Померанской операции Польше возвращаются ее исконные земли с крупными городами и портами на берегу Балтийского моря... Берлинской операцией заканчивается жесточайшая в истории человечества война...

И все это время штабом 2-го Белорусского фронта руководил А. Н. Боголюбов. Он возвратился в Москву Героем Советского Союза. Его заслуги были отмечены двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, орденами Кутузова и Богдана Хмельницкого, другими наградами.

Напряжение военных лет сказалось на его здоровье. В 1956 году генерал-полковник Герой Советского Союза А. Н. Боголюбов умер. Но имя его осталось бессмертным. Большой морозильный траулер «Александр Боголюбов» бороздит моря и океаны, приумножая трудовую славу калининградских рыбаков.

Е. Шлемина

Герой Советского Союза
А. Н. БОРДУНОВ

«СТОИТ НАД ГОРОЮ АЛЕША...»

Неоглядны кубанские просторы. Если подняться на высоту, что находится неподалеку от районного городка Крымск, вокруг, куда ни кинешь взор, до самого горизонта раскинулись нивы тучной пшеницы, кукурузные поля, плантации риса. На пологих склонах высоты зеленеют виноградники, а за ними большой фруктовый сад. Это угодья колхоза «Сопка героев». «Сопкой героев» местные жители символично назвали и высоту в память о героических подвигах советских воинов при освобождении Кубани от фашистских захватчиков. На самой ее вершине стоит гранитная скульптура солдата. В правой руке автомат, а левой прикрыл от солнца глаза. Солдат зорко всматривается вдаль, он и сегодня на боевом посту, охраняет мирный труд кубанских хлеборобов. Окрестные жители зовут солдата Сережей. А Варвара Кирилловна Бордунова — Алешей.

Алеша... Так звали ее старшего сына, павшего смертью храбрых в дни боев за Кёнигсберг и удостоенного за выдающийся подвиг высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза.

Варвара Кирилловна с младшим сыном проживает в хуторе Плавнинском на улице Алексея Бордунова. В погожий день из окна небольшого белого домика, утонувшего в саду, хорошо видны и гранитная скульптура солдата, и самолет-истребитель ЯК, установленный на «Сопке героев». Самолет подарен кубанцам знаменитым летчиком, трижды Героем Советского Союза Александром Покрышкиным, сражавшимся в этих местах. На фюзеляже истребителя двадцать семь красных звезд — по количеству сбитых фашистских стервятников над кубанской землей.

Годы и материнское горе оставили на лице Варвары Кирилловны сетку глубоких морщин. Но память старой женщины сохранила многие подробности о сыне. Она помнит, как Алексей в 1933 году пошел в первый класс начальной школы, а после ее окончания двенадцатилетним парнишкой стал работать в колхозе, помогать родителям.

— Был он тихим, стеснительным, — вспоминает Варвара Кирилловна. — Выполнял в колхозе всякую работу, ухаживал за конским молодняком. Сам же все присматривался к машинам. Уж очень ему хотелось стать трактористом... Да видно не судьба, — вздыхает мать.

Разразилась война. Вскоре она докатилась грохотом фашистских танков и до их хутора. Начались страшные дни оккупации. Фашисты разграбили колхоз, увозили в Германию хлеб, скот. А затем стали угонять в рабство молодежь. Алексей Бордунов со своими товарищами некоторое время прятался в плавнях. Фашисты устроили облаву, и всех, кого удалось схватить, повезли на станцию Голая Пристань.

Алексею и его друзьям все же удалось бежать. Они скрывались по лесам, соседним хуторам и станицам. А спустя некоторое время Алексей неожиданно встретился со своими односельчанами, среди которых оказалась и мать с младшим братишкой Анатолием. От матери он узнал жуткую трагедию, постигшую хутор Плавнинский. С первых месяцев оккупации на Кубани развернулась партизанская борьба. Народные мстители наносили ощутимые удары по захватчикам. Озверевшие фашисты расстреляли часть жителей, хутор сожгли дотла, а оставшихся в живых вывезли в Херсонскую область. Здесь в селе Широкое и повстречался Алексей с матерью.

Советская Армия изгнала гитлеровских оккупантов с Херсонщины. Алексей Бордунов вместе с товарищами был призван в ряды Советской Армии.

Один из одногодков и друзей Бордунова, Федор Васильевич Голотов, и сейчас живет в Плавнинском, трудится в колхозе «Сопка героев». Вот что он рассказывает:

— После краткосрочных курсов мы с Алексеем были зачислены пулеметчиками в седьмую роту 71-го гвардейского полка 24-й стрелковой дивизии, входившей во вторую армию. Первое боевое крещение приняли в районе Кинбургской косы. Здесь противник высадил большой десант и создал сильный оборонительный рубеж. Каждый населенный пункт гитлеровцы приспособили к длительной обороне, опоясали минными полями. Но в декабре наши войска прорвали этот рубеж и стали преследовать противника.

В одном из боев оба мы были легко ранены. Шесть дней пролежали в медсанбате — и снова в бой. Помню, когда попали в медсанбат, Алексей все возмущался: «Иза какой-то царапины приходится на чистой постельке тут отлеживаться». И все допытывался у врачей, скоро ли выпишут в часть. У меня, говорит, свои счеты с фашистами, и поэтому каждый день дорог.

— Воевал Алексей зло, — вспоминает Федор Голотов. — Был смелым. Однажды после сильной артподготовки гитлеровцы пошли на нашем участке в наступление. В полный рост. Хотели психической атакой на нас воздействовать. «Пускай ближе подойдут. Мы им такого перцу всыплем, навек запомнят», — сказал Алексей. Мы так и поступили. Подпустили их на близкое расстояние, а потом такой шквал свинца обрушили, что гитлеровские вояки не выдержали. Устлав землю трупами, повернули обратно.

Семнадцать суток не прекращались упорные бои на Кинбургской косе. Этот плацдарм фашистское командование приказало удерживать любой ценой. Но никакая сила не могла сокрушить наступательный порыв наших бойцов. Противник был разгромлен. За время боев на Кинбургской косе наши войска захватили много пленных, вооружения и боевой техники противника.

— Вскоре после этого мы и расстались с Алексеем, — продолжает Федор Голотов. — А произошло это так. Во время боев за один из укрепленных пунктов противника

наш батальон был брошен на прорыв. Наступающих встретил шквальный огонь. Рядом со мной поднялся столб огня. Больше ничего не помню. Через некоторое время пришел в себя, вижу, кто-то тащит меня на шинели в траншею. Положил, наклонился, зовет: «Федя! Федя!» Это был Алексей... Потерпи, говорит, немного, сейчас санитаров найду.

Вскоре пришли санитары с носилками. Алексей обнял меня на прощанье: «Поправляйся, Федя, а мне идти дальше». Подхватил автомат и шагнул из траншеи в пекло боя. Больше нам увидеться уже не пришлось.

Два года носила Алексея Бордунова солдатская судьба по фронтовым дорогам. Битва за Днепр. Сражение в Белоруссии, на литовской земле. Ратные подвиги Алексея Бордунова были отмечены орденом Славы 3-й степени.

...Войска 3-го Белорусского фронта развивали наступление в глубину Восточной Пруссии. В начале апреля 1945 года 1344-й стрелковый полк подошел к Кёнигсбергу. Развернулись жестокие бои за город, опоясанный мощными фортами — целой системой укреплений.

В цепи одного из стрелковых подразделений, наступающего в предместье Иудиттена, шел автоматчик Алексей Бордунов. Вместе со своими товарищами он штурмовал дома с засевшими в них фашистами, забрасывал гранатами дзоты.

На пути наступающих оказался приземистый кирпичный дом. Из подвала сверкали вспышки огня. Рядом с Алексеем упал солдат, второй. Наши бойцы залегли. «Сейчас мы их выкурим», — сказал Бордунов и ползком направился к дому. Привстав на мгновение, он ловко метнул в подвал связку гранат. Раздался оглушительный взрыв, из окон подвала вырвалось пламя. Подразделение советских бойцов рванулось вперед. Боевая сметка и отвага были замечены командиром роты. Вечером того же дня Алексей Бордунов заменил выбывшего из строя командира отделения.

Весь день 7 апреля солдаты Бордунова вели уличные бои. Драться приходилось буквально за каждый дом. Когда бордуновцы ворвались в одно из зданий, гитлеровцы, не ожидавшие такого молниеносного налета, в панике бросились на верхние этажи. Их было раза в три больше, чем наших бойцов, но это не остановило отважных советских воинов. Завязалась рукопашная схватка. Алексей

расстреливал врагов в упор. Кончились патроны, пустил в ход приклад. Когда на выручку поредевшего отделения советских солдат подоспели другие бойцы, схватка была уже закончена. Из этого дома не ушел живым ни один гитлеровец...

Путь наступающим преградил форт, из которого фашисты вели шквальный огонь. Упал раненый командир роты. На какую-то минуту произошла заминка. И тогда командование ротой принял на себя командир отделения Алексей Бордунов. Он указал цель нашей артиллерии, подбодрил солдат и повел их в наступление.

Над фортом несколько минут бушевал огненный смерч. Рушился железобетон фашистских укреплений. Сквозь грохот боя прорывалось русское «ура!». Противник был буквально ошеломлен неудержимым натиском советских воинов. И форт пал...

Сегодня уже мало что здесь напоминает о былых сражениях. Мирно шумят сосны и вековые липы. На конечной остановке трамвая № 1 можно увидеть гранитный обелиск с надписью:

7 апреля 1945 года
Герой Советского Союза
рядовой Алексей Николаевич Бордунов
первым ворвался
в городское предместье Иудиттен
и в рукопашном бою штыком и гранатами
уничтожил 12 гитлеровцев.
Заменил раненого командира роты
и возглавил атаку на форт № 6,
прикрывающий подступы к городу.

За этот подвиг Алексею Николаевичу Бордунову было присвоено звание Героя Советского Союза. Но Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года уже не застал отважного солдата в живых. Алексей Бордунов погиб 14 апреля в бою западнее Кёнигсберга. Он похоронен в поселке Петрово Гурьевского района.

Варвара Кирилловна Бордунова вместе с младшим сыном Анатолием в 1969 году посетила могилу героя. Побывала мать и в гостях у моряков рыболовного траулера. Тепло встретили ее моряки «Алексея Бордунова». Рассказали о жизни, походах, о том, что экипаж судна свято

чит память героя и своим рыбацким трудом укрепляет могущество Родины.

Вспоминая об этой встрече, Варвара Кирилловна говорит: «Нет, не погиб, жив мой Алеша! Жизнь его продолжается в трудной и беспокойной работе калининградских рыбаков».

Ратные подвиги героев живут и будут жить в народе. Их слава не померкнет в веках.

В. Максюк

Герой Советского Союза
И. И. БОРЗОВ

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ НЕБУ

Секунды — и вспыхнул купол безмолвного друга-парашюта. Секунды — и выше, там, где слепило солнце, раскололось от грохота небо: взорвался его, лейтенанта Борзова, бомбардировщик.

Взрывной волной парашют бросило в сторону.

Заложило уши. Тишина, приятный холодок, обдувавший волдыри на лице, руках. Родная земля. Лейтенант резко повернулся, точно сбрасывая оцепенение. Вдали, у горизонта, тянулся к небу черный столб дыма: горели танки на стационарном закутке в Киришах.

Но тишина была недолгой. Как только вернулся слух, Борзов уловил крупнокалиберную дробь в небе на восточном направлении. «Мои», — мелькнула мысль. И точно. Два оставшихся самолета из его звена отбивались от налетевших на них «мессершмиттов».

...Земля приближалась. Борзов внимательно приглядывался. До линии фронта на самолете — минуты ходу. А здесь сейчас враг, рвущийся к Ленинграду. И родная земля может стать мачехой.

Ага, вон и Беляев, стрелок-радист. Иван. Ваня. Тезка, боевой друг. Уже освобождается от парашюта. Хо-

рошо, что в лес садимся. Подбирая стропы, Борзов стал спускаться в том же направлении. Лейтенант уловил новые звуки. Вот и воронье пожаловало. Несколько мотоциклистов с пулеметчиками в колясках мчались в лес, предвкушая наживу. Иван машинально проверил, на месте ли пистолет.

Толчок. Обожженные руки проехали по стволу березки, мгновенно ослепила боль.

— Скорей, скорей, командир, — торопил Иван Беляев.

Нарастал мотоциклетный стрекот. Собрав все силы, они, поддерживая друг друга, заторопились в глубь леса.

— Давай здесь отдохнем, обмозгуем, как пробираться за линию фронта. — Борзов не договорил.

Пока командир находился в забытьи, Беляев перевязал ему руки лоскутами своей тельняшки. «Не повезло лейтенанту, — сокрушался радист. — В первые дни войны уже горел его самолет. Еще и руки-то не успели зажечь, а на тебе: через три месяца опять...»

Темная ночь в лесу под Ленинградом. Сентябрьская ночь. Свернувшись в клубок, держа на весу перевязанные руки, лежит лейтенант Иван Борзов. От унтов пахнет горелой шерстью.

— Поспи, тезка. Мне уже не заснуть.

— Астафьев, мы сделали все, что могли. И даже больше. И еще сделаем.

...В штаб 1-го минно-торпедного авиаполка Краснознаменного Балтийского флота позвонил оперативный дежурный ВВС. В районе Тосно и Кириши разведка обнаружила большое скопление фашистских войск и боевой техники. Приказано направить группу по условленным адресам. Командир полка Е. Н. Преображенский сразу же «вжился» в боевую задачу, отдал необходимые приказания. Второе звено возглавил Борзов. С ним в который раз полетел стрелок-радист Беляев и впервые штурман Астафьев.

Станция Тосно забита войсками и техникой. Командир приказал ведомым одновременно с ним нанести бомбовые удары. С высоты около трех тысяч метров полетела первая партия смертоносного груза. Запылал железнодорожный состав. В это время впереди показалась стая «мессершмиттов», но штурманы и стрелки-радисты открыли огонь, не дали врагу приблизиться. Звено, выполнив

задачу, взяло курс на Кириши. Опять бомбовый удар — стали рваться вагоны с боеприпасами.

А «мессеры» наседают. Два из них только что проскочили перед штурманской кабиной.

— Не отрываться, огонь вести прицельно, смотреть друг за другом, — предупредил Борзов ведомых.

Оставались еще две бомбы. Тут командир заметил танки в районе станции.

— Боевой курс!

Астафьев не отвечал. Борзов перегнулся через проем в переборке и увидел мертвого штурмана на окровавленном полу. Беляев вел огонь один.

Значит, надо выходить на цель самому. А тут вспышка над левым мотором, и вот уже пламя охватывает плоскость. Танки в перекрытии прицела. Аварийный сброс — бомбы плавают броню.

А ведомым приходится худо. Их атаковали фашисты, а затем бросились и на ведущего. Одного «мессера» сбил Беляев. Пламя проникло в переднюю кабину, забарахлил мотор. Нестерпимо жжет руки. Остальные экипажи оторвались от немецких истребителей и уходят к линии фронта. Иван Беляев продолжал отстреливаться.

Кириши остались позади, самолет шел на снижение. На лесной дороге слева танки противника.

Вот он, последний шанс! Последнее возмездие! Развернуться вдоль дороги и...

— Иван?

— Я понял, командир...

Борзов повернул штурвал влево, но их ДБ-3 продолжал лететь прямо. Повреждено рулевое управление. Теперь все. Медлить больше нельзя. Сделано все, что в человеческих силах, и даже больше. Огонь подбирается к бакам с бензином...

И вот они здесь, на земле. Светало. Проснулся Беляев. Он помог командиру расстегнуть комбинезон, умыться. На кителе Борзова орден Красного Знамени — награда еще за финскую.

— Ну, вперед, тезка, к нашим. Нам еще воевать надо!

И потянулись долгие дни пути через топи и заросли, лесные завалы. Чтобы отвлечься от этой изматывающей дороги, каждый думал о своем.

Вспоминалась Борзову родная деревенька Старо-Ворово в Московской области — далекое-далекое детство.

В двадцатом году, спасаясь от голода, мать с пятилетним Ваней и дочкой подалась в Москву. Но и в столице жизнь была тогда не райская. Постоянную работу мать найти не могла, пришлось сына в Сокольнический детдом определить. Через год, устроившись на завод, взяла Ивана домой.

А потом началась жизнь, так похожая на жизнь его сверстников — комсомольцев 30-х годов. После окончания семилетки работал в Мосстрое, учился в авиационном техникуме. В августе 1935 года по спецнабору был призван в Ейское военно-морское авиационное училище, после училища — Черноморский, Тихоокеанский, затем Краснознаменный Балтийский флот, его родной 1-й минно-торпедный авиационный полк. Война с белофиннами.

С первых дней Великой Отечественной Борзов вылетает на постановку мин, наносит бомбоудары по вражеским военно-морским базам, аэродромам, войскам и технике противника.

30 июня 1941 года лейтенант Борзов вместе со своими товарищами наносил удары по танковой колонне, охранявшейся на переправе через Двину сотнями вражеских истребителей. Силы были неравные, самолет Борзова загорелся.

...Оба, как по команде, остановились, прислушались. Вечерело. Рядом попахивало дымком. Прошли тихонько вперед, вышли на опушку. У небольшого костра сгрудились измотанные, худые, заросшие окруженцы. С этой минуты флотский командир с орденом на кителе стал их командиром. В пути к ним присоединялись все новые и новые бойцы.

На седьмые сутки они вышли к своим.

Подполковник в отставке В. М. Кротенко, бывший стрелок-радист, вспоминает такой эпизод.

Все крепко спали, когда раздался зычный голос начальника штаба:

— Срочно явиться к командиру.

По пути на аэродром ругались: не удалось отоспаться. За ночь мы сделали пять вылетов на батарею, обстрелявшую наши корабли. А пять ночных вылетов — не фунт изюма.

Встретил нас командир полка Евгений Николаевич Преображенский, посмотрел на наши сонные лица и улыбнулся.

— Дело есть, товарищи. Очень серьезное дело. Разведка донесла... — Карандаш ткнулся в точку на карте Ленинградской области. — В одиннадцать часов утра у немцев начинается совещание старшего офицерского состава.

Сон как рукой сняло. Мы знали, что командир полка уже продумал все тонкости налета.

— В 11.15 бомбы должны быть в зале совещания. До цели лететь в облаках на высоте 700 метров. Перед селом выйдете из облачности. Здание увидите сразу и... — Полковник с силой придавил ладонь к столу. — Зеленой дороги обещать вам не могу. Зениток у немцев хватает, сами знаете. Истребители тоже могут встретить. Так что будьте начеку.

Я лечу с Борзовым. Штурман — Никита Котов. Наш ведомый — земляк Борзова, веселый москвич Александр Дроздов. У Борзова суровый вид. Он озабочен. Ему поручено уничтожить вражеский штаб.

В 10.40 наши самолеты поднялись. Мы быстро достигли облачности и словно растворились в ней. Над линией фронта маскирующие нас облака внезапно оборвались, и наши самолеты окунулись в яркие лучи солнца. Вражеские зенитки открыли огонь. Но он тут же прекратился. Это немного смущало. Мы настолько привыкли к обстрелам, что на этот раз «невнимание» противника показалось странным. Но разгадка пришла быстро. В воздухе были немецкие истребители...

Вдали на темном фоне парка виднелось большое белое здание. Это штаб немецких войск. Послышался голос штурмана Котова: «Боевой!» В этот миг высоко над собой я заметил вражеские истребители. Они искали нас. Доложил Бокову, продолжал наблюдение. Но, видимо, наши серебристые самолеты трудно было заметить над землей, покрытой снегом.

Через несколько секунд самолет вздрогнул. Тяжелые бомбы устремились в цель и накрыли ее. Белое здание, как вулкан, выбросило из себя огромные клубы дыма. Шесть пятисоток Борзова и Дроздова со снайперской точностью накрыли цель.

Радость охватила нас. Но на войне такие чувства коротки. Шестерка истребителей с крестами уже пикировала на наши самолеты, поливая их свинцом. Пули и снаряды разбили баки с горючим. Серый шлейф бензина потянулся сзади. Выйдя из пикирования, три «мессера» атаковали нас. В это время наши самолеты вошли в облачность над линией фронта.

«Спаслись», — мелькнуло в сознании. Но перед входом в облачность я заметил еще девять истребителей. Теперь маскирующие нас облака стали опасными. Фонарь начал покрываться тонкой пленкой льда. Замерзла трубка «Пито». Но мы летели, оставляя сзади длинный след вытекающего бензина. К счастью, он не загорелся от выхлопных газов. Не зная скорости, Борзов мастерски посадил самолет, высунув голову в боковую форточку на планировании. Навстречу автомашина. Из нее вышел Преображенский.

— Молодцы, — сказал он, обращаясь к Борзову и Дроздову. — Поздравляю! По-балтийски сработали!

На следующий день стало известно, что из пятисот собравшихся фашистских офицеров сто двадцать уже никогда не станут мечтать о захвате Ленинграда. Жители села до сих пор помнят, как немцы трое суток вытаскивали из развалин своих «стратегов».

Лунная ночь. На исходе 12 октября 1943 года. По темной части горизонта «крадется» красноезвездный торпедоносец. Экипаж внимательно следит за лунной дорожкой, серебряной нитью рассекающей море. За штурвалом гвардии майор коммунист Иван Иванович Борзов, командир овеянной славой 1-го гвардейского минно-торпедного полка авиации Краснознаменного Балтийского флота.

С боями росло мастерство авиатора, раскрывался талант руководителя, пользующегося большим авторитетом среди летного состава. И вот теперь ему оказано большое доверие — командование полком, в котором он начинал боевой путь лейтенантом.

С 1943 года летчики-балтийцы стали активно действовать на море против кораблей противника. Но в тактике этих боев еще многое предстояло уточнить, продумать, проверить. И этому полету командир и его товарищи придавали большое значение. Итак, все внимание лунной дорожке. Когда на ней появится судно врага, оно будет

видно, как на ладони, а фашистам трудно заметить самолет в ночи. Тут его и торпедируй. Идею Борзова предстояло воплотить в жизнь экипажу.

Как говорится, на ловца и зверь бежит. На матовом свете дорожки показался неповоротливый транспорт. Маневр — и вот уже торпеда пущена в цель. Теперь надо выйти из атаки невредимым. Самолет летит совсем низко над транспортом, но ошеломленный противник не успевает сделать залпа. Борзов круто кладет машину на крыло — и вовремя: рвется торпеда.

Назад летели радостные, окрыленные.

Теперь надо сделать их опыт достоянием всех летчиков и обратить внимание на внезапность удара: это уменьшит потери с нашей стороны.

Здесь рассказано только о трех полетах отважного летчика — аса торпедирования. А Иван Иванович вылетал на боевые задания 147 раз! Потопил два транспорта, сторожевой корабль, нанес большой ущерб наземным объектам и войскам противника. А сколько он воспитал боевых командиров! Его пример вдохновлял на подвиг немало летчиков! 27 из них получили Золотые Звезды Героев в годы, когда полк водил в бой И. И. Борзов. 22 июля 1944 года и сам командир был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Авиаторы полка участвовали в Восточно-Прусской операции, они наносили бомбовые удары по Кёнигсбергу, Пиллау и другим вражеским укрепленным пунктам.

В 1948 году Иван Иванович закончил Военно-морскую академию и находился на различных командных и штабных должностях. В 1955—1957 годах И. И. Борзов командовал военно-воздушными силами Краснознаменного Балтийского флота, принимал активное участие в работе Калининградской областной и городской партийных организаций, местных Советов, был депутатом Калининградского областного Совета народных депутатов.

С 1962 года до самой смерти И. И. Борзов командовал авиацией ВМФ СССР, в развитие которой он внес большой личный вклад.

В 1972 году ему было присвоено звание маршала авиации.

Родина высоко оценила заслуги полковника-авиатора. Герой Советского Союза И. И. Борзов награжден двумя орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени,

орденами Ушакова II степени и Отечественной войны II степени, двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

4 июня 1974 года Иван Иванович Борзов скончался после тяжелой и продолжительной болезни.

В 49-й школе Калининграда по инициативе ветерана легендарного авиаполка, майора в отставке, Ивана Трофимовича Шевченко один из лучших пионерских отрядов получил право называться именем И. И. Борзова.

Борзовцы из Калининграда встретились с борзовцами 312-й школы Москвы. На пионерском сборе Клавдию Николаевну Борзову — жену Ивана Ивановича — приняли в почетные пионеры.

Именем героя названы пионерские отряды в городах Ленинграде, Заметчино Пензенской, Орске Оренбургской, Пестово Новгородской областей.

С честью носит имя маршала авиации И. И. Борзова личный состав одной из авиационных частей ВМФ СССР.

Есть в Калининграде улица Маршала Борзова. На одном из зданий в память героя установлена мемориальная доска.

В 1981 году совершил первый рейс тунцеловный суперсейнер «Иван Борзов». И перед тем, как судно вышло в дальние океанские широты, его приняли в объятия воды легендарной Балтики, в славную летопись которой вписали свою страницу авиаторы-гвардейцы полка, которым командовал Иван Иванович Борзов.

Е. Сахаров

Герой Советского Союза
Н. М. БРОВЦЕВ

СОЛДАТСКОЕ СЧАСТЬЕ

Татьяна Михайловна Бровцева ехала из Саранска в Москву. Чем ближе к столице, тем чаще на станциях по вагону проходил патруль: проверяли документы. Но ее пропуск был подписан самим Калининным и, возвращая его ей, почтительно козырнул боец. Шел февраль 1944 года. Гвардии капитан Бровцев лежал тогда в госпитале после шестого ранения. Как особо отличившемуся в боях, ему разрешили вызвать жену. Татьяне Михайловне предстояло первое с начала войны свидание с мужем.

Длинными в то время были дороги. Особенно для гражданских людей. Поезд, миновав станцию, другую, подолгу стоял на запасных путях, пока мимо грохотали окутанные снежной пылью воинские эшелоны. И тихо проплывали воспоминания, давно ставшие привычными Татьяне Михайловне.

Вот они в загсе с Николаем, в Дзержинске в 1937 году. Совсем, совсем молоденькие... А через год Коля уходил служить в Красную Армию. Товарищи с химического завода провожали рабочего Николая Бровцева с почетом: перед этим ему присвоили звание стахановца.

Вскоре пришло письмо из Пскова: Николай с гордостью сообщал, что его послали учиться на командира. Потом они встретились в этом городе — уже перед самой войной. Сохранились фотографии: Николай, перетянутый ремнями, сидит на коне. И еще один снимок — с группой сержантов, которых он учил... Вот и все, что сохранилось от чудесного мирного времени.

Когда началась война, Н. М. Бровцев отправился на Северный фронт. Здесь же воевал его младший брат Алексей, летчик-истребитель. Однако встретиться братьям было не суждено. Алексея сбили в воздушном бою 12 сентября 1942 года.

Узнав о гибели брата, Николай Бровцев поклялся воевать за двоих. И сдержал свою клятву.

Лето 1943 года. Жестокие, кровопролитные бои. Еще и Смоленск, и другие города самого центра России в руках гитлеровцев, но пружина войны начала уже разжиматься, отбрасывая орды захватчиков все дальше на запад.

Татьяна Михайловна вспоминает его письма с фронта — она знает их наизусть.

«Никогда мы не были так чисты и светлы душой, как сейчас. Для нас это действительно народная, священная война. Если бы ты видела моих бойцов, ты бы поняла, что нас невозможно победить...»

«Душа горит огнем, как посмотришь, что они сделали с нашими городами и селами. Вымести бы поскорее всю эту нечисть с нашей земли! Не знаю, увижу ли я своими глазами нашу победу. Знаю одно: в любом случае меня не в чем упрекнуть, ты будешь мною гордиться. И не верится мне, что я умру, совсем исчезну с лица земли, — память обо мне останется.»

...Госпиталь расположился в одной из школ Подольска, под Москвой. Татьяна Михайловна не сразу узнала мужа: обритая голова, резко очерченное, исхудалое лицо. Как он изменился! Но ведь иначе и быть не могло: война требовала такого напряжения сил, что люди за год становились как бы старше на добрый десяток лет.

«Глянула я и ахнула, — говорит Татьяна Михайловна, — весь он был в шрамах — живого места нет...»

Николай Михайлович говорил о себе скупой и неохотно. Главное было известно из его писем. Зато жадно рас-

спрашивал о родных местах. Одобрительно усмехался, слушая рассказы о том, как женщины управляют в колхозах. Хмурился, узнавая подробности: из мужчин по деревням — старики, подростки да фронтовики-инвалиды... И снова светлело его лицо: Татьяна Михайловна говорила, что люди живут одной мыслью — помочь фронту, что готовы они отдать последнее, лишь бы их защитники были тепло одеты, накормлены. Вот и опять животноводческая ферма их колхоза («Теперь, Коля, я ею заведу!») готовится сдать для фронта, для наших воинов, большую партию мяса...

За широким окном госпиталя, разрисованным причудливыми узорами мороза, беззаботно насвистывала февральская метель. Капитан Бровцев слушал ее и видел занесенные сугробами по самые крыши избы мордовской деревни Турдаки Дубенского района, где он родился, где вместе с нею, с Таней, с первого класса бегал в школу. Он-то мог себе представить, что это такое — крестьянская работа без мужиков. Как же трудно им теперь, нашим женам и матерям, и кого ты хочешь, Таня, обмануть своим бодрим тоном!..

А каково теперь на заводах?.. Пожалуй, еще тяжелей. Ведь и там сейчас только женщины да подростки.

Николай знал, что горьковский автомобильный, как и многие другие заводы страны, перешел на военные рельсы — выпускает танки и орудия. Рабочие голодают, но сутками не выходят из цехов, восстанавливая разрушенное бомбежками. Куют победу в прямом смысле этого слова. Тыл теперь — тот же фронт. Поистине всенародная война, и разве можно такой народ победить!

Конечно же, и о победе мечтал капитан Бровцев, но до нее было еще далеко — сотни фронтовых километров, тысячи смертей. Привыкший мыслить военными категориями, он и мечты разделял на стратегические и тактические. И, как о самом большом счастье, все пристальнее думал о недалеком уже грядущем дне, когда он со своим батальоном перейдет наконец Государственную границу СССР.

И наступил этот день! Вот она, земля Восточной Пруссии. Даже странным кажется, что ничем она не отличается от соседних литовских полей и холмов, ведь столько потребовалось солдатского труда и крови, чтобы дойти до нее...

Дошли. Начались бои возмездия. Тяжелые, упорные бои. Враг еще не поставлен на колени, он сопротивляется. Впереди жестокие сражения, но уже на вражеской земле, это наполняет гордостью, новой силой.

Гвардии капитан Бровцев командует теперь вторым батальоном 923-го стрелкового ордена Александра Невского полка Витебской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. Но даже и в этом воинском соединении, прославленном ратными подвигами, Бровцева считают одним из самых способных и храбрых офицеров. За успехи батальона в наступательных боях, за мужество и отвагу его награждают орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

...Неподражаемы своим лаконизмом фронтовые представления к боевым наградам (Н. М. Бровцеву был вручен орден Суворова III степени). Но за их короткими и четкими фразами встают подвиги во всем своем величии и суровой простоте. В этих представлениях говорится, что гвардии капитан Н. М. Бровцев в боях по разгрому восточно-прусской группировки гитлеровских войск проявил исключительное мужество и незаурядное мастерство. Начиная с 20 января 1945 года его батальон, применяя умелые обходные маневры против скоплений пехоты и танков противника, совершил 15 прорывов вражеской обороны, в числе первых овладел укрепленными городами Бартен, Бартенштайн, Прейс-Эйлау.

За время боев в Восточной Пруссии батальон Бровцева прошел сотни километров, форсировал три водных преграды, взял штурмом 140 населенных пунктов, захватил в плен 450 немецких солдат и офицеров, уничтожил более трехсот гитлеровцев. На счету батальона было уже более тридцати захваченных железобетонных дотов.

...20 января 1945 года. Разведка донесла: немцы готовят взрыв центральной плотины Мазурского канала, чтобы затопить район междуозерья и создать обширную водную преграду на пути нашего наступления.

Капитан Бровцев с небольшой группой бойцов, зайдя в тыл немцам, дерзко атаковал саперов, выбил их с плотины и занял здесь оборону. С горсткой оставшихся в живых солдат он в течение целого дня отбивался от наседавших гитлеровцев.

Николай Михайлович установил станковый пулемет на самом верху плотины и более четырех часов, раненый,

теперь уже совсем один (все его солдаты погибли), отбивал непрерывные атаки. Ему удалось выстоять до подхода наших сил.

Так была решена задача огромной важности на этом участке фронта. В этом бою капитан Бровцев воевал не за двоих, а за целое подразделение.

14 апреля. Идут бои за Берхольц. На одном из направлений наступления сложилась опасная обстановка: немцы сильным огнем прижали наших воинов к земле, готовясь перейти в контратаку.

Командир батальона подполз к боевым порядкам начавшей отходить пехоты, с автоматом поднялся во весь рост, бросил: «За мной!..»

В такие мгновения человек воспринимает окружающее всем своим существом. В эти доли секунды Бровцев чувствовал, что пока еще нет — не передался его порыв солдатам, не влился в их сердца горячей, обжигающей волной. Но вот один из них обогнал его, вот другой, и, заглушая грохот мин и снарядов, шальную трескотню стрельбы, взметнулось вдруг сначала одиноким выкриком, а затем сразу же слитным хором прекрасное, страшное, отчаянное «ур-ра-а!..».

Немцы не выдержали этой атаки, в панике отступили, а 70 солдат подняли руки, предпочитая плен.

14—15 апреля. Сражения идут на Земландском полуострове. За эти дни батальон Бровцева выбил гитлеровцев из пяти населенных пунктов, где каждый дом, каждый сарай были превращены в доты, и перерезал две автомагистрали — важные коммуникации земландской группировки.

...День 15 апреля близился к закату. В лесном массиве Флангервальд против позиции второго батальона сосредоточились крупные силы танков и пехоты противника. Замысел немцев был предельно ясен: быстро подавить сопротивление батальона и выйти в тыл советских войск.

Несколько танков уже горят перед линией обороны батальона. Атаки немецкой пехоты встречают меткий огонь. Но и высотка, на которой закрепились советские воины, словно бы встает на дыбы — так густо взметают землю разрывы снарядов и мин. Неужели там кто-то еще остался в живых?!

Снова атака — и снова гитлеровцы откатываются и еще два танка тянут в небо черные столбы дыма.

А у Бровцева остается только восемь бойцов. Сам он тяжело ранен осколком снаряда. Кончились пулеметные ленты. Храбрецы отбиваются автоматным огнем и гранатами.

Гитлеровцы подползают все ближе, охватывают высоту кольцом. Вот уже и в рукопашную лезут. В схватке Бровцев убил двух офицеров. И опять немцы отброшены.

Но вот командир батальона падает, смертельно раненый в голову. Он еще слышит первые выстрелы наших подоспевших на выручку подразделений, вступающих в бой. Значит, немцам не пройти...

И они не прошли. К ночи 15 апреля наши войска продвинулись на этом направлении до семи километров. Н. М. Бровцев за особые заслуги в осуществлении важной операции был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Непривычно громоздкий, после маленьких калининградских, горьковский трамвай бежит мимо бесконечных корпусов автомобильного завода. Сейчас он заполнен рабочими, едущими на смену. Они выходят у проходных, вливаются в сплошной поток, растекающийся ручьями по заводской территории.

На этом заводе работает и жена Н. М. Бровцева Татьяна Михайловна. Трудно поверить, что Николая Михайловича нет сейчас среди седоусых ветеранов рабочей гвардии, шагающих на свой завод. Невольно всматриваешься в их лица, ищешь сходство с портретом Бровцева почти тридцатилетней давности. И находишь. То в твердом, вдумчивом взгляде широко расставленных глаз, то в жестковатой складке плотно сомкнутых губ, то в решительной линии подбородка. И складывается из этих разрозненных черточек тот образ, который видишь в своем воображении.

Говорят, что лицо — зеркало души. Лица твоих земляков, Николай Бровцев, отражают те же чувства, с которыми ты трудился и воевал, — уверенность в своем праве на счастье и свободу.

Наверное, в этом и заключается смысл бессмертия — остаться жить в сердцах единомышленников, а значит — всего нашего народа.

Неблизко от волжских берегов до Калининграда, но и мои земляки хранят благодарную память о Николае Бровцеве. До сих пор Татьяне Михайловне шлют письма рабочие калининградских заводов, моряки, студенты и школьники. Особенно взволновало ее вот это письмо из базы экспедиционного, китобойного и тунцеловного флота.

«...В состав нашей флотилии вошло новое судно — рыболовный траулер-морозильщик, носящий имя Вашего супруга Героя Советского Союза Николая Бровцева. Многотысячный коллектив рыбаков базы флота горячо поздравляет Вас с этим событием».

Имя героя обязывает. Рейс за рейсом экипаж «Николая Бровцева», приходя в родной порт из Атлантики, рапортует о трудовых победах. В Западном бассейне он считается одним из лучших. Имя траулера занесено на городскую доску Почета.

Рыбаки этого судна с честью несут звание советского моряка в зарубежных портах. После первых рейсов траулер побывал на гарантийном ремонте в Варнемюнде и Штральзунде (Германская Демократическая Республика). В течение двух месяцев стоянки ни один вечер не обошелся без дружеских встреч с рабочими верфи, немецкими коммунистами и членами Союза молодежи ГДР, учащимися профессиональных учебных заведений.

Немецкие друзья часто бывали в гостях на нашем траулере, смотрели советские кинофильмы, слушали рассказы моряков о Калининграде, сами рассказывали о своей жизни и работе, планах на будущее.

Экипаж «Николая Бровцева» побывал в Берлине, Потсдаме, Ростоке, бывшем концлагере Заксенхаузен. И всюду возникали душевные разговоры о самом главном — мире и дружбе между народами.

Самое пламенное желание моряков, всех советских людей — чтобы никогда больше не гремели взрывы войны и чтобы герои доживали до глубокой старости.

Е. Ермилов

Герой Советского Союза
Е. И. БУРЫХИН

ТРИ СВИДЕТЕЛЯ

Рубец на старом вековом клене, пробитом снарядом, давно уже покрылся иссиня-черной вздувшейся коростой. Весной по шершавому, оставшемуся навечно шраму, по мелким, замысловатым извилинам, словно непрошенные слезы, просачивается едва заметной струйкой живительная влага. А осенью, разросшийся, клен роняет лист на обвалившийся замшелый от времени оружейный дворик, словно хочет на зиму согреть теплом праведную кровь тех, кто пал на этом рубеже, кому не хватило буквально одного-двух месяцев, чтобы дошагать с далеких полей Подмосковья до Берлина.

Если бы старый клен мог говорить...

Мощные взрывы подняли перед рассветом всех на ноги. Добротные бетонированные стены подвала трехэтажного дома бывшей школы, где еще совсем недавно размещался штаб фашистского генерала Микоша, зашатались. Огонек фитиля из артиллерийской гильзы то замирал, то опять вспыхивал. Кованая железная дверь заскрипела в проржавевших петлях, полуоткрылась — и в помещение хлынул поток зимнего, переме-

шанного с гарью и снегом холодного воздуха. Сразу стало сыро и прохладно.

— Опять зашевелились, воронье, — зло сказал командир орудия Артемов. — Жарко будет.

В течение нескольких дней фашисты вели усиленную разведку боем, чтобы нащупать слабое место в сжимающем их кольце окружения советских войск. На этот раз, видимо, решили пойти на штурм.

— Полезли, — подтвердил парторг батареи старший сержант Евгений Бурыхин. — Из мышеловки вырваться поровят, дорогу на Пиллау пробить. Не тут-то было. Так мы им и позволим ускользнуть из мешка.

К голосу Бурыхина батарейцы прислушивались. Высокий, широкоплечий, с несколько выдвинутой вперед, будто припухшей нижней губой, он удачно сочетал добрый нрав, отзывчивость к товарищам с твердостью в минуты опасности, выдержкой, отчаянной дерзостью. Трижды раненный в предшествующих боях, он никогда не терял самообладания, присутствия духа, был смелым в боях, слыл среди артиллеристов весельчаком, балагуром и сорвиголовой. Недаром на груди его сверкали ордена Отечественной войны I степени, Красной Звезды, орден Славы III степени. За исключительное мужество при штурме мощной оборонительной полосы фашистов в районе реки Деймы командование представило гвардии старшего сержанта к самой высокой награде — званию Героя Советского Союза.

— Только, чур, ребята, не дрейфить, — ободрял Бурыхин батарейцев, торопливо засовывая за пазуху трофейный «вальтер». — Разделаем под орех. Кровью умоются.

— К бою! — приказал командир второй батареи 6-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка гвардии капитан Попук.

Кругом гремело, ухало и хлопало, словно на земле все сорвалось со своих мест, закрутилось в лихом шаманском плясе. Мелколесье, подступающее к самому полотну железной дороги, горело дымно и чадно. Снег, выпавший накануне, почернел, будто его посыпали шлаком, а воздух, казалось, раскалывался надвое.

— По пехоте, осколочным!.. — зычно повторял команды с наблюдательного пункта гвардии старший сержант Бурыхин.

Орудие ахнуло. Гремучий огонь разорвал дымное облако, опалил снег, пахнул в лицо привычной сладковатогнилой гарью. Коротко звякнула выброшенная из разогретого казенника гильза. Пушка подпрыгнула и встала на место.

В разрывах между дымными шлейфами Бурыхин увидел, как густые цепи фашистской пехоты, строча на ходу из автоматов, переваливают через полотно дороги, выходят на фланг орудийного расчета Артемова. Бурыхин приказал развернуть орудие, сам прильнул к панораме.

— Огонь!.. Огонь!.. Огонь!.. — кричал он артиллеристам.

Опасность, нависшую над орудием Артемова, заметили на наблюдательном пункте. Оттуда, с третьего этажа дома, открыли сильный ружейно-пулеметный огонь бойцы взвода управления. Фашистская пехота залегла, а затем стала откатываться.

— Ага, умылись, — радовался Бурыхин. Вихор слипшихся светлых волос прикрыл густые брови. Тыльной стороной ладони он вытер пот с разгоряченного, чумазого от пороха лица, широко улыбнулся:

— Перекурим?

— Перекурим.

Передышка длилась недолго. В тишину ворвался гул взрывов. На этот раз фашисты не лезли напролом. Стальные машины, разметая лес, маневрировали, стреляли с коротких остановок и быстро уходили в укрытие. С дальней дистанции, неуязвимые, хорошо замаскированные, открыли огонь самоходные пушки «фердинанд».

— Гады, на психику действуют, — злился Бурыхин. — Хоть бы ближе подошли.

— Подождем, — отозвался наводчик сержант Байков.

Ждать не пришлось. Из-за железнодорожного полотна выплеснулись и засверкали языки пламени. Грозно взревели, набирая обороты, мощные танковые двигатели, заскрежетали, залязгали гусеницами.

— Танки! — крикнул Бурыхин.

Командовать расчетом не пришлось. Каждый и так отлично знал свое дело. Не раз ведь приходилось иптаповцам отражать вражеские танковые атаки. Окутанные густым шлейфом дыма, застыли три «пантеры». Но и огонь батареи начал слабеть. Бурыхин видел, как в воздух взлетело подбитое орудие Артемова. Замолчал расчет и

слева. Острой болью отозвалась в сердце гибель товарищей. У орудия остался он один.

— Сержант, в укрытие уходи, — раздался голос батареиного радиста рядового Вахтина. — «Тигр» башню разворачивает.

Вахтин размахивал руками, ругался, чтобы дать понять гвардии старшему сержанту, какая опасность над ним нависла.

— Убирайся на свое место! — грозно крикнул ему Бурыхин.

Он видел, как остановившийся метрах в тридцати «тигр» разворачивает башню на его еще уцелевшую пушку. Быстро прикинул: в укрытие уйти успеть можно. Подкрепление вот-вот должно подойти. Но не таков он, Бурыхин, чтобы спиной к врагу поворачиваться. Еще с детства мечтал покорить пятый океан, ворваться в дали Вселенной, учился в аэроклубе, и, как заявили инструкторы, такому парню — смелому, решительному, настойчивому — в грозный час цены не будет. Он переплывал не раз бурный, холодный Енисей, ходил на зверя, забирался в самые глухие дебри. Недаром мать, Анна Матвеевна, в своих письмах на фронт, хорошо зная характер сына, уговаривала не лезть в самое пекло. А он, явно кривя душой, писал, что на фронте он стал совсем другой, что жизнь многому его научила.

Может быть, в эти короткие секунды вспомнился Евгению откровенный, нелिцеприятный разговор, который состоялся однажды на собрании. Боевые товарищи предъявили ему счет за излишнюю самоуверенность, пренебрежение маскировкой. Ему, бойцу лыжного батальона, ходившему в грозные дни московского сражения в тыл противника, привыкшему в ожесточенных схватках открыто смотреть в лицо смерти, как-то не по себе было, когда после тяжелого ранения его перевели в артиллерийскую часть, где надо в траншее в три погибели пригибаться, по-пластунски переползать, драить банником пушку.

— Пусть фашист ползает. Я по своей земле хожу. К робкому десятку не принадлежал, — парировал тогда Бурыхин.

— Ишь какой храбрый нашелся, — отрезал один из бойцов.

— А ты молчи. Мелко еще плаваешь, — заступился за Бурыхина командир орудия Петухов.

— Бурыхин, конечно, смел, решителен, — сказал командир батареи. — Он уже доказал это в бою. Но истинная храбрость не в том, чтобы врагу под пулю свой лоб подставлять, а в том, чтобы научиться воевать, перехитрить фашиста, одолеть его. Тут раздались голоса: все мы, мол, готовы за Родину жизнью пожертвовать. А Родине вовсе не смерть ваша нужна, а жизнь. Понимаете, жизнь! Ради этого мы и идем на самый решительный бой с врагом.

Разве этим он, Бурыхин, не руководствовался в своей последующей боевой деятельности? И тогда, когда в марте 1944 года заменил раненого командира орудия и уничтожил метким огнем до трех десятков гитлеровцев, отразил вместе с товарищами контратаки фашистов, и в январе 1945 года, когда добровольно вызвался перейти на самоходку, атакующую вражеские доты на реке Дейме.

Заметив, что наводчик засуетился, нервничает, никак не может поразить амбразуру, Бурыхин отстранил его от панорамы. Первым же выстрелом он проломил кованую дверь дота, соскочил с самоходки, застрелил на ходу из автомата фашистских офицера и солдата, ворвался в каземат и крикнул:

— Хенде хох!

Все это было так стремительно, ошеломляюще, что гарнизон из 13 фашистских солдат растерялся, сложил оружие. Дерзкой атакой самоходка заставила капитулировать еще один гарнизон дота.

...Нет, что ни говори, смелость — половина военного счастья. Раздумывать некогда. Гусеницы танка, большого, пестро-зеленого, заскрежетали. Механик-водитель нажал на тормоза, чтобы дать возможность поразить наверняка уцелевшую пушку. Решали секунды. Гвардии старший сержант опередил фашиста. Тонко звякнула стреляная гильза. Броня танка отозвалась железным треском, будто ее нагрели и она лопнула от жары. Из решетчатого жалюзи машины вымахнул косяк огня, повалил жирный густой дым.

Увлеченный схваткой с «тигром», Бурыхин и не заметил, как с противоположного фланга его уже обошел другой танк. Зарядить и повернуть орудие он не успел. Короткий оглушительный выстрел прогремел рядом. Сна-

ряд попал в клен, разорвался, осколки сразили героя, упавшего на станину.

19 февраля 1945 года перестало биться сердце гвардии старшего сержанта, коммуниста, двадцатитрехлетнего Евгения Иннокентьевича Бурыхина. А 21 февраля на наградном листе появилась резолюция командующего артиллерией 3-го Белорусского фронта генерал-полковника М. М. Барсукова: «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Над местом последней схватки героя склонился скорбящий клен — немой свидетель подвига. И, может быть, со временем это место заросло бы, как затянулась рана на дереве, если бы не красные следопыты школы № 9, что в поселке имени Александра Космодемьянского. Отряд имени Евгения Бурыхина завязал переписку с отцом героя Иннокентием Ильичом и сестрой Верой, проживающими в Красноярске, братом Петром, работающим в г. Советске Калининградской области.

После долгих и упорных поисков удалось разыскать еще одного живого свидетеля подвига Е. И. Бурыхина — бывшего рядового Михаила Вахтина. В том памятном бою он вытащил из боя командира батареи капитана А. И. Попуку. В мирные дни у ветерана на груди рядом с боевыми наградами появился орден Октябрьской Революции, который получил он за доблестный труд на шахтах Урала. Бывший воин рассказал о последних минутах жизни своего однополчанина, помог следопытам найти этот дворик и подраненный снарядом клен. В поселке на братском кладбище установлено надгробие с чугунной плитой и горельефом. Одна из улиц носит имя героя.

Экипаж рыболовного сейнера-траулера «Евгений Бурыхин» с гордостью носит по морям и океанам имя героя, своим трудом продолжает и преумножает дело, за которое боролся воин-коммунист. Это еще один свидетель подвига, который продолжают люди в мирные дни. Камень не вечен. Вечна только человеческая память.

**Р. Максютова,
Г. Пастернак**

Герой Советского Союза
В. Г. ВЛАДЫСЕВ

«КОМСОМОЛЬЦЫ,
ЗА МНОЙ!»

Израсходовав последний патрон, умолкает автомат. От первого же удара по каске подвернувшегося под руку фашиста его ложе разлетается, и Василий отбрасывает автомат в сторону. А искаженные в крике лица, побелевшие от ярости глаза врагов приближаются со всех сторон. И Владысев бьет кулаками по головам, лицам, глазам... Его сильная, крупная фигура возвышается над фашистами. И вот уже падает один гитлеровец, оседает на песок другой... На мгновение нагнувшись, Василий поднимает оброненную кем-то лопатку и бьет гитлеровцев наотмашь. Падают один за другим еще три вражеских солдата. Весь израненный, Владысев продолжает отбиваться от нападающих со всех сторон фашистов. И когда очередная контратака гитлеровцев была отбита, силы окончательно покинули комсорга батальона. Теряя сознание, бледный от большой потери крови, он упал. Комсорга батальона 113-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии младшего лейтенанта коммуниста Василия Владысева не стало. Вскоре боевые товарищи, родные и друзья прочитали Указ Президиума Вер-

ховного Совета СССР, где среди других участников Восточно-Прусской операции, удостоенных почетного звания Героя Советского Союза, была фамилия Василия Георгиевича Владысева.

Жестокий, затяжным был бой, в котором получил свои смертельные раны герой. Еще накануне, 29 января, перед двумя полками 32-й и 179-й стрелковых дивизий была поставлена задача внезапным, быстрым и решительным броском форсировать по льду залив Куришес-Хафф, не дав врагу опомниться, закрепиться на косе Курише-Нерунг, зажать в стальные тиски немецкие войска, бежавшие из Клайпеды. В ротах и батальонах прошли летучие митинги. Командиры и политработники разъясняли бойцам поставленную перед полками трудную, но выполнимую задачу.

В одном из батальонов 113-го полка собрал молодых бойцов-комсомольцев Василий Владысев. Он внимательно всматривался в юные, безусые лица своих братьев по оружию, с кем завтра предстояло ему идти в бой, может быть последний для многих. И хотя сам он едва разменял третий десяток, чувствовал себя Василий намного старше большинства из сидящих вокруг: до этого боя комсорг прошел долгий и трудный солдатский путь.

...Был лютой, холодный ноябрь 1941 года, когда в Володарский райвоенкомат Ленинграда явился высокий и широкоплечий рабочий паренек. Разговор короткий: «Годен к строевой, в часть».

Жгучий ветер с Финского залива пронизывал до костей, пальцы горели от прикосновения к затвору винтовки. Но хорошо был виден прицел, и не один захватчик навеки остался лежать у стен Ленинграда, сраженный меткими выстрелами молодого солдата. А когда раздавалась команда «в атаку!», комсомолец Владысев бежал к вражеским траншеям и стрелял, стрелял, стрелял... Вместе с тысячами других защитников Ленинграда громил он врагов у стен священного города. 18 декабря 1941 года пуля вражеского снайпера вывела Владысева из строя бойцов Ленинградского фронта.

Ранение оказалось не тяжелым. Василия вывезли из Ленинграда, а уже через месяц он в рядах защитников Москвы.

Шел январь 1942 года. Немцев отбросили от стен столицы, но они были еще сильны и не теряли надежды на

реванш. Молодой боец Василий Владысев на передовой. Командование не раз отмечало умелые действия, смелость и отвагу в бою комсомольца Владысева. Его ставили в пример, повышали в звании.

Осенью 1943 года часть, в которой служил Василий, вливается в состав вновь созданного 1-го Прибалтийского фронта. Ненавистный враг откатывается с родной земли. Василий вместе с другими бойцами гонит фашистов, сражаясь яростно и умело. «За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками...» командир 22-го гвардейского стрелкового корпуса 16 мая 1944 года награждает старшего сержанта В. Г. Владысева орденом Славы III степени. Недолгая учеба на курсах. И вот он, младший лейтенант Василий Владысев, комсорг одного из батальонов 113-го стрелкового полка Верхнеднепровской Краснознаменной ордена Суворова II степени дивизии, стоит перед своими товарищами. Через несколько часов им идти в бой, сквозь вражеский огонь пробиваться на узкую полосу земли, отделяющую Балтику от залива.

— Товарищи! Победа уже близка. Скоро мы должны форсировать по льду залив и вступить на землю врага. Пусть никто из вас не дрогнет в бою, смело пойдём на вражескую оборону и прорвём ее, выполним приказ командования!

Тревожна, длинна ночь перед боем. Томительно тянутся часы и минуты до начала атаки. Была дана команда спать, но мало кто сомкнул глаза.

Не спал и Василий. Уже несколько лет не получал он вестей от матери. Но слышал, что чуть ли не на двадцатый день после начала войны пришли враги в тихий уютный Себеж — их районный центр. Вместе с жителями села Трушили угнали они его мать в рабство, малолетних детей и стариков заперли в школе и сожгли. Часто снилось Василию объятые огнем здание, куда ходил он семь лет, слышались крики умирающих в адских мучениях людей.

Теперь наступило время отомстить за страдания.

Цепи бойцов с автоматами в руках спустились с полового берега на лед залива. Вдалеке смутно просматривался противоположный берег — коса Курише-Нерунг. Ни одного огонька. Но стоило наступающим продвинуться в глубь залива, как весь горизонт осветился сполохами

залпов. Всюду — впереди, сзади, с боков — выростали фонтаны воды и земли. В черных бурлящих воронках гибли воины. Отступившие из Клайпеды гитлеровцы, прикрытые с востока проливом, а с юга ширью залива, закрепившиеся на дюнах косы, чувствовали себя уверенно. Первые атаки в ночь на 29 января 1945 года успеха не имели. Поредевшие цепи наступающих вернулись на исходные позиции, в том числе и батальон, где служил комсоргом Василий Владысев.

Василий подбадривал бойцов из недавно прибывшего пополнения, рассказывал, как трудно было под Ленинградом, как гнали врага от стен столицы.

Забрезжил зимний рассвет. Командование армии приняло решение: под прикрытием дымовой завесы возобновить атаки. Около девяти часов над заливом встала полторакилометровая стена дыма. Его клубы попутный ветер гнал в сторону косы. Фашисты видели перед собой лишь серую клубящуюся пелену. Они вели беспорядочный огонь. Вблизи от берега из клубов дыма показались советские солдаты. Фашисты усилили артиллерийско-минометный обстрел. Наступил напряженный момент. Владысев, находясь в цепи атакующих бойцов, с криком — «Комсомольцы, за мной! Коса близко!» — вырвался вперед и, перепрыгивая через заполненные студеной водой воронки, бросился навстречу огню. За ним ринулись в бой остальные.

Рывок, другой. Комсорг первым достигает вражеского берега. С ходу захвачена первая траншея. Но противник бросается в контратаку. Владысев едва успевает менять диски у своего автомата, в упор расстреливая нападающих со всех сторон фашистов. Отбиты первая, вторая, третья, четвертая атаки противника. Не знал тогда Владысев и его бойцы, что бьются они с батальоном фашистов, укрывшихся в окопах, поддерживаемых пятью танками и штурмовыми орудиями.

Связь со штабом полка прервана. На исходе патроны. Один за другим выбывают из строя командиры рот и взводов. Криком «ура!» Владысев увлекает за собой оставшихся в живых бойцов. Ведя огонь из автомата, он в упор расстрелял 17 гитлеровцев. Патроны в автомате кончились, и Василий с кулаками бросается на нападающих со всех сторон гитлеровцев... Василий Владысев погиб в этом бою.

...Дорого заплатили фашисты за смерть героя. Более ста вражеских трупов валялись там, где дрался Владысев и его бойцы.

Они выполнили поставленную перед батальоном задачу — захватили и удержали на косе плацдарм. В 6.45 над заливом снова за клубилась дымовая завеса. Под ее прикрытием основные силы полка быстро преодолели два километра залива, разделявшие берега. Мощным броском полк расширил плацдарм, прочно закрепился на нем. Подоспевшие новые полки завершили разгром врага. В полдень 4 февраля коса Курише-Нерунг была полностью очищена от противника. Младшего лейтенанта, комсорга батальона, коммуниста Василия Владысева уже не было в живых. Боевые друзья похоронили отважного воина на берегу залива.

Много горя принесла война Варваре Дементьевне Владысевой. У стен Берлина погиб младший сын Евгений, в лесах Белоруссии — средний, партизан Виктор, при защите блокированного Ленинграда — муж. На далекой незнакомой косе Курише-Нерунг получил смертельные раны старший сын Василий. Ей пишут незнакомые, но ставшие близкими люди. «За подвиги в Литве Вашему сыну Василию было присвоено звание Героя Советского Союза. Мы о нем собираем материалы, летом побывали на его могиле и положили много цветов. В далекой Литве помнят и чтут Вашего сына — отважного воина-офицера», — пишут в одном из писем учащиеся Вильнюсской школы № 23.

Есть на Курской косе, между Иодкранте и Клайпедой, место, где притормаживают свой ход машины, останавливаются автобусы с туристами. Рядом с дорогой застыл гранитный памятник советским воинам, стела, а на ней барельефы с именами героев, отличившихся при штурме косы в январе 1945 года. Среди них имя Героя Советского Союза младшего лейтенанта Василия Георгиевича Владысева. Это имя носит и один из средних рыболовных морозильных траулеров Калининградской флотилии.

В. Тестов

Герой Советского Союза
С. М. ВОЛКОВ

БЕССТРАШНЫЙ КОМБАТ

Рассказ о Герое Советского Союза Семене Михайловиче Волкове хочется начать с воспоминаний его сестры — Марии Михайловны. Она пишет:

«Брат был трудолюбивым и общительным юношей, среди товарищей пользовался большим авторитетом. С уважением отзывались о нем и на заводе. Старые рабочие говорили отцу: «У вас очень способный сын, из него выйдет хороший мастер токарного дела». Семен со школьной скамьи мечтал о море, он очень хотел стать моряком».

Откуда появилась у паренька из калужской деревни Гусевки эта мечта? Может быть, ее заронил в душу своего питомца учитель географии, умевший так увлекательно рассказывать о голубых океанских просторах и заморских странах. А может быть, она пришла со страниц книг, до которых юноша был большим охотником. Но стремление стать моряком не покидало Семена Волкова ни в школе, ни у токарного станка на одном из заводов Луганска. В своих мечтах от отправлялся в дальние плавания, вместе с легендарными героями

«Седова» дрейфовал во льдах Северного Ледовитого океана, прокладывая в Арктике новые, еще неизведанные пути. И скорее всего он стал бы моряком. Но грянула война. Как только первые фашистские бомбы обрушились на мирную советскую землю, Родина позвала Семена Волкова в солдаты. Пришлось сменить токарный станок на автомат.

Фронтовые дороги Великой Отечественной войны... По ним Семен Волков прошел большой и трудный путь. Немало суровых испытаний выпало на долю девятнадцатилетнего луганского токаря. Под натиском хорошо вооруженного и превосходящего по численности врага нашим войскам приходилось временно отступать.

А потом пришли первые радости побед. К осени срок третьего, когда Семен Волков уже командовал ротой и за его плечами был солидный боевой опыт, разгорелись жаркие бои на мелитопольско-каховском плацдарме. Немцы успели создать здесь, по реке Молочной, сильную глубоко эшелонированную линию обороны. Гитлеровское командование, окрестив свои укрепления «линией Ватана» (бога войны), решило удержать их во что бы то ни стало. Ведь здесь, по существу, решалась судьба Крыма: падение обороны на реке Молочной создавало угрозу всем немецким войскам, действовавшим в днепровской излучине. Каждое село гитлеровцы превратили в крепость. Дом с домом соединялся траншеями. Для усиления обороны сюда на самолетах были переброшены из Крыма 5-я авиаполевая и 101-я горнострелковая дивизии. Всему личному составу войск, оборонявшихся на реке Молочной, выплачивался тройной оклад денежного содержания, а в Берлине чеканилась специальная медаль «За оборону мелитопольских позиций».

Наступление советских войск на этом участке фронта началось 26 сентября. В прорыве вражеской обороны на реке Молочной и в боях за город Мелитополь участвовал 336-й стрелковый полк 126-й дивизии 4-го Украинского фронта. В боевых порядках этого полка находилась и рота, которой командовал старший лейтенант Семен Михайлович Волков.

Наши войска буквально прогрызали гитлеровскую оборону, вклиниваясь в нее метр за метром. 17 октября они подошли вплотную к Мелитополю. Фашистское коман-

дование хорошо понимало стратегическую важность этого города и сделало все, чтобы превратить его в неприступную крепость. Улицы оцетинились дотами и дзотами, во многих местах стояли врытые в землю танки. Мелитополь был изрезан траншеями. Противник упорно оборонял каждый квартал, каждый дом. Из окон летели гранаты, противотанковые пушки били в упор.

«В городе не было, пожалуй, такого здания, — вспоминает участник этих боев Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов в книге «Суровые годы», — которое бы по нескольку раз не переходило из рук в руки».

Полк, в который входила рота Волкова, преодолевая бешеное сопротивление врага, брал приступом каждый дом. Умело действовали наши штурмовые группы из автоматчиков и саперов. Они блокировали здания, врываются в них, уничтожали засевших там фашистов.

В течение шести дней не прекращались ожесточенные бои. Противник неоднократно переходил в яростные контратаки, поддерживаемые штурмовыми орудиями.

Двенадцать раз контратаковали гитлеровцы роту Волкова. Но ни на шаг не отступили советские воины. И каждый раз в самые жаркие минуты схватки бойцы видели на решающих участках своего командира. Волков личным примером вдохновлял солдат. С автоматом и гранатами в руках он бросался в занятые фашистами здания, выбивал врага из дотов и дзотов. За шесть дней боев старший лейтенант с бойцами освободил пятнадцать городских кварталов. 22 октября 336-й полк начал штурм железнодорожного вокзала. Рота Волкова первой ворвалась на станцию, уничтожив в этом бою восемь огневых точек, сотни гитлеровских солдат и офицеров. На вокзале она захватила 50 железнодорожных вагонов и 40 платформ с боевой техникой.

За мужество и отвагу, проявленные при взятии Мелитополя, 126-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени. Семнадцати бойцам и командирам дивизии, в том числе и старшему лейтенанту Семену Михайловичу Волкову, присвоено звание Героя Советского Союза.

Летом 1944 года фронтовые дороги привели Волкова в Прибалтику. Однополчанин Семена Михайловича, бывший командир пулеметного взвода, Андрей Константино-

вич Гаврилин многое поведал о боевых делах командира второго батальона 84-го стрелкового полка 33-й гвардейской стрелковой дивизии С. М. Волкова. Впервые они встретились в августе 1944 года на реке Дубисе, недалеко от литовского города Шяуляя.

«Однажды, — вспоминает А. К. Гаврилин, — собрали офицерский состав нашего полка. Командир полка представил собравшимся вновь назначенного командира второго батальона. Перед строем стоял капитан. Он был чуть выше среднего роста, стройный, белокурый. На груди сверкала Золотая Звезда. Я невольно обратил внимание на молодцеватую выправку нового комбата. Даже, можно сказать, некоторую щеголеватость, что было не совсем обычным в то время, когда непрерывно шли бои. Это и был Семен Михайлович Волков».

Впоследствии Гаврилину часто приходилось встречаться с командиром второго батальона, нередко в наступлении шли рядом. Пулеметчики Гаврилина поддерживали своим огнем батальон Волкова.

На реке Дубисе 33-я стрелковая дивизия стояла примерно месяц, готовясь к прорыву оборонительной полосы противника под Шяуляем. Затем дивизию передали 3-му Белорусскому фронту, частям которого предстояло штурмовать город и крепость Кёнигсберг.

В период боев на подступах к Кёнигсбергу и в дни штурма города о втором батальоне шла в полку добрая слава. Он не раз отличался внезапными и смелыми ударами по врагу. В умелых действиях батальона сказывался большой опыт капитана Волкова, накопленный в боях за Мелитополь и в Крыму. Комбат проявлял неустанную заботу о своих бойцах и командирах, учил добиваться победы ценой малой крови. Он использовал каждый день перерыва между боями для совершенствования тактической подготовки батальона. Капитана Волкова часто можно было видеть беседующим с солдатами по душам. Он увлеченно рассказывал о мужестве и героизме советских воинов, умело определял коварную тактику врага.

Во время подготовки к прорыву укреплений гитлеровцев на восточно-прусской границе в полку было проведено тактическое учение с боевыми стрельбами. Оно разыгрывалось на фоне обстановки, близкой к боевой. Солдаты построили макеты дотов и дзотов, соорудили око-

пы с ходами сообщений. На окопы, в которых находились бойцы, были пущены танки. Такой тактический прием применили для того, чтобы научить молодое пополнение еще необстрелянных солдат борьбе с вражескими танками. Батальон Волкова показал хорошую выучку, моральную стойкость и заслужил высокую оценку командования.

Теперь снова предоставим слово А. К. Гаврилину.

«С разбора тактических учений, — вспоминает он, — расходились ночью. Было морозно, над полем стояла тишина. Лишь вдали, над расположением противника, изредка вспыхивали ракеты. Спать не хотелось. В ожидании предстоящих событий (наступление должно было начаться со дня на день) у каждого из нас было приподнятое настроение. Решили перекурить. Ночную тишину неожиданно нарушил Семен Волков. Он вполголоса затянул песню «Ревела буря, дождь шумел...». Слова песни как-то ассоциировались с нашим настроением. Ее дружно подхватили. Все громче и громче полилась она над притихшими заснеженными ночными полями.

В канун наступления в дивизии состоялось вручение боевых наград наиболее отличившимся. Прибавился еще один орден и на груди командира второго батальона капитана Волкова».

...В двадцатых числах января 1945 года, после взятия укрепленного района гитлеровцев в районе Даркемена, полки 33-й дивизии вышли на реку Дейму. Взяв штурмом города Лабиау и Тапиау, советские войска стали готовиться к прорыву укреплений по линии Кёнигсберг — Кранц.

В солнечный морозный день командир полка подполковник Дацко собрал офицерский состав для постановки боевой задачи. Комполка был немногословен:

— Надеюсь, что и в этом решающем бою гвардейцы нашего полка не подкачают.

С командного пункта полка лейтенант Гаврилин вышел вместе с капитаном Волковым. Комбат был в хорошем настроении.

— Ну, братцы, — сказал он, — остались Гитлеру считанные деньки. Я давно ждал этого. Еще в те времена,

когда отступал на юге, твердо верил: будет и на нашей улице праздник.

Спустя несколько часов советская артиллерия обрушила мощный огонь на вражеские укрепления, а вслед за этим пехота поднялась в атаку. Волков — в первых цепях своего батальона. Возгласом — «Вперед! За Родину!» — он увлекал бойцов на штурм.

Батальон стремительно ворвался в расположение противника, уничтожил сотни гитлеровцев. В этом бою было взято много пленных.

К концу января 1945 года Кёнигсберг был окружен нашими войсками. Бои шли непрерывно. Но особенно ожесточенная схватка разгорелась 18 февраля на участке 33-й дивизии. Гитлеровцы предпринимали неоднократные попытки вырваться из окружения. Им удалось одно время несколько потеснить наши боевые порядки в районе Норгау. На позиции, занимаемые батальоном Волкова, двинулось восемнадцать танков. За ними шли густые цепи пехоты. В этот решительный момент бойцы батальона слышали голос своего командира:

— Бей их, гадов! Ни шагу назад!

...Батальон удержал занимаемые позиции, не отступив ни на шаг.

Он был отважен и смел, комбат Семен Волков. Он не терял присутствия духа ни при каких обстоятельствах. Бойцы всегда видели своего командира на самых опасных и решающих участках жарких боевых схваток. Таким помнят его однополчанин.

В боях за Кёнигсберг капитан Волков получил ранение и попал в дивизионный госпиталь. И здесь оборвалась жизнь бесстрашного комбата. 14 апреля в палате госпитального здания разорвался вражеский снаряд...

Не осуществилась юношеская мечта Семена Михайловича Волкова о дальних морских походах. Но его имя осталось на море как продолжение мечты. Средний морозильный траулер «Семен Волков» бороздит просторы Атлантики. Его экипаж дорожит славным именем своего судна и своими трудовыми подвигами приумножает могущество Родины.

В Калининграде, на проспекте Мира, рядом с озером, находится братская могила. В центре ее гранитный обелиск:

/

**Вечная память героям,
погибшим за свободу и независимость
нашей Родины.**

Здесь похоронен С. М. Волков. У подножия обелиска венки — дань уважения тем, кто беззаветно служил Советской Отчизне и отдал за нее жизнь.

В. Максюк

ЗЕМЛЯ БОГАТЫРСКАЯ

Герой Советского Союза
Н. Д. ВОЛОСТНОВ

Дорога из Казани на Зеленодольск. Перелески, поля, косогоры и вновь перелески... Могучая, богатырская красота Поволжья. Смотришь и начинаешь проникаться чувством: такой и должна быть земля, вскормившая героя.

Предстоящее свидание волнует по-особому: я еду к матери Героя Советского Союза Николая Волостнова, именем которого назван калининградский траулер СРТМ-8041, еду к землякам Николая, знавшим его мальчишкой. Да он и остался в их памяти обыкновенным пареньком: гвардии сержант Волостнов погиб девятнадцатилетним юношей на Земландском полуострове 15 апреля 1945 года.

А когда он уходил на фронт, ему было только семнадцать. И вызывают вдруг щемящую боль пришедшие на память красивые и печальные слова: мертвые не стареют...

Маленький домик в поселке Васильево под Зеленодольском. Резные наличники на окошках, калитка во двор — таких домов тысячи в этих местах. С трудом поднимаю руку, чтобы постучать. Ты прости меня, мать, что придется беречь твою душу. Хоть и много воды в

Волге утекло с той поры, твои раны никогда не заживут. И страшно прикасаться к ним, но надо, очень надо, чтобы народ наш знал о своих героях.

Не допытываясь, кто и откуда, маленькая седая старушка радушно приглашает в горницу. И сразу бросается в глаза большой живописный портрет на стене. Художнику хорошо удалось схватить трудноуловимое сочетание мужества и юношеской мягкости на лице Николая, озорноватую усмешку по-мальчишески припухлых губ.

Пелагея Константиновна рассказывает историю портрета. Доставила его делегация солдат и офицеров части, где служил Николай. Портрет написал один из воинов по фотографии Николая военных лет, которая хранится в их музее боевой славы.

— Пришли они, — вспоминает Пелагея Константиновна. — Один и говорит: «Хочешь, мать, увидеть своего сына?..» И портрет этот развешивает — я и обомлела...

Перестарались солдаты. Им-то, конечно же, хотелось как лучше. Пришлось тогда отхаживать Пелагею Константиновну. Впрочем, она вспоминает о них с большой теплотой. Ей часто пишут, присылают подарки. Вот одно из писем:

«...Мы, воины, чтим не только память нашего героя-однополчанина, но и Вас, простую русскую женщину, воспитавшую такого сына».

Еще письмо — командира части. Скорее не просто письмо, а рапорт матери героя. Командир докладывает П. К. Волостновой, какие воинские почести отдаются светлой памяти ее сына. В части вошел в традицию День памяти героев. У стенда «Золотые звезды» ветераны проводят беседы о воинской доблести и чести, новобранцы принимают присягу на верность Родине. Подразделения проходят церемониальным маршем.

А я рассказываю Пелагее Константиновне о бескрайних морских просторах, тысячах и тысячах миль, уже пройденных «Николаем Волостновым», построенном на верфях «Ленинской кузницы» в Киеве. А сколько еще ему бороздить моря и океаны, в каких только портах мира не прочтут на борту советского корабля русское имя — Николай Волостнов!..

И, говоря все это, я понимаю, насколько горько для матери это утешение при всем своем величии и красоте.

И понятна святая ревность Пелагеи Константиновны, когда она расспрашивает о людях, плавающих на корабле имени ее сына.

Хорошие это люди, крепкие духом, настоящие моряки. Рассказываю матери об одном эпизоде из их повседневной работы — пусть судит сама.

Северо-Западная Атлантика... Погода здесь не часто бывает хорошая, а на этот раз в течение почти всего рейса над морем стоял густой туман. Из рулевой рубки еле-еле просматривались очертания корабля.

Не каждый моряк решится вести промысел в таких условиях: и трудно, и небезопасно. Но это для тех, у кого маловато опыта. А экипаж траулера «Николай Волостнов» оказался на высоте. Благодаря опыту и мастерству членов команды, в рейсе не было никаких неприятностей. На борт поднимали большие уловы, вся команда героически боролась за выполнение плана и своего добилась. Не случайно «Николай Волостнов» не раз занимал первое место в своей базе флота и сейчас высоко несет вымпел рыбацкого соревнования...

Вечереет. За синеющим окном тянут ввысь свои тонкие, трепетные руки молодые березы. Интересно, росли они здесь, когда был жив Николай? А жить им, обыкновенным березам, еще много-много лет.

Приходит с работы старший брат Николая Борис Волостнов. Он мастер по фибролиту на местном деревообрабатывающем комбинате. Тоже прошел войну с первого до последнего дня. За его сутуловатыми плечами старого рабочего и солдата тысячи верст фронтовых дорог: Брянск, Плоешти, Прага.

Мать и сын вспоминают. А я пытаюсь понять, что же было в Николае Волостнове необыкновенного — геройского в отвлеченном, теоретическом смысле этого огромного слова. Нет, в этом смысле не было ничего! Любил все, что любят в его возрасте. Но детство сложилось трудное, рано пришлось узнать заботы. Отец умер. В пятнадцать мальчишеских лет пошел Николай работать в лесничество — лес валить.

— По вечерам все книжки читал, — говорит Пелагея Константиновна. — Утешал меня: не горюй, мама, не век мне топором махать. Буду учиться, инженером стану. А можно и агрономом — разве плохо? Агрономом-то даже

лучше, пожалуй: не надо никуда из родных мест уезжать. Хорошая будет жизнь, вот увидишь...

И за это тоже отдал свою жизнь Николай — чтобы лучше жилось его землякам и всем нам, чтобы сами определяли мы, как жить и работать русскому, татарскому — советскому народу.

Деревня Ивановское. Здесь родился Николай Волостнов. Их становится все меньше, таких деревенок где-нибудь на отшибе от центральных усадеб колхозов.

Однако и тут во всем чувствуется новизна жизненного уклада.

А километра за четыре село Большие Ключи, куда бегал Коля в школу. Здесь создана современная птицефабрика с автоматическим управлением всех производственных процессов. Курятник и электроника, автоматика — этого не мог предвидеть даже великий английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, встречавшийся с В. И. Лениным в первые годы Советской власти! Достаточно сказать, что на попечении только одной птичницы Маймуны Сафиулиной, с которой я говорил, — двадцать тысяч кур. Такова эта фабрика. Вот почему и переходят люди в такие хозяйства из маленьких деревушек, поселяются в новых благоустроенных домах городского типа, которые, как грибы, растут вокруг колхозов и совхозов. Тянутся люди к большой культуре сельскохозяйственного производства, быта, всего уклада жизни. И как бы порадовался этому Николай...

А родина босоногого детства Николая выглядит так. Избы, рассыпанные на широкой ладони косогора. Зубчатая стена леса. Извилистая лента речки Сумки. А там, в лесу, два озера, пришедшие из русских сказок, — одно Светлое, другое Темное. Когда лес ронял свой багряный убор и поле серебрил мороз, Коля бегал на самодельных коньках по звонкому, поющему льду озер.

Он не расставался с коньками и когда шел в школу — за четыре километра — в Большие Ключи. После уроков Коля заходил на озера, пока их не заваливало сугробами.

Еще он любил, распластавшись на льду, смотреть подводное царство. Водоросли, словно диковинный лес. Жуки-плавунцы, шустро перебирающие коленчатыми лапками. Рыбешки, сонно шевелящие плавниками...

Все это любят и мальчишки из школы в Больших Ключах, где учился Николай и где пионерская дружина носит его имя.

Делегации пионеров, комсомольских работников и колхозников района часто бывают в воинской части, где служил Волостнов. И среди реликвий в музее героев есть картина: Николай за пулеметом в своем последнем бою...

Немцы бросились в контратаку под местечком Гаутен. Шла операция по очищению Земландского полуострова от группировок гитлеровских войск. Гвардии сержант Николай Волостнов прикрывал пулеметным огнем боевые порядки на стыке двух рот.

Под натиском превосходящих сил противника стрелковые роты были вынуждены отойти. Николай понимал: ему надо остаться здесь, чтобы обеспечить отход товарищей.

Одна атака следует за другой. Солдат его расчета убит. Николай остается один. Шинель набухает кровью — ранен. А немцы ползут, перебегают, рвутся вперед. К ним подошли самоходные орудия.

Снова атака. Оскаленные в крике роты, белые от ярости глаза. Кажется, сейчас вот самые отчаянные упрутся грудью в ствол пулемета. Но пулемет работает... И валятся гитлеровцы, все выше становится завал из убитых перед позицией Волостнова...

Но вот из лоцинки тупым тяжелым чудовищем выползает самоходка. Понятно: будут бить по его пулемету в упор. Как там наши, успеют ли собраться с силами... Только бы успели! Прощайте, братья-товарищи, прощай, мама!

Мне кажется, так думал Николай в последние минуты. В этом бою он уничтожил не один десяток немецких солдат и офицеров. За этот подвиг ему присвоено звание Героя Советского Союза — посмертно.

Волостнов погиб, но победил. Роты под прикрытием его пулемета сумели закрепиться и затем перейти в решительную контратаку. Еще одна фашистская группировка на Земландском полуострове перестала существовать.

Незримые нити связывают Калининград с поселком Васильево, родными местами Николая Волостнова. Пелагее Константиновне пишут школьники, рабочие, офицеры,

интеллигенция — представители самых разнообразных профессий. Но меня особенно тронуло письмо калининградских школьников.

Листок из тетради в клеточку, старательный почерк:

«Вы, Пелагея Константиновна, не переживайте, мы будем ухаживать за могилой Вашего сына, можете на нас надеяться. Напишите нам, пожалуйста, хоть несколько слов: каким он был в детстве. Нам очень хочется быть похожими на него».

«Цветите, юные, и здоровейте телом — у вас иная жизнь, иной напев...»

И за это тоже пошел на смерть комсомолец Коля Волостнов...

Пелагея Константиновна расспрашивает меня о корабле имени ее сына: хорош ли он? Не беспокойся, мать. Может проплыть, если понадобится, все моря и океаны Земли. Оборудован траулер по последнему слову отечественного судостроения.

Спрашивает Пелагея Константиновна о могиле сына. Но разве найти слова, чтобы сказать об этом достойно! Показываю фотографию обелиска.

— Хочу, сынок, перед смертью побывать на его могиле, — говорит Пелагея Константиновна. — Трудно мне, девятый десяток идет, а побывать надо.

Приезжайте, мама! Вы увидите наш удивительный город, наш мощный промысловый флот, его замечательных людей и еще раз убедитесь: ваш сын отдал свою жизнь во имя великой и прекрасной цели.

Е. Ермилов

МАТЕРИНСКИЙ НАКАЗ

Герой Советского Союза
Ш. Л. ГАМЦЕМЛИДЗЕ

«На свои плечи он поднял многотонный фашистский танк, поднял его и сбросил в бездну...» — так писал о подвиге младшего сержанта Шота Гамцемлидзе грузинский поэт Соломон Тавадзе.

И вот я у матери героя. Город Тбилиси, улица Пекинская, 36. Адрес этого дома знают не только в Грузии. Сюда идут письма и телеграммы из Москвы, Волгограда, Ленинграда, Калининграда, многих других городов страны.

Но чаще всего Нине Александровне почтальоны приносят радиogramмы из далекой Атлантики от моряков рыболовного траулера, носящего имя Героя Советского Союза Шота Гамцемлидзе...

Мать Шота — Нина Александровна Гамцемлидзе — заслуженная учительница Грузинской ССР, член республиканского Комитета защиты мира, персональный пенсионер. В ответ на мою просьбу поделиться воспоминаниями о сыне она приносит и кладет на стол две объемистые папки. Дрожащими от волнения руками перебирает пачки писем, различные документы, вырезки из газет. Вынимает и долго смотрит на фотокарточку, на которой

запечатлен четырнадцатилетний мальчуган с такими же большими, как у матери, глазами.

— Это мой Шота, — говорит Нина Александровна. — А вот эта фотография уже с фронта.

С портрета смотрит юноша в солдатской шинели и буденовке. Внимательный, с грустинкой взгляд из-под черных бровей. Таким был двадцать с лишним лет назад Шота Леонович Гамцемлидзе — сын солнечной Грузии, советский солдат, отдавший жизнь за свободу и независимость социалистического Отечества. Таким остался он в памяти однополчан, тех, кто сражался с ним плечом к плечу и кто стал свидетелем его бессмертного подвига, сверкнувшего, как зарница, и озарившего его имя навечно. Такая же фотография, только во много раз увеличенная, висит в аккуратной рамке на стене.

Бережно, как дорогие реликвии, перебирает Нина Александровна многочисленные документы — все, что хранит память о сыне, и делится воспоминаниями. Рассказывает о детстве Шота. Вспоминает о своем последнем разговоре с сыном в памятное утро 1941 года в небольшой комнате одного из домов на улице Мерквиладзе, где в то время проживала их семья. Получив повестку из военкомата, Шота пришел попрощаться с матерью и сестрой.

Многое хотелось сказать сыну на прощание. Но коротки минуты расставания.

— Побереги себя, сынок, ведь ты у меня единственный, — обнимая юношу, промолвила Нина Александровна.

Сын взглянул на мать, и в глазах его появились озорные огоньки:

— Не беспокойся, мама. Я буду остерегаться сквозняков, чтобы не простудиться...

Мать улыбнулась шутке. Ведь таким она знала его с детства: находчивым, остроумным, неунывающим.

А он продолжал:

— Это война, мама. Но, как бы там ни было трудно, я постараюсь быть таким солдатом, чтобы тебе никогда не было стыдно за своего сына.

...В семь лет Шота пошел в школу, но не в ту, в которой Нина Александровна преподавала русский язык, а в другую. Это было сделано умышленно, чтобы мальчик не чувствовал над собой материнской опеки. И после,

когда сын засиживался над решением сложной задачи, мать не спешила ему на помощь: пусть постигает своим умом.

— Были у меня в тетрадке выписаны слова Николая Островского: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Я часто приводила эти слова своим ученикам, напоминала их сыну, — говорит Нина Александровна.

Шота любил Островского. Учился хорошо и мечтал поступить в университет. Но в тридцать девятом году неожиданно умер отец. Шота сказал: «Мама, я должен помогать семье, учиться никогда не поздно». И пошел учеником слесаря в артель «Универсал». А потом грянула война...

Редко приходили солдатские письма-треугольнички на улицу Мерквиладзе (ныне улица Шота Гамцемлидзе). Вот короткие, всего в несколько строк с дороги:

«Мама, я все время думаю о тебе. Не понравились мне твои слезы во время прощанья. Ты же сама говорила: «Нужно быть стойким».

В следующем Шота сообщал, что уже привык к фронтовой жизни, научился владеть оружием. А еще через некоторое время написал:

«Мама, можешь меня поздравить. Теперь твой сын гвардии младший сержант. Наши дела на фронте идут хорошо».

И снова почтальон долго не приносил писем. Зато как обрадовалась Нина Александровна, получив очередную весточку:

«Любимая мама! Здравствуй. За меня не беспокойся, воюю как надо. Беспощадно бьем фашистов, гоним их с родной земли. Знаю, ты обрадуешься — я принят в ряды партии. Я готов выполнить любой приказ Родины, готов отдать за нее жизнь».

Полк, в котором служил Шота Гамцемлидзе командиром отделения противотанковых ружей, прошел трудный боевой путь от Волги до Восточной Пруссии. Гвардейцы освобождали Смоленск, с боями ворвались в столицу Белоруссии — Минск. К этому времени на груди

у младшего сержанта к двум боевым медалям прибавился орден Славы. «Каждый день встречаем в жарком бою», — писал матери Шота.

Он сообщал о подвигах своих боевых товарищей — бронебойщике Петре Сидорове, Сабире Ахтянове и других. Нина Александровна показывает фотографию юноши в сержантских погонах, с медалью «Золотая Звезда» на груди.

— Это фронтовой товарищ Шоты, — говорит она. — Он писал, что с такими друзьями, как Ахтянов, Сидоров, никакой враг не страшен.

...Второй мотострелковый батальон, преодолевая вражеское сопротивление, подошел к границам Восточной Пруссии. Тысячи километров отделяли Грузию от жестоких схваток, которые вели гвардейцы мотострелковой бригады на литовской земле, штурмуя мощные укрепления гитлеровцев на прусской границе. Но Шота Гамцемлидзе вместе со своими однополчанами русским Петром Сидоровым, украинцем Иваном Базулько, татаринном Сабиром Ахтяновым на этих огненных рубежах защищали и Грузию, и Украину, и Татарию — всю свою великую и многонациональную Родину — Союз Советских Социалистических Республик.

20 января 1945 года второй гвардейский батальон завязал бой за город Ауловенен. Он был превращен немцами в мощный опорный пункт. Атакующие советские части встретила стена заградительного огня.

Бронебойщики были в первых рядах. Молодой коммунист Шота Гамцемлидзе со своим отделением оказывался всегда там, где угрожала наибольшая опасность от гитлеровских «тигров» и самоходных пушек. Таков уж воинский долг петезровцев: преграждать дорогу бронированным машинам врага.

Перебегая от воронки к воронке, хоронясь за укрытия в складках местности, бойцы выдвинулись к перекрестку дорог. Отсюда они увидели две самоходки гитлеровцев, которые вели огонь по наступающим гвардейцам.

В грохот разрывов вражеских снарядов впились сухие хлопки противотанковых ружей. Самоходки смолкли. Но тут из дыма вынырнул бронетранспортер. По нему в упор ударили все три расчета. Машину объяло пламя.

Огонь фашистов ослабел, и штурмовой батальон ворвался на окраины города. Завязались уличные бои. Жар-

кие схватки шли буквально за каждый дом. На участок, где дрался гвардейский батальон, гитлеровцы подтянули резервы.

— Шота, танки! — крикнул сержант Сабир Ахтянов.

Гамцемлидзе из укрытия взглянул на шоссе. Несколько «тигров» вынырнули из леса. Огнем они снова прижали к земле советских солдат.

Один из танков, обогнув пылающие самоходки, двинулся на позиции наших бойцов. Положение создалось критическое. Еще несколько минут — и бронированная громада начнет утюжить цепи советских солдат. Такого бронейкой не возьмешь, а остановить надо во что бы то ни стало.

— Разрешите его гранатами, — подполз Гамцемлидзе к командиру роты.

— Действуй, младший сержант! — приказал капитан.

Пригибаясь, Шота побежал к шоссе. Рядом раздался взрыв. Волной опрокинуло гвардейца. Поднимаясь, младший сержант почувствовал резкую боль в ноге. Но это не остановило отважного воина. На пути оказалась воронка, бронейщик нырнул в нее. А танк был уже рядом.

И в этот момент наши бойцы увидели, как во весь рост Гамцемлидзе поднялся из воронки. Со связкой гранат, как исполин, шагнул он навстречу фашистской бронированной громаде...

...Пламя взрыва осветило фашистский танк. Он развернулся и загородил путь следующим за ним другим машинам. Раздались залпы подоспевших советских артиллеристов. Гвардейцы били по «тиграм» в упор. На шоссе осталось несколько пылающих танков. Советские бойцы бросились в атаку, и Ауловенен был взят.

Имя Шота Гамцемлидзе, Героя Советского Союза, навсегда сохранится в народной памяти. Оно живет в славных боевых традициях части, в которой сражался младший сержант. Приказом Министра обороны Шота Гамцемлидзе навечно зачислен в списки ее бойцов.

«У нас стало традицией, — пишет командир части Нине Александровне, — когда молодых солдат, прибывших к нам служить, ведут к кровати Вашего сына, над которой висит его портрет и Указ Президиума Верхов-

ного Совета СССР, им рассказывают о боевых делах воспитанников части. Каждый солдат знает об отважном подвиге Героя Советского Союза Шота Гамцемлидзе, стремится так же честно и мужественно выполнять свой воинский долг, как выполнял его Ваш сын».

Нельзя без волнения читать надпись на книге, которую прислали матери героя воины части. «Нине Александровне Гамцемлидзе — матери, родившей и воспитавшей замечательного, верного и преданного сына Советской Родины, отдавшего свою жизнь во имя победы Отечества в годы Великой Отечественной войны. От благодарных наследников-однополчан, хранящих светлый образ Шота Гамцемлидзе и носящих его горячую любовь к Родине в своих молодых сердцах».

Пишут матери героя школьники поселка Калиновка. Их пионерская дружина, как и школа № 30, в которой учился Шота, носит имя героя. «Мальчишки нашей школы, — сообщается в письме, — тоже хотят стать такими смелыми и мужественными, каким был Шота Леоневич».

Нет, Шота Гамцемлидзе не погиб. Он живет в сердцах и делах нашего поколения. На самом видном месте в квартире Нины Александровны висит большой снимок рыболовного траулера «Шота Гамцемлидзе». Судно рассекает своим острым форштевнем океанскую волну. Под фотографией надпись: «Нине Александровне Гамцемлидзе в память о бессмертной славе Вашего сына».

Его прислали калининградские рыбаки. Они гордятся героем, именем которого названо их судно. Экипаж СРТМ-8040 из рейса в рейс добивается высоких производственных успехов. «Дорогая Нина Александровна, — радирует экипаж из далекой Атлантики, — рады сообщить Вам, что план и социалистические обязательства выполнены досрочно...»

В. Максук

ГЕРОИ ЖИВУТ ВЕЧНО

Герой Советского Союза
Г. П. ГОЛОВЕНСКИЙ

Гай Головенский проснулся на рассвете. Прислушался.

Обычно в это время за хатой хлопали кнутами пастухи, мычали коровы, а сейчас село словно вымерло. Только далекие орудийные раскаты по-прежнему доносятся с запада.

— Ты не спишь, Гаек? — подошла к нему мать. Всю ночь провела она без сна, то и дело выходила за ворота, выносила воду, молоко, яйца... До самого рассвета через село шли отряды красноармейцев, ехали повозки с ранеными...

— Что же будет с нами, сынок? — заплакала Галина Мусиевна. — Враги идут в Успенку.

Нелегко было ей встречать горе с кучей детей да мужем инвалидом. Проснулись как по команде Митенька, Танюша, Ванятка, Сашенька и Настюша, потянулись к матери.

— Не плачьте, мамо. Наши вернутся, не дадут в обиду, а пока я сам буду заступаться за вас, — твердо сказал Гай и прижался к материнской щеке. Он был старшим и в свои пятнадцать лет хорошо понимал это.

Через несколько часов в Успенку ворвались гитлеровцы.

Немало лет прошло с тех пор, но Галина Мусиевна помнит этот день, не забыла ни одного слова, сказанного сыном. Мы сидим на крылечке. Вечереет. Шумит развесистый тополь, храня память о прошлом, откуда-то доносится песня, напоминая о настоящем. Это возвращаются бригады с прорывки сахарной свеклы.

Нет, Гай не зря сказал тогда матери те слова. В тот же день побывал он у своих товарищей, а вечером собрались все в густых зарослях тальника. Миша Выгоняйленко рассказал, как гитлеровцы прикладами гнали по улице полураздетых людей. Он узнал среди них бригадира Ивана Павловича Гороха, тракториста Сашу Синего, председателя колхоза Ивана Яковлевича Тарануху... Они были коммунистами.

— До самой ночи сидели в тальнике, — рассказывает Николай Васильевич Некрасов, лучший друг Гая в те трудные годы. — Гай предложил организовать отряд, чтобы мстить гитлеровцам. А через несколько дней мы нашли листовку. Нашу, советскую. Летчики сбросили.

Это была первая весточка от своих. Ребята читали ее и про себя, и вслух. Выучили текст наизусть.

— Надо переписать и разнести по домам, — сказал Гай. — Пусть все село знает, что Красная Армия героически отбивает атаки врага, наносит ему тяжелый урон, готовится к решительным боям по всей линии фронта.

Он говорил словами листовки, но теперь это были и его слова.

До глубокой ночи ребята сидели за трудной и опасной работой. Одни писали печатными буквами, другие — левой рукой, чтобы гитлеровцы не смогли найти их по черку. А последнюю строчку на всех листках выводил красными чернилами Гай: «Да здравствует наша Родина! Наше дело правое, победа будет за нами!»

Листовки, написанные ребятами, буквально взбесили гитлеровцев. Днем и ночью устраивали они обыски и облавы, но жители села не выдали ребят. Во время одной из облав им удалось схватить целую группу шестнадцатилетних. Схватили они и Гая, но смелый юноша сумел вырваться из рук врагов. По дороге в управу он сбил гитлеровца с ног и нырнул в облако густой пыли, поднятой проходившей машиной. А его товарищей Сашу Дрофу, Васю Рудецкого, Сашу Шамрая и других фашисты заперли на ночь в здании школы, поставили охрану, вклю-

чили прожекторы. Но ребята перехитрили гитлеровцев.

— Мы выломали в классе пол, — рассказывает учитель школы Александр Кириллович Дрофа, — прокопали лаз и, как только часовой сворачивал за угол, по одному перебегали в школьный сад. Ребята знали, что рискуют жизнью, но каждый считал, что лучше погибнуть, чем попасть в рабство. Не всем тогда посчастливилось вырваться из лап гитлеровцев. Сашу Шамрая скосила немецкая пуля...

Два года хозяйничали гитлеровцы в Успенке Сумской области. Галина Мусиевна выбивалась из сил, чтобы хоть как-то прокормить семью. Фашисты отбирали у людей все, голод ходил из хаты в хату... У отца Гая, Петра Ивановича, начался туберкулез, умерли Ванятка и Настюшка. Но все ближе раздавалась артиллерийская канонада. Ребята, как и все жители села, с нетерпением ждали прихода Красной Армии. И этот радостный день наступил. Юных бойцов зачислили в одно стрелковое отделение. Они приняли военную присягу — нерушимую клятву на верность Родине, народу.

Молодые воины рвались в бой. Хотелось скорее отомстить гитлеровцам за причиненные злодеяния.

Весной 1944 года Гай и Миша Выгоняйленко в составе роты автоматчиков были отправлены на фронт.

Советские войска готовились к крупному наступлению. Бойцы первого стрелкового батальона по-дружески встретили пополнение из новичков. Они рассказали о боевых делах своего 690-го стрелкового полка, входившего в 126-ю дивизию 43-й армии, которой командовал генерал-лейтенант Белобородов.

Галина Мусиевна приносит письмо: пожелтевший от времени листок с едва заметными карандашными строчками:

«Мы с Мишей в одном стрелковом отделении. Сейчас готовимся к бою. Будем освобождать Витебск. Первый раз пойду в бой, но мне не страшно. Рядом хорошие товарищи, и я уверен, что задачу выполним. Наконец-то настал мой черед отомстить фашистским собакам за все, что они причинили нам. До свиданья, мамо и тату...»

...Атака началась. Она была неожиданной для врага. Пока фашисты опомнились, наши танки проутюжили первую траншею.

Вслед за танками в окопы ворвалась пехота. Одним из первых в траншею спрыгнул Гай и уничтожил несколько гитлеровцев. Схватка была короткой, решительной. И снова вперед, ко второй траншее, чтобы не дать возможности врагу закрепиться.

Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись, переходили в контратаки. Но тщетно. Войска 43-й и 39-й армий замкнули кольцо окружения западнее Витебска.

За мужество и героизм, проявленные в первом бою, рядовой Гай Головенский был награжден медалью «За отвагу».

Развивая наступление, войска 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала армии И. Х. Баграмяна освобождали города Белоруссии, Литвы и наконец с боями вышли к границе Восточной Пруссии. Овладев сильно укрепленным городом Тильзит, 43-я армия генерал-лейтенанта Белобородова устремилась на Кёнигсберг. Гитлеровцы яростно сопротивлялись, переходили в контратаки. У местечка Прилаккен батальон А. И. Рыбникова двумя ротами овладел высотой. Третья рота, в которой был Гай Головенский, ворвалась в Прилаккен и захватила его. Гай занял оборону на чердаке одного из кирпичных сараев. Метким огнем из автомата он расстреливал немецких солдат.

Контратаки немцев были отбиты. Гай сменил позицию, спустился во двор. В это время гитлеровец, притворившийся убитым, метнул гранату. «У фашиста кончились патроны», — догадался Гай. Он подбежал к унтер-офицеру и оглушил его прикладом.

Это было 23 февраля 1945 года. Воспользовавшись затишьем, комбат Рыбников построил бойцов и поздравил их с 27-й годовщиной Советской Армии. Здесь же он вручил Гаю Головенскому автомат № 434, из которого Константин Таллах уничтожил сорок четыре гитлеровца. Герой Советского Союза Константин Таллах завещал, умирая, чтобы автомат был вручен самому храброму бойцу 690-го полка. Таким бойцом стал Гай. Перед строем, крепко сжимая оружие, он сказал: «Клянусь, что буду бить из этого автомата врага так, как бил его Таллах!»

В ночь с 23-го на 24 февраля гитлеровцы решили выбить наших бойцов из Прилаккена.

Четверо суток днем и ночью батальон А. И. Рыбникова отражал яростный натиск гитлеровцев. Пользуясь значительным количественным преимуществом в силе, немцы заняли два кирпичных сарая. Гай Головенский с группой воинов перешел в дом, где был наблюдательный пункт командира батальона. Гитлеровцы — в сорока метрах. Они ведут огонь из всех щелей, и выбить их оставшимися силами нелегко.

Две другие роты помощь оказать не могут, так как ведут бой на высоте...

Смеркалось. Каждый боец понимал: гитлеровцы ждут темноты, чтобы справиться с двадцатью пятью советскими бойцами.

— Надо поджечь сарай. В них засели гитлеровцы, — решил Гай. — Там на чердаках сухое сено.

Короткие очереди трассирующих пуль — и сарай вспыхнули. Но ветер понес густой дым на дом, он мешал автоматчикам вести наблюдение. Положение воинов стало критическим. Вдруг рухнула крыша на одном сарае, затем на другом...

— Вперед... За мной! — скомандовал командир батальона и бросился на врага.

Обгоревшие гитлеровцы один за другим выскакивали из огня. Вот тут-то и испытал в полную меру свой автомат Гай Головенский. Десять немецких солдат уничтожил молодой боец у одного только сарая.

6 апреля, после артиллерийской подготовки, в двенадцать часов дня, войска 43-й, 50-й и 11-й гвардейской армий всеокрушающей лавиной обрушились на укрепления Кёнигсберга. На пути воинов 126-й дивизии стоял форт «Король Фридрих III». Перед натиском наших бойцов не устоял его гарнизон. 8 апреля 690-й стрелковый полк вплотную подошел к городу и завязал бои на окраинных улицах. Батальон Рыбникова, в котором был Гай Головенский, усиленный танками и самоходными артиллерийскими установками, решительно штурмовал дом за домом, квартал за кварталом. В течение 8 апреля бойцы вклинились в оборону противника на полтора-два километра. Впереди была рота лейтенанта И. Матвеева. Одним из отделений роты командовал младший сержант Гай Головенский.

К вечеру рота в составе батальона вышла в район зоопарка. Гитлеровцы ввели в бой свежие силы и предприняли контратаки. Одна из них была направлена против батальона Рыбникова. В этом бою Головенский уничтожил двадцать два немецких солдата и унтер-офицера.

На рассвете отделение было остановлено огнем пулеметов противника. Взять с ходу долговременные огневые точки не удалось. Бойцы залегли. Рыбников, раненый, лежал на шинели в подвале, санитар перевязывал ему раны.

— Необходимо подавить огневые точки, — сказал комбат. — Поручите это Головенскому. Он справится с задачей.

Умело скрываясь в складках местности, Гай пополз вперед. Он понимал: от его мужества зависит успех всего подразделения. Ошибиться он не имеет права: на карту поставлена жизнь боевых товарищей, с которыми пройдено так много фронтовых дорог. Амбразура все ближе и ближе. Можно бросать.

Раздался взрыв.

Рота поднялась в атаку. Но затем снова залегла, два крупнокалиберных пулемета открыли фланкирующий огонь из окон полуподвального помещения разрушенного дома.

— Два пулемета... У меня две гранаты, — шептал Гай, подползая к дому.

Взрывы были мощными...

На следующий день, 9 апреля 1945 года, Кёнигсберг пал. Советские войска одержали историческую победу. Но не дожидаясь этого радостного часа девятнадцатилетний боец младший сержант Гай Головенский. Его сразила вражеская пуля...

За боевые подвиги, за героизм при штурме прусской цитадели Гаю Петровичу Головенскому посмертно было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

С Галиной Мусиевной мы идем по широкой зеленой улице имени Гая Головенского. Низко кланяются матери героя сельчане. Они знают, каждый день в это время ходит она на свидание с сыном...

В школьном дворе, среди цветущих роз, возвышается гранитный постамент. На нем бронзовый бюст юноши.

— Здравствуй, сынок, — говорит мать и опускается на колени.

Нас окружают ученики.

Александр Кириллович Дрофа и директор школы Иван Тимофеевич Христюк показывают мне классную комнату, в которой в седьмом классе учился Гай, уголок боевой славы, посвященный жизни и подвигу героя.

Я рассказал им о жизни и работе экипажа среднего рыболовного траулера-морозильщика-8042, названного именем Гая Головенского. Моряки судна гордятся Гаем и продолжают его подвиг. Только теперь это подвиг трудовой.

Герои не умирают. Живет и Гай Головенский. Его именем названы улица и средняя школа в селе Успенка, его имя носит траулер Пионерской базы Океанрыбфлота.

К. Борисова

Герой Советского Союза
В. С. ГОЛОВКИН

«НИ ШАГУ НАЗАД, РЕБЯТА!»

Трудно, ох как трудно вести разговор на такую тему. Утирая платком набевшую слезу, Анна Ивановна Головкина начинает рассказ.

— Узнала о том, что Васе посмертно присвоили звание Героя Советского Союза лишь в 1963 году. Об этом сообщили земляки-калужане, а вскоре мне вручили Грамоту Героя. Муж — Степан Алексеевич Головкин — умер в 1959 году. Так и не знал он, что сын удостоен высокой чести. Да винить-то в этом некого. Так уж сложились обстоятельства: во время войны вместе с московским заводом «Прожектор» мы эвакуировались в Новосибирск, где и получили известие о смерти Васи. Оттуда вскоре уехали на восстановление Ленинграда.

Связь с Новосибирском оборвалась, поэтому и не получили мы вовремя сообщения о присвоении Васе звания Героя. Нас разыскивали и в Новосибирске, и в Калуге. Об этом узнали мы позднее. Да разве мало было в ту пору забот у государства...

Анна Ивановна берет из шкафа большой пакет, бережно его разворачивает. Кладет на стол Грамоту Героя Советского Союза.

— Да, восемнадцать лет искала нас грамота. Для меня и отца он был все послевоенные годы героем, отдавшим жизнь за Родину. Но не знали мы, что героем его считали и однополчане, и Советское правительство. Как жаль, что отец не дожил до того момента, когда вручили мне Грамоту Героя, не подержал этот дорогой для нас документ в руках.

Каким, спрашиваете, был Вася? Да таким же, как и все его сверстники, мальчишки первых пятилеток, коллективизации деревни. Рано познал он трудности жизни...

Когда Вася еще учился в начальной школе, жили мы в деревне Малая Слободка Ферзиковского района Калужской области. Муж в это время уехал в Москву, где устроился плотником на одном из заводов. Вскоре переехала туда и я с Васей. Он в это время окончил начальную школу.

Огромный шумный город по душе пришелся мальчишке из калужской деревни. К тому же отец сказал твердо: «Будешь учиться дальше, помогу получить хорошую специальность».

Потекли годы. Зимой Василий учился, а летом помогал семье — устраивался на почту разносить письма. И занятие интересное, и, глядишь, к осени или костюм, или пальто новое, самим заработанное.

Закончена средняя школа. Отец уговорил поступить на только что открывшиеся при заводе курсы чертежников-конструкторов. Прилежный и трудолюбивый, Василий Головкин одним из первых закончил курсы, остался на заводе работать по специальности.

Но не за чертежным столом, не за кульманом видел свое будущее Василий. Сердце юноши сжималось от восторга, когда в шумной московской толпе встречались ему молодцеватые, подтянутые люди в защитной форме — командиры Красной Армии, когда мимо него проходил строй четко печатающих шаг красноармейцев.

«Только военным хочу быть», — признался он однажды Анне Ивановне.

Мать и отец не возражали. Но не успел Василий в тот год поступить в училище. А следующей весной он был призван в армию.

Служил где-то под Ленинградом. Писал, что армейская жизнь ему нравится, старается постичь «науку поберж-

дать», настойчиво овладевает боевым оружием. Надеюсь, что пройдет немного времени — и командование отпустит его на побывку домой. Но так и не приехал...

— Что было дальше с Васей, как сложилась его биография, я знаю лишь по документам да по немногим письмам, которые изредка доставляла нам в Новосибирск почта, — заканчивает свой рассказ о сыне Анна Ивановна Головкина.

Когда грохот канонады, взрывы бомб известили о начале войны, красноармеец Василий Головкин был поднят по тревоге вместе со всем личным составом 106-й отдельной танковой бригады. Уже второй год он носил форму бойца Красной Армии. В штабе бригады, где служил Василий, его уважали и любили. Командование ставило Головкина в пример другим.

В августе 1941-го Василий Головкин назначается в политотдел 152-й отдельной танковой бригады. Бригада ведет тяжелые кровопролитные бои, сдерживая напор бронированных полчищ фашистов, рвущихся к Ленинграду. Очень часто бойцам и командирам штаба и политотдела приходилось занимать места на броне танков, в боевых порядках пехоты. В ожесточенных сражениях под Лугой и Стругами Красными, под Шимском и Новгородом, под Любанью и Тосно ковались воля и характер Василия и его товарищей по оружию.

Но слишком велики были в ту пору потери. Особенно остро ощущалась нехватка подготовленных, квалифицированных командиров и политработников. Вот почему, несмотря на тяжелую обстановку на фронте, командование принимает решение направить группу лучших младших командиров на учебу в военное училище. Среди них был и сержант Василий Головкин.

Казалось, наконец-то сбылась давняя мечта: Головкин — курсант военного училища. Учился Василий хорошо, был отличником. Но уже опаленного огнем войны бойца неудержимо тянуло на фронт, где сражались его друзья. А тут еще после учебы направили принимать новую технику у уральских танкостроителей...

И Василий пишет родителям в Новосибирск:

«...До смерти надоело сидеть в тылу. Быстрее бы опять на фронт».

Командование удовлетворило настойчивую просьбу молодого командира. Вскоре в одном из воинских эшелонов Василий мчался на запад.

О последнем бое с фашистами скупое, по-военному строго и лаконично рассказывает наградной лист. За немногими строчками документа раскрывается картина подвига юного советского офицера, коммуниста.

...Была середина февраля 1945-го. Земландская группа войск генерала Баграмяна, в состав которой входил 312-й стрелковый полк, медленно, но неотвратимо теснила фашистские войска к берегам Балтики. Очень часто противник переходил в контратаки, пытаясь любой ценой вернуть оставленные позиции и если не остановить, то хотя бы задержать продвижение советских войск, дать гарнизону Кёнигсберга подготовиться к отражению штурма.

Вот уже несколько дней крупными силами пехоты при поддержке танков противник настойчиво пытается в районе Гросс-Гольгенберг вернуть утраченную им позицию, занимаемую второй ротой 312-го полка. На одной из высот закрепился взвод лейтенанта Головкина. Утро 18 февраля началось с артиллерийско-минометного обстрела. Снаряды и мины фашистов, казалось, не оставили ничего живого на небольшой высоте. Когда немцы поднялись в контратаку, их было более сотни. Впереди, изрыгая огонь и металл из всех стволов, ползли три танка. А перед ними — всего стрелковый взвод...

Положение критическое. Но не прошли для Головкина бесследно годы войны, учебы в военном училище. Его высокую, плотную фигуру можно было видеть то в одном, то в другом пулеметном гнезде, в окопах стрелков. «Ни шагу назад, ребята! Умрем, но высоту не сдадим!»

Он умело расставил бойцов, и, когда фашисты приблизились, ударил плотный ружейно-пулеметный огонь. Со всех сторон ползли на высоту враги. Но встречный свинцовый ливень, гранаты не пустили гитлеровцев, и они отступили, оставив на поле боя более шести десятков трупов и подбитый танк. Десяток гитлеровцев уничтожил молодой командир взвода.

А на другой день целый фашистский батальон устремился в атаку против взвода! Но это не испугало бойцов. Лавина огня обрушилась на гитлеровцев, и они не вы-

держали. На вершине высоты послышалось громкое «ура». Перепрыгивая через окопы и воронки, с автоматом в руках, Василий во главе своего взвода бросился на врагов. Секундное замешательство — и гитлеровцы обратились в бегство: столь неудержим и яростен был порыв советских воинов. Не давая ни минутной передышки, головкинцы ворвались на высоту, с которой фашисты начинали контратаки.

Как выяснилось позднее, гитлеровцы планировали провести массивную контратаку на большом участке фронта, но лейтенант Головкин со своим взводом активными боевыми действиями опрокинул коварные планы. А пока...

Пока быстрее закрепиться на высоте. Успеть это сделать до того, как опомнится враг, сосредоточится для новой атаки. Василий бросает взгляды, быстро считает оставшихся в живых бойцов. Девять... одиннадцать... четырнадцать... семнадцать. Всего семнадцати храбрецам предстояло удержать захваченную у противника высоту. А гитлеровцы, ведя непрерывный огонь из автоматов, поддерживаемые артиллерией, яростно насаждают. Бежав с хорошо укрепленной позиции, они пытаются вернуть ее. Атаки следуют одна за другой, напряжение боя растет. Головкин не только отдает команды, умело ведя огонь то из автомата, то из пулемета, он личным примером увлекает бойцов. Более пятидесяти неприятельских солдат и офицеров нашли в этом бою смерть от прицельного огня лейтенанта. Василий Степанович Головкин погиб в этом бою. Ему было тогда двадцать три года.

Мать героя Анна Ивановна Головкина не раз приезжала в Калининград. Здесь (в поселке Переславское Зеленоградского района) дорогая ей могила, много искренних, верных друзей: работники базы тралового флота, военные моряки Балтики, пионеры и комсомольцы Переславской средней школы и, в первую очередь, моряки траулера, носящего имя ее сына, — РТМ «Василий Головкин». На судне как родного и близкого человека принимают Анну Ивановну рыбаки.

В. Тестов

ДОБРЫХ РЕЙСОВ, «ТИМОФЕЙ ГОРНОВ»!

Пара небольших, крепких лошадей протрусила по единственной улице хутора и остановилась у одного из домов, приземистого, крытого дранкой. С телеги соскочил высокий юноша: светловолосый, загорелое лицо густо усеяно веснушками.

— Тимоша, подвези! — Младшие братья, Коля и Дима, подбежали к телеге. — Мы с тобой сено возить поедем, добро?

— Добро, — засмеялся Тимофей. — Подождите, только поесть возьму.

Через несколько минут, выйдя из дома с узелком в руках, он вместе с братьями помчался к выезду из хутора, туда, где работали на лугу односельчане, сгребая высушенную солнцем траву первого укоса.

— Братья Горновы поскакали, — говорили вслед мчавшейся телеге люди, — все трое, да еще Сергея не хватает, служить еще ему в армии долго. И Федор в Витебске. Пять братьев — вот семья!

Этот летний яркий день навсегда врезался в память Николая и Дмитрия. Потом таких запомнившихся дней было много: и перенос хутора в деревню Осиново, и переезд семьи в Витебск, и

приезд тяжело раненного старшего брата Сергея с финской.

Может быть, потому и помнят, как вскоре Тимофей ушел в армию. Служил он на Дальнем Востоке. Письма приходили предельно лаконичные: служу в батальоне аэродромного обслуживания, здоров, чего и вам желаю... Демобилизовавшись, вместе с группой комсомольцев решил Тимофей остаться на Дальнем Востоке. Здесь нужны были сильные, молодые парни, комсомольцы, вчерашние воины. Вся страна следила за дальневосточными стройками, помогала им. К тому же понравились белорусскому парню просторы тайги, широкое раздолье. Он любил и умел работать: и землю пахать, и столярничать, и с лошадьми управляться.

А в Витебске, где жила мать со старшим сыном Федором, всегда ждали его писем. Получит Елена Максимовна письмо и соседям расскажет, как дела идут у Тимофея. Вздыхала, что не женится — невесту никак не подберет.

Разметала война братьев Горновых по разным фронтам, осталась в Витебске Елена Максимовна с младшим сыном Дмитрием.

В авиадивизии у легендарного Покрышкина служил Николай, водил танки в бой Федор. Славная и трудная военная биография сложилась у Тимофея, командира орудия второго дивизиона 597-го артиллерийского полка 159-й стрелковой Краснознаменной ордена Суворова II степени Витебской дивизии.

С 41-го — в армии, с 42-го — непрерывно в боях.

...Шел 1944 год. День 22 июня выдался жарким. Войска 5-й армии должны были начать наступление. Не знали солдаты 159-й стрелковой дивизии, что операция под кодовым названием «Багратион» войдет в историю, что им, находящимся на левом фланге армии, предстоит нанести сокрушительный удар захватчикам. Перед наступлением в частях провели партийные собрания.

— До Витебска — рукой подать, — заявил старший сержант Горнов. — Там у меня мать, брат младший. Нет нам покоя, пока не освободим своих, всю нашу землю от фашизма.

В первый день боя передовые батальоны дивизии захватили первую и вторую траншеи противника, продви-

нулись на два-три километра. Батарея, в которой служил Тимофей, поддерживала один из атакующих батальонов.

Горнов принимал команды от командира взвода и вел огонь то по пулемету противника, то по закопанному в землю танку. Снова смена позиций, и снова огонь по врагу. Не закончился бой и с наступлением темноты. Почувствовав, что сопротивление противника ослаблено, наши войска продолжали теснить его. Под покровом ночи подтянули поближе артиллерию, завезли боеприпасы.

В последующие дни партизаны отряда имени Ворошилова, которым командовал В. Т. Рыжиков, провели полки дивизии через леса и болота между озерами Дивенское и Орехи и вывели их к городу Богушевску, только что освобожденному от гитлеровцев. Здесь состоялся митинг, на котором вручали награды наиболее отличившимся бойцам дивизии.

Тимофей мечтал побывать в Витебске, найти мать и брата. Не знал он, что Димку враги угнали в Германию, а мать год назад расстреляли за связь с партизанами. Об этом ему позже рассказали родные в деревне Осипово, которую его часть заняла с ходу.

Горнов и раньше был воином смелым, отважным. Получив трагическую весть, он стал суровее, молчаливее. И от разгрома витебской группировки до боев на Государственной границе СССР он как будто забыл о том, что такое опасность.

29 июля во время прорыва обороны на Немане вместе с войсками, форсировавшими реку, первым переправилось и орудие Горнова. Гитлеровцы пытались сбросить наши войска с плацдарма на западном берегу. Тимофей вел огонь по наступающим врагам, а когда они залегли, точно и метко расстрелял снарядами несколько пулеметных точек противника.

Наши части удержали плацдарм.

Командир 597-го артиллерийского полка Герой Советского Союза подполковник Осинов после одного из боев сказал, что Горнов может служить примером стойкости и мужества.

7 августа в районе деревни Бишпин немцы перешли в контратаку, поддерживав свою пехоту танками. Пять бронированных машин двигались по полю, ведя огонь на ходу. Но не дрогнули воины героического расчета Горнова. Подпустив бронированные машины на прямой выстрел,

орудие открыло огонь и вместе со вторым орудием батарее сумело отбить атаку. Два горящих танка, до пятидесяти солдат остались на поле боя.

Бои перешли на территорию Советской Литвы. До границы оставались считанные километры. Сейчас стало делом чести выйти на Государственную границу, открыть огонь по вражеской территории.

На коротких привалах, когда бойцы, немного отдохнув, собирались у орудия, каждый мечтал о том, как это произойдет. Нельзя не понять чувства людей, прошедших с боями сотни километров, видевших выжженные города и села, виселицы на площадях. Первый удар по вражеской территории — скорее бы!

И он пришел, этот час! Семнадцатое августа 1944 года. Снова дивизия шла с боями вперед, снова в цепи наступающих шло орудие Горнова. Немцы пятились, огрызались автоматными очередями, они пытались зацепиться за любую кочку, любой холмик. На одном из участков удалось разрезать оборону врага, рывок вперед — и наши на берегу.

Одним из первых на восточный берег реки Шешупе вышел орудийный расчет старшего сержанта Тимофея Горнова. И в наградном листе заключение: «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза». Подписался под заключением Военного совета 3-го Белорусского фронта генерал армии Черняховский.

Тяжелыми были бои на Шешупе. Наши войска прилагали все усилия к тому, чтобы захватить и расширить плацдарм на западном берегу реки. Неделю за неделей не выходило из боев орудие Горнова. В это время он получил письмо от брата Николая, успел ему ответить, посылать маленький солдатский треугольник.

Снимка героя не осталось: братья были на фронте; дом, в котором жили в Витебске, разрушен дотла; фронтовые друзья, кто остался жив, разъехались по стране.

Тимофей Горнов погиб на плацдарме в боях на западном берегу Шешупе 23 октября 1944 года. Не успел он получить Золотую Звезду: Указ был опубликован 24 марта 1945 года.

В трех республиках свято чтят память отважного артиллериста. Жители села Осипово поставили памятник земляку, в средней школе есть музей имени Горнова. Жива память о том, как он героически сражался за осво-

бождение Белоруссии. В Вильнюсском музее в одной из экспозиций, посвященной героям боев на территории Литовской ССР, можно увидеть имя Горнова. Его биографию по крупицам восстановили красные следопыты 27-й средней школы столицы Литвы. А похоронен Тимофей Горнов в поселке Бабушкино Нестеровского района Калининградской области. Здесь возведен обелиск.

Николай Яковлевич Горнов, фрезеровщик завода «Львовприбор», коммунист и член заводского комитета предприятия, рассказал мне о брате-герое:

— Более 40 лет прошло, а я помню его парнем, молодым и жизнерадостным. Горжусь Тимофеем, горжусь тем, что в сорок втором он был принят в партию, что с честью воевал. Из нас пятерых воевали четверо: один — в финскую, трое — в Отечественную. Все выполнили свой долг. А Тимофей — орлом взлетел. Видите, письма получаю из Белоруссии, Литвы, Калининградской области.

Из трех республик-сестер идут письма. Люди не забывают коммуниста Тимофея Горнова. Траулер, названный его именем, — еще одно свидетельство памяти народной. Добрых рейсов, «Тимофей Горнов»!

Г. Фурман

Герой Советского Союза
Г. Э. ГУСЕЙНОВ

ШЕЛ ПО ВОЙНЕ ОФИЦЕР

Габибулле Гусейнову, сыну старого бакинского нефтяника, уже в десять лет пришлось батрачить. А спустя четыре года он стал грузчиком в порту. Порт с его многочисленными причалами жил большой, беспокойной и кипучей жизнью. Все больше судов приходило сюда с севера, непрерывным морским караваном шли они из Баку в Астрахань, Махачкалу, Краснодарск, к берегам соседнего Ирана.

Шумный, многоголосый и разноязычный коллектив грузчиков бакинского порта стал первой школой жизни подростка Габибуллы.

Габибулла, как и все четырнадцатилетние, был мечтателем. Он хотел стать капитаном дальнего плавания. И вечерами, после трудового дня, спешил в общеобразовательную молодежную школу.

Однажды, это было в 1928 году, Габибуллу Гусейнова вызвали в комитет комсомола.

— Слушай, Габибулла. Комитет комсомола решил послать тебя на учебу в военное училище.

Красный командир! Габибулла не мог поверить своему счастью. Но тут же подумал: а как же море, просторы океана?

— Нам нужны национальные военные кадры, — сказал секретарь комсомольской ячейки. — Ленин завещал нам заботиться о том, чтобы все народы Страны Советов могли с оружием в руках защищать революцию.

Плехановский проспект Тбилиси. В центре старого южного города находилась тогда объединенная пехотная школа. В эту школу и попал Габибулла. Принципиальным, выдержанным, всегда требовательным к себе и товарищам, а самое главное, оптимистом до мозга костей, страстно любящим жизнь, — таким запомнился он друзьям по школе.

Военное учебное заведение Гусейнов окончил с отличием. Командование направило молодого офицера в Севастополь, где он в 1933 году окончил зенитные курсы.

И вот снова Баку. В одной из частей противовоздушной обороны и начал службу молодой командир. С первых самостоятельных шагов Гусейнов проявил талант организатора и воспитателя. Прошло всего три года, и он становится во главе зенитно-артиллерийского дивизиона. Для молодого командира это был серьезный экзамен на зрелость. Он выдержал его с честью.

Вероломное нападение фашистской Германии застало Гусейнова на западных рубежах Родины. Со своим дивизионом он принял первый удар гитлеровских полчищ. Габибулла и его зенитчики бились отчаянно, отстаивая каждую пядь родной земли. Но враг был силен: наши войска отступали, ведя тяжелые кровопролитные бои. Об этих боях Гусейнов пишет в Баку своей жене Бейут-ханум:

«Тяжело приходится нашим воинам, но они героически сражаются с гитлеровскими полчищами. Сражаются беззаветно, не щадя себя, презирая смерть. Трудно описать, с какой отвагой воюют зенитчики нашей части. Немецкая авиация пока господствует в воздухе, и нам, зенитчикам, приходится днем и ночью вести бои с фашистскими стервятниками. Только за один месяц войны нашей частью сбито 57 самолетов противника, истреблено более тысячи фашистских солдат и офицеров. Мы знаем, что нелегко придется в этой войне, но уверены, что она кончится нашей победой».

На многих фронтах воевал отважный офицер со своими смелыми зенитчиками: Северный Кавказ, Кубань, Украина.

Это было в 1943 году. Командование поручило Гусейнову формирование зенитно-артиллерийской дивизии — резерва Главного Командования (РГК). Выбор не был случайным. В многочисленных сражениях воспитанник бакинского комсомола закалился как солдат, выросло и отточилось его командирское мастерство. В личном деле Г. Гусейнова имеются такие строчки:

«Гвардии полковник Гусейнов за время командования дивизией со дня ее формирования показал себя инициативным, смелым, решительным, отлично знающим свое дело офицером».

В ожесточенных сражениях провел Гусейнов весь 1944 год. К этому времени его грудь уже украшали два ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны I степени и Красной Звезды.

1945 год. Стремительно продвигались части Советской Армии вперед, к логову фашистского зверя. Войска 3-го Белорусского фронта приступили к ликвидации вражеской группировки на Земландском полуострове. В составе 39-й армии действует дивизия гвардии полковника Гусейнова.

«Дела у нас идут хорошо. Нами сбито еще 59 вражеских самолетов и уничтожено свыше тысячи солдат и офицеров. Нет сомнения, что день победы недалек», — написал в те дни Габибулла своей жене.

Но дожить до этого радостного дня полковнику Габибулле Гусейнову так и не пришлось. 16 апреля 1945 года в жестокой схватке с врагом командир зенитной дивизии пал в бою, у орудийного лафета. А было это так.

Войска 39-й армии, которую поддерживала среди других соединений 67-я зенитная дивизия РГК под командованием полковника Г. Гусейнова, прижали к заливу Фришес-Хафф остатки разгромленных на Земландском полуострове немецко-фашистских дивизий. Гитлеровцы сопротивлялись с отчаянием обреченных. Контратаки при поддержке танков следовали одна за другой. Фашисты во что бы то ни стало стремились прорваться в район Пиллау, чтобы на кораблях своего флота уйти от неминуемого возмездия. Особенно тяжелая обстановка сложилась у шоссе в районе деревни Гайдау, где фашистским танкам с автоматчиками удалось прорваться через боевые порядки наших войск.

Полковник Гусейнов быстро оценил сложившуюся обстановку и принял решение: бросить против фашистских танков зенитные части, поставить орудия на прямую наводку. Не раз приходилось вступать в бой с фашистскими танками зенитчикам дивизии, и всегда они выходили победителями. Полковник покинул свой командный пункт, выехал на место боя, чтобы в самый решающий момент быть среди своих бойцов.

Командир прибыл на место схватки вовремя. Железная воля и организаторский талант Гусейнова помогли и на этот раз. Бойцы выстояли, задержали, а потом и опрокинули врага. В этой схватке осколок вражеского снаряда сразил полковника Гусейнова. Ему было 35 лет.

Боевые друзья похоронили Гусейнова на военном кладбище Каунаса Литовской ССР. Жители города бережно ухаживают за его могилой. Литовские школьники писали в Баку:

«Мы, ученики, члены военно-исторического кружка, решили пойти в поход по местам боев. Свой путь мы начали с города Юрбарежка, где вела бои зенитно-артиллерийская дивизия под командованием гвардии полковника Г. Гусейнова. Побывали мы и в городе Кудиркос-Наумастисе. Из этого бывшего пограничного литовского города зенитная дивизия ушла на запад. Мы же повернули к Каунасу, где похоронен герой. На его могилу мы положили цветы, поклялись быть во всем похожим на героя».

Звезды не меркнут. Живет в народном сердце имя Героя Советского Союза гвардии полковника Гусейнова, замечательного человека, коммуниста.

Его именем назван один из траулеров. В морях и океанах его дороги.

С. Бородецкая

Герой Советского Союза
П. С. ДЕРНОВ

УДАЛОЙ ГВАРДЕЕЦ

Со старой довоенной фотокарточки смотрит красивый черноволосый парень. Взгляд прямой и честный, в нем угадываются воля, решительный характер.

Вчерашний школьник поселка Самбек шахты «Западная Капитальная» Ростовской области Петр Дернов мечтал взять в руки щиток, чтобы смотреть на пламя, бушующее в недрах доменной печи. Он хотел быть металлургом. Но юность его пришлась на суровое время. Полыхнуло пламя войны, и он ушел на фронт. Восемнадцать лет комсомолец Дернов стал конником 3-го гвардейского кавалерийского корпуса. Через плечо автомат, на боку острый клинок. И помчался паренек на боевом коне по дорогам войны.

...Позади остались освобожденный от фашистов Смоленск, истерзанные города и села Белоруссии. Вместе с войсками 2-го Белорусского фронта кавалерийский корпус вступил на польские земли. 22 января 1945 года советские войска с боями прорвали линию обороны гитлеровцев Алленштайнского укрепленного района. 3-й кавалерийский корпус с боями овладел городом Алленштайн. Гвардии рядовой Петр Дернов шел

на штурм города в боевых порядках 24-го Краснознаменного кавалерийского полка под командованием полковника Бондаря.

Наступление советских кавалеристов было столь стремительным, что гитлеровцы растерялись. В течение двух часов были заняты важнейшие опорные пункты противника. Уже после захвата нашими бойцами Алленштайна на железнодорожную станцию целый день прибывали немецкие эшелоны с войсками и снаряжением. Они попадали прямо в руки солдат полковника Бондаря. Таким образом было захвачено 47 локомотивов и 1200 вагонов.

Городу Алленштайн в стратегических планах фашистского командования отводилось особое место. Он был центром укрепленного района. А поэтому Алленштайн гитлеровцы превратили в сильный узел сопротивления. Все подходы к нему были перекрыты проволочными заграждениями, дотами и дзотами, многие дома и окружающие город хутора подготовлены к круговой обороне.

Этот неприступный «порог» перешагнули русские. Петр Дернов, еще возбужденный после боя, вместе с товарищами по эскадрону радовался победе. Слушал московское радио, сообщавшее о том, что столица нашей Родины салютовала войскам 2-го Белорусского фронта.

Но гитлеровцы не хотели мириться со столь неожиданным поражением. Они собрали силы для контрудара. Командующий 2-м Белорусским фронтом маршал Рокоссовский выдвинул сюда ряд соединений. Наши войска создали сплошной фронт от Алленштайна до залива Фришес-Хафф и, упредив противника, перешли в решительное наступление.

Кавалеристы по пятам преследовали врага, не давая ему возможности закрепиться. Вдруг конники натолкнулись на заранее созданные укрепления. Они тянулись вдоль берега реки Ваданг. В ее излучине, под деревней Кеслины, нашим частям преградил путь мощный дзот. Установленный в нем и хорошо пристрелянный к местности тяжелый пулемет не давал возможности кавалерийскому эскадрону преодолеть реку. Несколько попыток форсировать ее с ходу были отбиты. На снегу уже лежали раненые и убитые гвардейцы.

Фашистский пулеметчик из дзота все еще прижимал ливнем свинца наших солдат к земле. Вдруг бойцы увидели, как по снегу быстро пробирается солдат. Это был

Петр Дернов. Он подполз к дзоту на расстояние трех-четырех шагов. Вскочил, внезапным броском кинулся вперед и телом своим закрыл пышущую огнем амбразуру.

Пулемет замолчал...

Наши воины поднялись и ринулись в атаку. Старший лейтенант Позднеев вместе с группой солдат подбежал к дзоту. Наклонился над Дерновым. Тело солдата было изрешечено сорока шестью пулями.

Ценой своей жизни гвардеец Петр Дернов обеспечил эскадрону захват переправы и населенного пункта Ваданг, в котором кавалеристы уничтожили более 200 гитлеровцев.

Это было 24 января 1945 года. Весть о героической гибели Петра Дернова, повторившего бессмертный подвиг Александра Матросова, быстро облетела кавалерийский корпус. Вскоре о нем узнал весь 2-й Белорусский фронт. Писатель-фронтовик Каплин написал стихи о двадцатилетнем юноше-коннике, а композитор Кручинин положил их на музыку. И эту песню запели кавалеристы:

Залегли гвардейцы перед дзотом,
Ни подняться, ни пройти вперед:
В амбразуре дуло пулемета,
И свинец, как град, вокруг сечет.
Но зыграла сила ретивая,
Встал Дернов — гвардеец удалой:
«За тебя, Отчизна дорогая,
За тебя иду в последний бой.
Вы прощайте, братья боевые,
Свой наказ солдатский вам даю:
Берегите Родину — Россию,
Честь и славу гордую свою!»
Он упал — и кровью молодою
Захлебнулся вражий пулемет.
И, пылая мезью огневою,
Эскадроны ринулись вперед!

С чего начиналась предыстория подвига?

Беседую с отцом Дернова, восьмидесятилетним горняком Сергеем Ивановичем.

— Запомнился мне один случай, — вспоминает старший Дернов. — Летние каникулы в школе были. Приходит Петя ко мне на лесной склад шахты «Западная Капитальная», где я работал грузчиком. Посмотрел и гово-

рит: «Хочу вам помочь, папа». Десятник услышал его слова. «Хорошее дело. Вот тебе задание — убрать часть двора». Петр тут же попросил лопату.

Через несколько дней сын принес отцу заработанные деньги. Это была его первая в жизни получка.

— И надо было видеть, — говорит Сергей Иванович, — какой гордостью светилось лицо Петра, когда он отдавал мне эти деньги.

Осенью Петр поступил в ремесленное училище при Красносулинском металлургическом заводе, где готовили будущих доменщиков.

...На перроне железнодорожного вокзала, в последние минуты перед отправкой на фронт, Петр крепко обнял отца и сказал уважительно, на «вы», как привык с детства: «Я постараюсь быть хорошим солдатом, таким, каким были вы».

В свое время отец Дернова не жалел крови в бою за русскую землю. А ему, Петру, сыну полного георгиевского кавалера, воспитаннику Ленинского комсомола, довелось защищать Советскую Родину.

...В «Книге славы», подготовленной учащимися 10 «б» класса Самбекской школы, хранится фотокопия Грамоты Героя Советского Союза за № 8178 от 24 марта 1945 года. Это звание Петру Сергеевичу Дернову было присвоено посмертно.

Сергей Иванович попросил школьных следопытов связаться с польскими друзьями и узнать, где похоронен сын.

Польский журналист Ричард Тирольский посетил недалеко от Ольштына местечко, где в январе 1945 года шел жаркий бой советских кавалеристов с гитлеровцами, и написал об этом:

«Оглядываюсь вокруг: вот левая сторона реки Ваданг, поросшая лесом. Низменная правая — лениво поднимается вверх, образуя взгорье. Растет на взгорье несколько деревьев. Уже заросли травой полуразвалившиеся окопы и яма от бывшего дзота. Дальше поле, а за ним село Кеслины. За взгорьем мирно рокошет трактор.

Весна 1967 года.

Здесь двадцать два года назад погиб Петр Дернов, Советской Армии рядовой. Здесь и похоронили героя.

Польский народ хранит память о своих освободителях. К могиле Дернова приходят харцеры — польские пионеры. У своих костров они слушают рассказы о подвигах воинов Советской Армии, освободившей их родную землю от фашистских поработителей, и дают клятву быть такими же храбрыми и мужественными, каким был Петр Дернов».

Прислал письмо самбекским школьникам и заведующий отделом пропаганды и агитации Ольштынского воеводства комитета ПОРП Феликс Валихновский. Он сообщил, что 9 мая 1967 года на месте гибели Петра Дернова был торжественно открыт памятник герою. Памятник представляет собой огромный серый камень, по своим очертаниям напоминающий дзот. В шероховатую поверхность гранита глубоко врезались строки, высеченные на языке братского народа. Живет память о сыне русского шахтера в далеком польском городе Ольштыне. Живет потому, что глубже, чем на граните, имя его отпечаталось в людских сердцах.

Подвиг не умирает. Возле памятника по команде «смирно» встала рота польских автоматчиков, а за ними тысячи людей. Над головами собравшихся чуть колыхаются ветви зеленого дуба. Это весна, День Победы, 9 мая 1967 года.

Побывал на могиле своего отважного солдата и бывший командир 3-го гвардейского кавалерийского корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант Н. С. Осликовский.

А за тысячи километров, в шахтерском поселке Самбек близ города Новошахтинска, вокруг скромного обелиска поднялись широколистые тополя. На белой мраморной доске то же имя: Петр Дернов. На светлый четырехгранник обелиска смотрят окна новой двухэтажной школы, носящей имя Петра Дернова.

Два памятника. Один под Ольштыном, а другой в Придонье. И к тому, и к другому идут люди, чтобы положить цветы, постоять в раздумье. И пусть надписи на памятниках высечены на разных языках, они выражают одно — сердечную благодарность.

Именем Петра Дернова назван средний рыболовный траулер-морозильщик Пионерской базы Океанрыбфлота. Это еще один памятник юному герою.

В. Дикун

Герой Советского Союза
И. И. ДВОРСКИЙ

ПАРЕНЬ ИЗ СЕЛА ГОРИГЛЯДЫ

...Иванко выскочил из хаты, осмотрелся, увидел спины идущих в школу товарищей и пропустил за ними — только снег заскрипел под старенькими, латаными-перелатаными ботинками. Вскоре показалось единственное в селе двухэтажное здание. В нем жили учителя и имелись две классные комнаты.

В школу мальчишкам бегать не очень хотелось, преподавали не на родном, украинском, а на польском языке. Ходить, правда, осталось недолго: всего четыре класса в школе. А там — все беспросветно. Отец умер, братья старшие женятся, уйдут, как говорится, в «приймы». Самому придется вместе с матерью и сестрой биться на клочке земли, бегать на заработки к помещику Вишневному.

Иванко Дворский рос пареньком спокойным, работающим. Отличался от своих сверстников, пожалуй, только тем, что плавать умел отлично. Село с трех сторон охватывает Днестр, но мало кто умел быстрее его переплыть полноводную реку.

Не хлопское было дело — учиться. За всю историю села (450 дворов, 730 гектаров земли, из них 320 у помещиков, пять у церкви,

остальное у селян) только один человек получил среднее образование. А у остальных только и была думка — на кусок хлеба заработать. А как? Земли совсем мало. Но трудолюбивы были гориглядцы. В каждом доме ткацкий деревянный станок, на котором ткали полотно, а пряжу собирали у заказчиков в окрестных селах. Возмужал Иван, восемнадцать сравнялось, а он уж, по сути, хозяином в доме был, мать и сестру кормил. Зимой пану Вишневному за 60—70 грошей ходил с братом Миколой лед резать для ледника, а летом, в горячую пору, тоже на помещичьей земле батрачил.

Обычная судьба крестьянина Западной Украины, находившейся под игом панской Польши. Но в селе ждали лучшей жизни, ждали и верили: освобождение придет с Востока, из Советского Союза.

...Никто сейчас уже не помнит, кто первым увидел в сентябре 1939 года советские танки, шедшие по пыльному проселку. Парни, девушки кинулись с цветами к краснозвездным машинам, среди них был и девятнадцатилетний Иван Дворский.

Трудно сегодня представить себе глубину и значимость перемен, происшедших в селе с приходом Красной Армии. Исчез пан Вишневский с семьей; земля, инвентарь, скот были розданы крестьянам. Прекратились поборы властей, не нужно было дрожать перед полицией. Прислали учителей: школа стала семилетней, украинской.

В феврале 1940 года несколько парней, в том числе и Иван Дворский, получили повестки: их призывали в Красную Армию.

— Я провожал его в тогдашний районный центр Тлумач, — рассказывает мне Николай Иванович, старший брат Ивана. — У небольшого здания военкомата парней собралось немало. Иванко стоял рядом со мной, как всегда спокойный. Он был широкоплечий, круглолицый, с добрыми серыми глазами. «Может, и далеко увезут нас, Микола, — проговорил он». — «Больше увидишь, ведь мы, братья твои, батько, мамо, сестры, никуда дальше Тлумача не ездили».

Вот построили парней, — продолжает Николай Иванович, — и в последний раз увидел я Иванка. Уже потом узнал из письма, что парни отправились служить в Свердловск. По дороге командир назначил его старшим по вагону. В одном из писем писал, что служится хорошо, про-

сил выслать фото семьи. Перед самой войной, в июне, выслали.

...На площади села, где родился и рос Иван Дворский, стоит памятник: бюст солдата, простого украинского парня в пилотке и гимнастерке. Здесь, у подножия памятника, зимой венки, а летом живые цветы. Второй памятник поставили в селе Коропец — центральной усадьбе колхоза имени Героя Советского Союза Ивана Дворского, куда на правах одной из бригад входят и его Горигляды.

Чем же заслужил такую честь этот юноша, что остался в сердцах односельчан, что имя его чтят во всех селениях Тернопольщины, в городах над Збручем и Днестром, в Калининградской области?

Вот несколько эпизодов из боевой биографии героя.

Иван Дворский был рядовым пулеметчиком, наводчиком «станкача» 801-го стрелкового Тильзитского полка. Во время штурма Кёнигсберга рота вела бой с противником и успешно продвигалась вперед. Но вот путь наступающим преградил противотанковый ров, наполненный водой. Приказ гласил: вперед. А тут заминка. За рвом, метрах в пятидесяти, оказались немцы, они вели огонь по штурмующим. Бойцы залегли. Дворский первым встал и бросился в воду, первым переплыл ров, установил пулемет в тридцати метрах от вражеских окопов. Заговорил пулемет: солдат вел огонь, чтобы прижать врага к брустверу, дать возможность товарищам переправиться через водную преграду и закрепиться перед атакой, перед новым броском вперед.

6 апреля стрелковый батальон, в котором служил Дворский, продолжал наступление. Продвижению мешал огонь противника из форта № 5. Мы, калининградцы, хорошо знаем эти мрачные кирпичные громады, знаем глубину рвов, толщину стен, представляем, сколько воли, мужества, воинского мастерства следовало проявить, чтобы овладеть такими важными узлами обороны, выбить противника и пленить его.

Перед фортом бойцы залегли, вновь сильный огонь грозил сорвать атаку. И вновь выдвинулся вперед отважный пулеметчик, залег у дороги, что вела из Шарлоттенбурга, начал дуэль с противником, с пулеметными гнездами укрепленного форта. В наградном листе, заполненном

через несколько дней, 19 апреля 1945 года, сказано: «В огневом поединке Дворский погиб, но погиб победителем». В бою рядовой солдат уничтожил около пятидесяти солдат, подавил четыре пулеметных гнезда противника.

Но, оказывается, не все сказано в наградном листе. В журнале ЦК ВЛКСМ «Молодой коммунист» № 2 за 1965 год генерал армии Тюленев, известный советский военачальник, называет Ивана Дворского среди тех, кто повторил бессмертный подвиг Александра Матросова. Парень из Горигляд закрыл своим телом амбразуру, помог товарищам сделать бросок вперед.

Вдумаемся в эти поступки героя. Каждый раз им двигало одно стремление: прикрыть товарищей, облегчить продвижение вперед, взять на себя самое опасное, чтобы спасти их жизни.

Откуда же у парня, прожившего девятнадцать лет в условиях панской Польши, такое чувство подлинного коллективизма, в чем его корни?

Думаю, не ошибемся, если протянем эту нить ко времени, когда он бежал навстречу воинам-освободителям в 1939 году, когда делил вместе со всеми помещичью землю, на которой батрачил, когда увидел: свет идет с Востока. Это чувство коллективизма затем укрепило армейское воспитание, он знал, за что идет в бой, знал, за кого и против кого борется.

...Последнее письмо пришло от Ивана 5 апреля. В этот день уже гремела канонада, уже артиллерия громила противника, а в родной хате мать склонилась над солдатским треугольником: «...Скоро приеду... Вот добьем врага, тогда — домой».

Затем — похоронная.

А вскоре Указ Президиума Верховного Совета СССР: Ивану Ивановичу Дворскому присвоено звание Героя Советского Союза.

В колхозе имени И. Дворского более двух с половиной тысяч гектаров земли, миллионные доходы. Здесь чудесный новый клуб с залом на 700 человек. На территории, где до 1939 года были лишь две школы — четырех- и шестиклассная, сейчас четыре начальных, восьмилетняя,

две средних. Одна из них — школа-интернат на центральной усадьбе колхоза в селе Коропец.

В Гориглядах почти не осталось старых хат; светлыми окнами-фонариками смотрят на деревенскую улицу десятки кирпичных особняков с кокетливыми дачными верандами, украшенными росписью. Если раньше в каждом доме пылил ткацкий станок, то сейчас на все село остался лишь один: действующая модель в физическом кабинете школы. В школе сейчас не две классные комнаты, а больше десятка, и преподавание, естественно, ведется на украинском языке.

Полный достаток пришел в каждую семью. В новом кирпичном доме живет и брат героя Николай Иванович Дворский.

Побывал я и в Гориглядской восьмилетке, и в школе-интернате. Не преувеличу, если скажу, что интернат этот достоин того, чтобы о нем писали книги.

— Мы восемь лет работаем без второгодников, — рассказывает директор Иван Афанасьевич Ксеник. — Имеем 35 гектаров сада, три виноградника, ферму на две сотни свиней. Из выпущенных нами учащихся большинство поступили в вузы. Сколько среди них гориглядцев? Очень много.

За них, за социалистическую Отчизну, за счастливую жизнь боролся и погиб герой.

Рядом с памятником И. Дворскому, на центральной усадьбе колхоза его имени, стоит еще один памятник — Анеле Кшивонь, девушке, совершившей подвиг во время Великой Отечественной войны и также ставшей Героем Советского Союза. Она — рядовая женской роты автоматчиков 1-й польской дивизии имени Костюшко — жила на хуторе Пужники, недалеко от Горигляд, а погибла на боевом посту под деревней Николеньки-Ленино Могилевской области Белорусской ССР.

Третью Звезду заслужила Павлина Дворская — Звезду Героя Социалистического Труда. Сирота, в прошлом батрачка, она прославилась колхоз имени своего земляка и однофамильца высокими урожаями. Работает сейчас звеньевой.

В разных районах Атлантики, у Дакара и на банке Джорджес, на юго-востоке и в Северном море, на

промысловых советах, проводимых по радио, можно услышать:

— Слово «Ивану Дворскому», мы вас слушаем, «Дворский»!

И капитан-директор большого морозильного траулера докладывает:

— Выловили шестьсот центнеров, заморозили четырехста...

Добрыми, большими делами поддерживает экипаж славу своего судна. БМРТ «И. Дворский» вступил в эксплуатацию 5 октября 1967 года, с того времени сделаны десятки рейсов, моряками выловлены сотни тысяч центнеров рыбы.

Из колхоза имени Ивана Дворского я уезжал вместе с членами хозяйства. Они направлялись в районный центр, город Монастырский, где в Доме культуры проходил ленинский отчет колхоза, посвященный 110-летию со дня рождения В. И. Ленина.

А перед началом ленинского отчета колонна колхозников прошла к памятнику героям, павшим в борьбе с фашизмом, возложила венки.

Г. Фурман

Герой Советского Союза
А. А. ЕВСЕЕВ

ЕВСЕИЧ

Солдат спал. Под головой — серая шинельная скатка. Автомат, обвивший шею ремешок полевого бинокля, сумка с гранатами, клинок с витой серебряной рукояткой говорили о его профессии. Такими трофеями мог похвастаться только разведчик! Пламя костра, у которого сидели солдаты, освещало круглое, с мягким подбородком, курносое лицо подростка. Он тихо, по-мальчишески посапывая, улыбался: видимо, снился какой-то необыкновенно интересный сон. Солдаты подбрасывали в огонь сухой валежник, молчали, боясь потревожить боевого товарища, смотрели на дорогу, по которой должна была подойти колонна минометного полка.

Вскоре показались зеленые машины с минометными передками на прицепах. Поравнявшись с солдатами, колонна остановилась. Из первой машины вышел командир полка майор Тамаров.

— Умаялся Евсеич, спит, — сказал он с нежностью. Майор нагнул, взял автомат и передал его бойцам, а затем по-отцовски бережно поднял уснувшего и, осторожно ступая, понес к машине.

Никого, впрочем, это не удивило. Сына полка, Сашу Евсеева, — как его по-взрослому величали, Евсеича — все бойцы любили и берегли. Опаленных огнем, огрубевших солдат, привыкших смотреть смерти в глаза, общение с Евсеичем, который пришел на фронт пятнадцатилетним подростком, незримо возвращало к теплу домашнего очага. Волновала необычная судьба парнишки, который с ранних лет был лишен родительской ласки, и все старались окружить Сашу теплом и заботой. Евсеич покорял своей смелостью, дерзостью, храбростью, чутьем разведчика, высоко развитым чувством товарищества.

Судьба сложилась у Александра необычно. Мальчика приютила пограничная застава. С раннего детства он привык к боевым тревогам, прошел в горах у пограничников «университет мужества», научился беззаветно любить свою Родину и жгуче ненавидеть ее врагов. И в первые же дни суровых испытаний воспитанник Советской Армии попросился на фронт. Так стал он разведчиком штабной батареи 12-го минометного полка 3-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва РКК, которой мне пришлось командовать.

Вспоминается такой эпизод. Было это под Витебском. На одном из участков фашистам удалось потеснить нашу пехоту. В первой траншее находился Саша Евсеев с разведчиками. При отходе он увидел, что два бойца ранены. Пули свистели над головой, земля дрожала от взрывов. Огонь нарастал с каждой минутой. Снаряды рвались рядом. Не бросать же товарищей в беде. Но что делать? Вдруг Саша увидел пару лошадей с повозкой. Не раздумывая, он подогнал повозку к траншее, взвалил на нее раненых и во весь опор, по ухабам, помчался к своим. Лихорадочно зачастили автоматы. Но пули щадили Евсеича. Ему удалось выйти из зоны обстрела и спасти товарищей. За подвиги на груди отважного разведчика засверкали медаль «За отвагу» и орден Славы III степени.

Храбростью, мужеством отличился он и в боях под Кёнигсбергом. Недалеко от города наши минометчики вели огонь по вражеским укрепленным узлам. Впереди траншеи, как всегда, вел наблюдение за противником Саша. После окончания артиллерийской канонады пехота должна была подняться и пойти в атаку. Но не успе-

ли смолкнуть последние разрывы, над бруствером окопа показалась мальчишеская фигурка.

— Евсевич, берегись! — закричали разведчики. Но он уже бежал к амбразуре вражеского дота. За ним в атаку поднялись пехотинцы. Атака была настолько стремительной, что фашисты не успели опомниться, важный рубеж был взят.

С нашим минометным полком Александр Евсеев прошел славный боевой путь от Витебска до Кёнигсберга. Какими только боями не были отмечены эти рубежи: изломанные артиллерийским огнем леса, сожженные села Белоруссии, опаленные города Литвы и, наконец, кровопролитные, тяжелые бои в Восточной Пруссии.

После штурма Кёнигсберга в Восточной Пруссии оставалось еще до десяти гитлеровских дивизий, сосредоточенных на Земландском полуострове. Они прикрывали оборону на подступах к военно-морской базе Пиллау.

Стремясь избежать ненужного кровопролития, Маршал Советского Союза А. М. Василевский обратился к немецкому командованию с предложением о капитуляции. Фашисты продолжали сопротивляться.

Войска 3-го Белорусского фронта снова перешли в наступление.

43-я армия, которую поддерживала наша дивизия, получила задачу наступать вдоль Кёнигсбергского канала на Фишхаузен — Пиллау.

В семи километрах от Кёнигсберга, в районе Гросс-Хольштайн, по дороге на Пиллау, на берегу реки Прегель, находился форт, опоясанный в три ряда проволочными заграждениями и окруженный водой. За колючей проволокой чернели глубокие противотанковые рвы. Из узких бойниц, прорезанных в бетоне, вели огонь пулеметы, орудия. Из-за стен форта били минометные батареи.

Нашим частям была поставлена задача: наступая вдоль реки Прегель, 13 апреля овладеть этим фортом.

Накануне я прибыл на наблюдательный пункт командира первого дивизиона 12-го минометного полка капитана Бутринова. Доложив обстановку и полученную задачу, капитан показал мне форт № 7, который предстояло взять нашей пехоте.

Около стереотрубы сидел солдат и внимательно наблюдал за врагом.

— Что видно, товарищ разведчик? — поинтересовался я.

— Вижу форт, амбразуры, товарищ генерал, — от-
рапортовал тоненьким, еще неокрепшим голосом раз-
ведчик.

— Сколько вам лет и как вас зовут?

— Семнадцать, товарищ генерал, — улыбаясь, отве-
тил разведчик. — А зовут меня Евсеич. Виноват, Алек-
сандр Евсеев, — тут же поправился он.

Я уже не раз слышал от офицеров полка это имя и с интересом смотрел на юного, но бывалого разведчика. Его мальчишеское лицо, хрупкая фигурка не соответст-
вовали рассказам о подвигах разведчика, которые мне приходилось слышать.

И я не смог скрыть удивления.

— Евсеичем меня зовут товарищи, — поспешил он пояснить. В слове «Евсеич» было столько гордости, что я невольно улыбнулся.

— Береги себя, Евсеич. Скоро война кончится, учить-
ся тебя пошлем.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — улыбнулся Саша хорошей ребячьей улыбкой.

— Зря не рискуй, Евсеич! — сказал я ему на про-
щание.

Это была наша последняя встреча. 14 апреля 1945 года Александр Евсеев погиб. Погиб как герой! Подроб-
ности его гибели мне стали известны в тот же день.

Наши минометные батареи продвигались в составе 84-го гвардейского стрелкового полка, поддерживая его наступление. Как всегда, впереди шли разведчики: ка-
питан Бугринов, старший лейтенант Цинцадзе, бойцы Лапшин и Тутов, командир отделения разведки старший сержант Александр Евсеев.

Осторожно перебегая от укрытия к укрытию поселка Гросс-Хольштайн, разведчики вышли к небольшой высо-
те, откуда хорошо просматривалась местность, занимае-
мая противником. Бойцы решили устроить здесь наблю-
дательный пункт. Где-то близко были немцы. Справа дорога, слева морской залив.

Капитан Бугринов приказал развернуть рацию. Вдруг из траншеи, что тянулась под высотой, показался немец.

Он шел прямо на разведчиков. Капитан Бугринов вскинул автомат, выстрелил. Немец упал. Тут же из траншеи выскочило еще несколько десятков гитлеровцев. Со стороны леса к смельчакам бежала еще группа фашистов.

Разведчики бросились к котловану, который был вырыт на склоне высоты, и начали отстреливаться. Евсеич лежал рядом с капитаном Бугриновым. Разорвался фауст-патрон, и все заволочло едким дымом.

— Товарищ капитан! — крикнул Евсеич, протирая слезящиеся от дыма глаза. — Вы ранены?

Ответа не последовало.

— Приказываю вынести раненого командира! — закричал Евсеич. — Я прикрою отход...

Время терять нельзя, фашисты были уже на расстоянии броска гранаты. Саша остался в котловане и продолжал косить гитлеровцев. В автомат вложен последний диск. И тут в плечо ударила пуля. Рука безжизненно повисла. И все же смельчак продолжал отстреливаться, пока не израсходовал последний патрон. Диск опустел. Оставалась одна граната. Размахнувшись левой рукой, он бросил ее в фашистов. Раздался взрыв.

На обессиленного от потери крови советского разведчика накинулись гитлеровцы. Они били, кололи штыками. На груди героя было обнаружено одиннадцать ран, шея юноши закручена колючей проволокой. Немцы большой ценой заплатили за жизнь Евсеева: перед окопом валялось тридцать семь трупов фашистских солдат.

За храбрость и мужество при спасении командира старшему сержанту Александру Александровичу Евсееву было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза.

С тех пор прошло много лет. Покрылись листвою опаленные войной деревья, оделись в свежий камень разрушенные города, зарубцевались раны земли, заросли траншеи. Возродился из пепла, руин и пожарищ на месте Кёнигсберга советский город Калининград. Но не забыты подвиги героев, отдавших свою жизнь за светлое будущее.

Не забыт и Александр Евсеев. Его именем названа улица в поселке Взморье. Средний рыболовный траулер, увековечивший его память, бороздит океанские просторы.

Может, кому из вас, дорогие читатели, доведется ехать по дороге, ведущей из Калининграда на Балтийск. Не забудьте остановиться в поселке Взморье, у братской могилы. На обелиске вы прочтете:

**Здесь покоится Герой Советского Союза
старший сержант**

Александр Александрович Евсеев.

К его могиле не зарастает народная тропа. Об этом мальчишке, герое Великой Отечественной войны, люди слагают легенды, поэты пишут стихи... Герои не умирают, они бессмертны!

С. Попов

Герой Советского Союза
А. Н. ЕЛГИН

ШУМЯТ ТОПОЛЯ

Он упал на самой опушке сосняка. Лес будто застыл в тревожном безмолвии. Слева от окруженного болотами озера тянуло промозглой стужей. А земля казалась такой сырой и бесприютной, словно и ее покидала жизнь.

Старший сержант Андрей Елгин машинально, по-солдатски, ощупал, застегнуты ли крючки на промокшей насквозь, разбухшей шинели, расправил ремень, потрогал под гимнастеркой прилипший к телу шершавый кумач боевого Красного знамени. В горячке недавней схватки с врагом, рассчитив себе путь автоматными очередями и гранатами, старший сержант не сразу понял, что сам он ранен.

611-й стрелковый Минский ордена Александра Невского полк, в котором старший сержант Андрей Елгин был знаменосцем, в ходе наступления вырвался вперед, перешел Государственную границу и овладел важным узлом железнодорожных и шоссейных дорог — городом Гольдап.

Фашистское командование перебросило к городу отборные эсэсовские части. При поддержке двух бронепоездов, авиации и танков гитлеровцам после много-

дневных боев удалось отрезать наш полк от остальных частей дивизии. А в ночь на 4 ноября 1944 года командир получил приказ выйти из окружения, пробиться к основным силам.

В просторном бетонированном подвале дома, где размещался командный пункт полка, было дымно, душно. В дальнем углу горел костер. Офицеры жгли ненужные бумаги, документы. Склонившись над столом, на котором лежала закодированная, расчерченная на квадраты карта, подполковник Садковский охрипшим голосом коротко, отрывисто отдавал распоряжения в батальоны и приданные полку подразделения. Беспеременно зуммерили телефоны.

Старший сержант Андрей Елгин, вызванный прямо из боя (комендантский взвод отбивал атаки фашистских автоматчиков, пробивающихся к командному пункту), доложил командиру полка о прибытии.

— Отходим к своим, — коротко сказал подполковник. — Знамя береги. Сам понимаешь: без знамени полк не полк.

— Слушаюсь!

Подполковник Садковский хорошо знал, ценил командира отделения автоматчиков старшего сержанта Андрея Николаевича Елгина. Уже немолодой, темноволосый, смуглый, он вызывал симпатию у окружающих хозяйской основательностью, степенностью, железной выдержкой, аккуратностью. И еще его отличали упорство, твердость характера. Решил Андрей Елгин стать снайпером. Командир, чего греха таить, сомневался: в сорок пять годков? Боец своего добился. Слава о елгинском почерке меткой стрельбы прогремела по всему фронту. Надо подняться в атаку, воодушевить своей отвагой — первый. Долг коммуниста обязывает.

В решающий момент подполковник не колебался. Старший сержант Елгин — человек, что кремень. Он выдержит испытание, прорвется с полковым знаменем к своим.

В проеме массивной, обитой железными полосами двери, ведущей в подвал, показалась фигура запыхавшегося, растерянного бойца.

— Товарищ командир! — выпалил он тревожно. — В соседнем доме немецкие автоматчики.

Подполковник, казалось, даже не отреагировал на доклад.

— Сообщи наверх. Приказ понял. Выходим, — сказал он спокойно радисту. — Побыстрее только!

Командир надел каску, накинул плащ-палатку и подошел к старшему сержанту.

— Готов?

Елгин показал знаком, что знамя у него обернуто вокруг тела.

— Ну, а теперь ступай! Тебя прикроют четверо автоматчиков. Больше дать не могу. Парни надежные. В бой не вступай. За опушкой леса, южнее города, тебя встретят наши.

Крепко обняв знаменосца, подполковник поцеловал его в потрескавшиеся, почерневшие от дыма и пороха губы.

— Еще свидимся. Повоюем. Верю.

...И вот он, Андрей Елгин, остался со знаменем один. Получилось так нелепо. В кромешной тьме на небольшой поляне наткнулись на фашистских пулеметчиков.

— Алярм!.. Рус!.. Хальт!* — раздались крики.

Тишина взорвалась гулками автоматными очередями, треском ручных пулеметов, вспышками разноцветных ракет. Выхода не было. Надо атаковать. Навалились дружно. В горячей, решительной схватке удалось уничтожить пулеметчиков и пробиться. Но дорогой ценой.

Свои уже близко, вроде рукой подать. За грядой холмов скороговоркой подавал свой голос «максим». Товарищи, друзья.

Далеко, там, где уже наступило утро, в степях Прииртышья, родные, прикипевшие к сердцу дом, семья, а в палисаднике стройный тополь, вытянувшийся ввысь, в небесную синь. Он любил этот край, простор неоглядных степей, белые дома с плоскими крышами, широкие улицы, белесые проплешины ковыля. Еще дед, вместе с другими мужиками, гонимый нуждой, произволом помещиков и царских чиновников, пришел на эти вольные просторы. Деревянной сохой распахал твердую, как камень, спрессованную веками, жгучим ветром пустыни и студеным северным степняком, землю. Дом построил. В палисаднике тополь посадил, как память о тех искони

* Тревога!.. Русские!.. Стой! (нем.).

вечно дорогих сердцу русских местах, которые пришлось покинуть.

Андрей Елгин родился и вырос здесь, в Качирах. С детства привык ходить за плугом. И любовь здесь пришла. В доме, построенном с помощью односельчан, зазвенели детские голоса: пятерых сыновей и трех дочерей вырастили и воспитали Андрей Николаевич и Прасковья Андреевна. В колхоз «Память Ленина» одним из первых вступил. А когда на западе загремели орудийные залпы, Андрей Николаевич пошел в военкомат.

— Подумайте хорошенько, — сказал ему тогда военком, — доверие оказали вам земляки — депутат Совета, заместитель председателя артели. А вы — на фронт! Да и возраст...

— Все взвесил — совесть не позволяет за женскими спинами прятаться. Не такие они, Елгины!

Нет, никогда он не жалел о том, что тогда оказался твердым и решительным. Минутной слабости ни себе, ни другим не прощал. Он должен, обязан дойти, выполнить приказ, спасти полковое знамя.

...Совсем близко раздался щелчок. В воздух взлетела ракета. Яркий оранжевый свет выхватил из темноты холм, поросший мелким кустарником, сосняк, раскисшую дорогу у озера. Елгин прижался к земле. Его заметили. Группа гитлеровцев бросилась к раненому. Старший сержант выхватил из-за пояса последнюю гранату. Он берег ее для себя: знамя не должно попасть в руки врагу. Далеко бросить сил уже не хватило. Он метнул ее фашистам под ноги, дал последнюю очередь из автомата.

На рассвете около опушки сосняка наши бойцы нашли тело Андрея Елгина. Вокруг валялось девять убитых им гитлеровцев. Товарищи бережно сняли с тела омытое кровью знамя, склонили головы перед павшим героем.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1945 года старшему сержанту Елгину Андрею Николаевичу за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и мужество было присвоено звание Героя Советского Союза.

На плацу выстроились бойцы и офицеры 611-го стрелкового Минского ордена Александра Невского полка.

— На Знамя, смирно!

Командир полка подполковник Садковский передал простреленное, в бурых пятнах крови знамя кавалеру орденов Славы и Красной Звезды старшине Потапенко. Все понимали: трудно командиру найти подходящие слова. Переживает, что нет уже в строю старого знаменосца.

— Нести достойно, как нес его до последнего дыхания Андрей Елгин!

Далеко шагнула слава о знаменосце. О нем слагали песни, сочиняли стихи.

И вот подползает к нам
Елгин Андрей,
Слегка улыбающийся,
Вздыхнул глубоко:
— До смерти, ребята,
Еще далеко,
Не нам унывать
На четвертом году!
Провемся, герои!
Я первый пойду!
Взглянул на дорогу,
На синь сосняка.
И знамя он снял
Осторожно с древка.
Разделся,
На тело его обернул,
Шинель подпоясал
И первый шагнул...
...Погиб наш товарищ,
Погиб дорогой,
Но знамя победы
Несем мы с собой.

Идущие от чистого сердца, написанные в сыром окопе при свете фитиля и волнующие своей искренностью, эти стихи передавались в атакующей цепи, гремели, как набат, как клятва, звали вперед, к победе.

Полк пронес знамя через Восточную Пруссию к берегам седой Балтики, а затем и к Берлину. И реяло оно в весенние дни победного 1945 года как символ окончательного торжества над поверженным врагом.

Бронзовый бюст героя установлен на его родине, в центре поселка Качиры Павлодарской области, возле

районного Дома культуры. Ребята из пионерской дружины по земляку сверяют свои мысли и поступки. У героя учатся беззаветно любить Родину.

Ежегодно 4 ноября в поселке по установившейся традиции отмечается День памяти Елгина. На предприятиях и в учреждениях проходят беседы о подвиге героя. В школах — уроки мужества. С раннего утра до позднего вечера в почетном карауле у памятника стоят елгинцы. Приходят сюда и стар и млад. Приносят цветы, тепло своих сердец и делят с семьей, с земляками, которые потеряли на войне родных и близких, горе незабвенных утрат.

Более десяти лет прошло с тех пор, как со стапелей киевского завода «Ленинская кузница» сошел средний рыболовный морозильный траулер «Андрей Елгин». Опытные моряки ведут промысел на широких океанских просторах. Биография героя продолжается. А в далеком Прииртышье шумят тополя, возвращенные руками Елгинных. Память человеческая вечна и бесконечна, как само мироздание.

Р. Максютова

Герой Советского Союза
Д. И. ЖАБИНСКИЙ

ПОСЛЕДНЯЯ ШТУРМОВКА

В комнате дежурных монтеров Черниговской телефонной станции пусто: стол да скамейка. За столом худощавый светловолосый парень возится с мотком провода. Положил его, придвинул к себе портфель, вынул из него учебник и углубился в чтение. Но ненадолго: в «дежурку» вошла старшая телефонистка.

— Дима, в районе пивзавода обрыв, связи нет!

Парень поднялся, подцепил на руку «когти», на пояс моток провода, сунул в карман контрольную телефонную трубку. Он был высок, в узковатом пиджачке и темной рубашке.

Через минуту монтер широко шагал по улице, позванивая «когтями».

— Куда собрался? — кивнул ему встретившийся юноша-сверстник.

— Авария, — коротко ответил Дима.

— В школе будешь?

— Непременно, сегодня два урока математики.

Настоящим парнем, рабочей косточкой был Дмитрий Жабинский. После седьмого класса пошел учеником монтера к отцу на телефонную станцию, учился в вечерней школе, был комсомольским вожаком.

Мечтал о небе, о самолетах. И вот мечта осуществилась. Надел форму курсанта Вольского авиатехнического училища. А как здорово было приехать в сороковом доме, пройтись по любимому городу, повстречать знакомых!

Неделя в Чернигове пролетела быстро. Он еще не знал тогда, что ходит по этим улицам в последний раз, в последний раз видит свою семью. Вот они все провожают его к месту службы в Минск: мама Таисия Титовна, батя, сестренка Шурочка.

Есть такая разрешающая команда у летчиков: «Вам взлет!» Хороший старт давала Родина своему сыну.

Тебе только двадцать один. Ты молод, полон сил, но вокруг полыхает война, враг напал на родную землю. Ты командир. Провожаешь в бой самолеты, следишь за тем, чтобы они были исправны, надежны, чтобы летчика не подвела в смертельном бою материальная часть.

Но если этого мало? Если сам хочешь летать, громить врага, сбивать хозяйничающих в небе Родины стервятников? Тогда пишешь рапорт за рапортом, просишься и... добиваешься своего. В 1942 году Дмитрия откомандировали в летную школу, а в 1943-м он прибыл на фронт.

Я встретился в Чернигове с людьми, которые прошли вместе с Димой (так они называют его и сегодня) трудный путь — с сорок третьего по сорок пятый. В редакции областной молодежной газеты, затем в домике Жабинских мы долго беседовали о человеке, чье мужество и мастерство летчика стали легендой. Итак, слово однополчанам.

Рассказывает Александр Максимович Близинок, бывший офицер гвардейского штурмового авиаполка, ныне техник тепловых сетей:

«Он пришел к нам под Сталинградом. Как раз в то время, когда полк перевооружался, переходил с одноместных самолетов ИЛ-2 на двухместные «летающие танки». Дмитрий Жабинский прилетел с пополнением и сразу включился в боевую жизнь части. Летал он много, уже через месяц-два даже среди наших асов считался летчиком вдумчивым, серьезным. Заметьте! Не отчаянным, а именно вдумчивым. Он был атлетически сложен, плечистый такой, волосы светлые, волнистые. Мы часто жили на аэродроме в одной землянке, подолгу разговаривали, когда Дима не очень уставал от полета.

Рос быстро: командир звена, заместитель командира эскадрильи, ее командир. Затем майора получил, штурманом полка назначили. Полк у нас гвардейский, двадцать человек стали Героями Советского Союза, четверо — дважды Героями. Было из кого выбирать, а остановились на Жабинском.

Почему, спрашиваете? Собранный был, учить умел молодых летчиков-штурмовиков, о людях очень заботился. Я в штабе работал, но не раз летал с ним за воздушного стрелка.

Помню такой случай. Почти весь полк ждал вылета на задание, самолеты комполка и штурмана были замаскированы под большим деревом. Стою на краю аэродрома возле КП, вижу, Жабинский ко мне шагает, из штаба на КП направляется.

— Саша, — спрашивает, — пойдешь со мной на штурмовку?

— Пойду, Дима.

Осмотрели машину, аэродром в это время наполняется мощным рокотом: бронированные самолеты ИЛ-2 выруливают на старт. Взлет. Проходя над аэродромом истребителей, даем зеленую ракету, они нас будут прикрывать. Идем по заданному маршруту, минуем линию фронта, Дмитрий по радио предупреждает своих:

— Не увлекайтесь, помните — нужно своевременно выходить из боя!

А вот и цель: у кирпичной стены притаилась батарея противника, орудия видны. Летчик заходит на цель — серия бомб летит вниз: получайте, фашисты! Затем второй заход — залп реактивных снарядов, третий — утюжим пушечно-пулеметным огнем. Вокруг нас снопы огня, взрывы, а на земле, там, где проутюжили наши «летающие» танки», — ад кромешный. Досталось в этот день гитлеровцам!

Вышли из зоны зенитного обстрела, а Дмитрий волнуется: посмотри, — требует, — все ли наши целы? Когда прошли обратно над линией фронта, спрашивает:

— Саша, ты не ранен?

— Здоров, — отвечаю.

— Нет, ты посмотри, ощунай руки, ноги. Хорошо посмотри!

Таким уж был Дима. Прилетит на аэродром и стоит около машины, ждет, пока не убедится, что все верну-

лись, никто не сбит. Тогда успокаивается. Напряжение порой было страшное, по четыре раза в день на штурмовку летали, уставали очень. А он всегда сдержан, спокоен, молчаливее только становится. Читал много. Грубого, резкого слова никто не слышал от Димы. И подчинялись ему беспрекословно. Все знали: зря не сделает замечания».

Рассказывает Александра Ивановна Максименко-Чиркова, бывший оружейник эскадрильи, ныне торговый работник:

«Нас, двадцать саратовских девчат, учили на оружейников в Вольске, затем в штурмовой полк послали. Дима прилетел к нам 18 марта 1943 года. Помню, стою раз на посту (мы и караульную службу несли), мороз — под сорок, идет Жабинский.

— Ноги не отморозила? — спрашивает, видя, как я пляшу, постукиваю кирзовыми сапогами.

— Пока нет.

— Номер сапог какой?

— Сорок первый.

— А нога?

— Тридцать шестой.

Ушел, а минут через десять бежит, подает унтыя, чулки такие меховые под унтами летчики носили.

— Одевай, — говорит, — теплее будет.

У других, бывало, стрелков убивали, а у Димы — ни разу. Так умел летать он, беречь напарника. Может, и были в полку летчики лучше его, не знаю. А человека лучше не было, это уж точно».

Скромный, спокойный, Дмитрий Жабинский был великолепным мастером штурмовок, виртуозно владел своим «летающим танком», и мужества ему было не занимать. Об этом говорит, в частности, такой эпизод.

9 октября 1943 года шесть самолетов ИЛ-2 под командованием капитана Жабинского штурмовали боевые порядки врага. В одном из заходов на цель машина командира была повреждена зенитным снарядам, сам Дмитрий ранен в грудь и шею, в правую руку. Но, несмотря на это, привел самолет на свой аэродром. Отремонтировали штурмовик, отлежался летчик, затянулись раны — и снова в бой.

Три ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Александра Невского украшали его гимнастерку. И два ордена Отечественной войны. А 24 октября 1944 года произошло незабываемое...

В тот день командир полка подполковник Стрелков вызвал к себе начальника строевой части капитана Близнаюка.

— Распорядитесь, как положено по традиции: после общего ужина — накрыть стол на 24 человека.

— Будет сделано.

Собрались летчики, как не раз бывало, положили в бокал с вином Золотую Звезду и поднесли Дмитрию. На этот раз выпил до дна. А утром — снова в полет, как обычно.

Можно рассказывать о многих эпизодах: 184 боевых вылета совершено было Жабинским за годы войны. Об одном из них так рассказывалось в оперативной сводке полка:

«...Возвращаясь со штурмовки, ведущий группы Жабинский увидел девятку «юнкерсов», которая атаковала санитарный эшелон. Командир эскадрильи решил остановить врага. Врезавшись в строй «юнкерсов», семерка «ильюшиных» открыла пушечно-пулеметный огонь. В первой же атаке Жабинский сбил вражеский самолет, который упал в расположении наших войск».

До сих пор помнит Александр Тимофеевич Уманский, бывший парторг авиаполка, как летал он с Дмитрием за бортстрелка в небе Сталинграда. Только величайшее мастерство летчика, умение маневрировать спасло тогда обоих.

Немало вылетов довелось совершить гвардейцам-штурмовикам и в боях под Кёнигсбергом.

«Немцы намеревались задержать наступление наших частей ударами с воздуха, — сообщала «Правда» в феврале 1945 года, — а также вывезти из окружения свой командный состав. Они сосредоточили в Кёнигсберге до 250 самолетов».

Здесь были «юнкерсы», «фокке-вульфы-190», «мессеры». Наше командование решило нанести удар по авиации противника. Ровно в 11 часов утра над вражескими аэродромами появились ИЛ-2 в сопровождении истреби-

телей, их вел Герой Советского Союза капитан Жабинский. Штурмовики нанесли сокрушающий удар по аэродрому в Варгене, где находилось 90 самолетов. На протяжении четверти часа ИЛы произвели 15 атак, 12 самолетов было сожжено, 10 разбито. Разгром завершила группа, ведомая капитаном Козенковым, уничтожив на аэродроме в Меденау 37 самолетов. А всего в этот день, летчики авиаполка генерал-полковника Хрюкина уничтожили более ста самолетов противника.

Жабинский, Козенков, Хрюкин... Воевали эти герои рядом. Их нет сейчас в живых. Теперь траулеры, названные славными именами, часто встречаются в Атлантике.

— «Жабинский» — «Козенкову».

— Вызываю вас, «Жабинский», ответьте «Козенкову».

— «Жабинский» на связи!

И идет обычный разговор о рыбе, о тралах, о работе. Живы их славные имена, живы и жить будут.

...Хмурым, дождливым был день, крепко врезавшийся в память летчиков полка. 15 февраля 1945 года. Двадцать пять исполнилось тогда Дмитрию, друзья поздравляли штурмана полка, шутливо желали дожить до ста двадцати пяти, спрашивали, какие подарки успел получить именинник. Жабинский вынул из кармана вышитый платочек.

— Вот, сестренка прислала, Шурочка.

Незадолго до этого он писал домой:

«Дорогие родители! Недалек тот час, когда наша доблестная Красная Армия освободит от фашистских гадов священную землю Родины, добьет врага в его берлоге. И тогда мы встретимся. Этот час не за горами, вот и все, что могу написать о себе».

Простые и скромные строки написаны на небольшом, меньше тетрадного, листке. Это письмо было последним.

15 февраля летчики получили приказ: произвести штурмовку аэродрома под Хайлигенбайлем. В условиях плохой видимости, низко прижавшись к земле, шли строем «летающие танки» — ИЛы.

Промелькнула под крылом асфальтовая лента дороги, показалась свинцово-серая гладь залива. Оттуда плотной стеной поднимался туман. Видимость ухудшалась, можно

было вернуться. Но не таков был летчик-коммунист. Задание дано, его нужно выполнить.

Где-то рядом должен быть вражеский аэродром. Внимание напряжено до предела, вот уже видны распластанные на бетонных плитах немецкого аэродрома «мессершмитты»! Короткая команда. Атака. Как всегда, на бреющем, нажимая гашетки пулеметов и скорострельной пушки, Жабинский «подмял» взлетное поле аэродрома, затем сделал разворот, выискивая цель. Склад горючего — огонь! В кабине разорвался зенитный снаряд.

Теперь летчик мог сразить врага только собственным пылающим самолетом. И он направил его на позицию зенитной батареи. Раздался взрыв. Он прозвучал последним салютом герою.

Через несколько недель после уничтожения окруженной немецкой группировки сюда, на окраину Хайлигенбайля, приехали однополчане героя, чтобы почтить память замечательного летчика-коммуниста.

...В Чернигове, в уютной квартире Жабинских, собрались люди. В гостях у родителей Дмитрия подполковник запаса Герой Советского Союза Николай Кожушкин, бывший парторг авиаполка Александр Уманский, Александр Близнюк, Александра Чиркова-Максименко. Они вспоминают о жизни, о боевых делах Дмитрия Жабинского. Здесь и узнали боевые друзья, что бороздит Атлантику судно, носящее имя Дмитрия Жабинского. Об этом рассказала им Александра Ивановна, сестра Дмитрия, побывавшая в Калининграде. Узнали они и о том, как свято чтят калининградцы героев, павших в боях за Родину, как гордо носят по океанам их имена десятки лучших рыболовецких судов.

Г. Фурман

Герой Советского Союза
М. Н. ЗАВАДОВСКИЙ

ИСКУССТВО ПОЛКОВОДЦА

Мы сидим вдвоем с полковником в отставке Борисом Дмитриевичем Земским. Ведем разговор о Герое Советского Союза генерале Михаиле Николаевиче Завадовском. Земский в 1943 году был заместителем командира 18-й гвардейской стрелковой дивизии по тылу, которой командовал Завадовский.

Борис Дмитриевич открывает альбом фронтовых лет, подает фотографию: генерал Завадовский вручает орден Отечественной войны I степени матери Героя Советского Союза Юрия Смирнова Марии Федоровне.

— Перед январским наступлением 1945 года, — поясняет Земский, — командование 11-й гвардейской армии пригласило Марию Федоровну. Она побывала в частях, в том числе в 77-м полку 26-й гвардейской дивизии, в которой воевал ее сын. Мария Федоровна выступала перед бойцами, рассказывала о Юрии, призвала солдат и офицеров громить врага беспощадно. Завадовский в то время и вручил ей орден, которым был награжден Юрий.

На второй фотографии — мой собеседник, держащий под уздцы лошадь.

— Лошадь эту подарил мне генерал еще летом 1943 года. Звали ее Песней. С ней я дошел до Кёнигсберга. Осенью 1943 года после контузии попал в госпиталь, а оттуда получил направление в Московско-Минскую дивизию. После взятия восточно-прусской столицы Михаил Николаевич как-то заехал в дивизию, разыскал меня — не забывал своих боевых друзей, такая уж замечательная черта в характере у него была, а я в то время на конюшне был, лошадь чистил — и радостно говорит: «Кто с Песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет». Признала Песня своего прежнего хозяина, положила голову ему на плечо, тихо заржала. Любил коня генерал, в дни обороны предпочитал его машине. Решительный был командир, горячий, требовательный, подчас грубоватый. Солдат любил и заботился о них.

Есть такая деревенька Букань. Расположена между Калугой и Брянском. Зимой перед этой деревней стояла 18-я дивизия. Несколько раз атаковали мы Букань, но безрезультатно. Хитрую тактику придумали фашисты, давали нам возможность занять первую линию обороны, а потом с флангов переходили в контратаку, отсекали прорвавшуюся роту, окружали ее. Дивизия несла потери. Разгадал вражескую тактику Завадовский. После артиллерийской подготовки батальон ворвался в переднюю траншею. Немцы тут же ударили с флангов, пошли навстречу друг другу. Но окружить батальон им не удалось. Нарвались фашисты на артиллерийские засады. Били по ним прямой наводкой картечью. Фланговые группы были разгромлены и в беспорядке отступили. А батальон тем временем ворвался в Букань и взял ее.

Однажды Завадовский приказал лыжному батальону проникнуть в тыл врага, произвести разведку боем одного из важных пунктов. Батальон нарвался на засаду, началась метель, командир капитан Омелайненко потерял управление ротами и вернулся лишь с небольшой группой солдат. Генерал вызвал в штаб офицеров, которые знали Омелайненко, внимательно выслушал их. Отзывались они о капитане хорошо: командир смелый, заботится о солдатах. После говорил с капитаном, разговор был крутой. Омелайненко перевели на должность командира роты. Воевал хорошо, через полгода ему вновь доверили батальон.

Как-то вызвали генерала в штаб армии. Боев не было, дивизия стояла во втором эшелоне. Михаил Николаевич сел на коня. Едет со своим адъютантом, нагоняет маршевую роту. Вдруг один из солдат покинул строй и подбежал к Завадовскому:

— Товарищ генерал, я воевал с вами под Москвой в 57-й кавалерийской дивизии. Возьмите меня к себе.

Рота остановилась. Попросились в дивизию и другие солдаты. Завадовский подозвал к себе сопровождавшего роту командира и сказал:

— Вот что, лейтенант, двадцать человек я у тебя забираю. Получи расписку, в штабе армии я все улажу. Это мои солдаты.

Земский на минуту задумался, закрыл альбом:

— Замечательный был человек Завадовский. Его 18-й дивизии, а потом восьмому корпусу, которым он стал командовать, всегда поручались самые трудные операции...

Невозможно в кратком очерке описать богатую боевую жизнь генерала. Восемнадцатилетним юношей в 1918 году он добровольно вступил в ряды Красной Армии, с оружием в руках отстаивал Советскую власть в годы гражданской войны.

Великую Отечественную встретил командиром мотострелкового полка, отражая в Белоруссии бешеные атаки немецко-фашистских захватчиков. В битве под Москвой командовал 57-й кавалерийской дивизией. За умелое руководство вверенными ему частями и соединениями, образцовое выполнение боевых заданий, за личное мужество и храбрость, проявленные в годы войны, Завадовский награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова II степени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями.

Высокие качества полководца — широкое оперативное мышление, умение находить в трудных ситуациях неожиданные тактические шаги, способность пойти на разумный риск — генерал не раз демонстрировал в боях за Восточную Пруссию и при штурме Кёнигсберга. В этих исторических сражениях Завадовский командовал восьмым гвардейским стрелковым корпусом, куда входили 5, 26 и 83-я гвардейские стрелковые дивизии.

16 октября 1944 года войска 3-го Белорусского фронта после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление. Опираясь на заранее подготовленные оборонительные сооружения, враг оказывал упорное сопротивление, часто переходя в контратаки. В приграничной полосе 5-я гвардейская дивизия на рубеже Обелуж—Будевице действовала успешно, но при дальнейшем продвижении вперед встретила упорное сопротивление фашистской пехоты, поддержанной танками и штурмовыми орудиями. Быстро оценив обстановку, командир корпуса ввел в бой один из полков второго эшелона. При поддержке танков и самоходных орудий полк восстановил положение на этом участке. Советские воины вышли на огневые позиции противника в районе Мисавице. 5-я гвардейская дивизия сумела продвинуться на запад до шести километров.

И вскоре эта дивизия с юга, а 83-я с севера ворвались в Вирбалис.

Фашисты укрылись за второй линией обороны. Завадовский приказал произвести разведку боем переднего края. Затем ночью по его распоряжению саперы проделали в заграждениях шесть проходов, изъяв 1400 противотанковых и противопехотных мин. Части корпуса стремительно атаковали позиции врага и к рассвету заняли все три линии траншей. Вскоре один из полков 83-й гвардейской дивизии с боем вошел в Кибартай. Во второй половине дня 18 октября подразделения корпуса подошли к Государственной границе, с боем пересекли ее и завязали ожесточенное сражение на территории Восточной Пруссии.

При наступлении на неприятельский оборонительный узел Завадовский активно использовал созданные по его приказу штурмовые группы. Шестиамбразурные доты вначале обстреливались прямой наводкой с расстояния в 200—300 метров орудием, танком или самоходно-артиллерийской установкой. Под прикрытием огня блокировочная группа из автоматчиков и огнемеччиков ползком продвигалась вперед. За ней со взрывчаткой двигались саперы. После уничтожения или взятия дота немедленно в образовавшуюся брешь входили войска. Соединения корпуса в первый день наступления уничтожили девятнадцать четырех- и шестиамбразурных дотов противника.

В январском наступлении восьмой корпус сыграл значительную роль в разгроме восточно-прусской группировки врага.

Введенный в прорыв корпус атаковал немцев неожиданно, без предварительной подготовки. Подвижные специально выделенные отряды, заняв первую линию обороны, стали громить ближние тылы противника. 21 января дальнейший выход частей корпуса во взаимодействии с 1-м Краснознаменным танковым корпусом в район Тап-лаккена по существу предрешил судьбу Инстербурга, который был взят на следующий день.

В своей книге «В боях за Восточную Пруссию» командующий 11-й гвардейской армией генерал К. Н. Галицкий так характеризует действия командира восьмого корпуса: «В руководстве корпусом он использовал широкий маневр и быстрый темп на поле боя... Правильное руководство М. Н. Завадовского боем имело в этот трудный для нас день большое значение».

Развивая успех, дивизии корпуса с боем захватили крупный опорный пункт фашистских войск — Велау, форсировали Прегель, Дайме и Алле и вышли к южным окраинам Кёнигсберга.

Успешно действовал корпус в дни штурма города и крепости Кёнигсберг. Он выполнил задачу первого дня, во второй день взял паровозное депо, ворвался в Розенау, Зюдпарк. На долю корпуса выпала нелегкая задача захвата центра города.

На третий день штурма наши войска оказались перед третьим оборонительным рубежом: предстояло форсировать два рукава Прегеля, за которым мрачной громадой на холме возвышался королевский замок. В ночь на 8 апреля противник бросил в этот район свои последние резервы. Утренняя атака окончилась безрезультатно. Завадовский перегруппировал свои силы, укрепил левый и правый фланги. Решительной атакой после мощной артиллерийской и авиационной подготовки дивизии опрокинули врага и вышли к водному рубежу.

Замысел командира корпуса был блестяще осуществлен. Значительная группа немецко-фашистских войск, засевшая в трех- и четырехэтажных каменных зданиях между Зюдпарком и Прегелем, оказалась в окружении. Завадовский проявил высокое личное мужество и смелость, выдвинулся в боевые порядки и руководил штур-

мом. Прижатые к реке, гитлеровцы подвергались сокрушительному разгрому и были уничтожены.

Генерал-лейтенант лично организовал форсирование реки. Водный рубеж в кромешной темноте солдаты и офицеры преодолевали на плотках, надувных баллонах, бочках. На противоположном берегу (реку форсировали без предварительной подготовки, с ходу) был захвачен важный для дальнейшего наступления плацдарм. С наступлением рассвета бои развернулись в центре города.

Отдельные подразделения фашистского гарнизона предпринимали отчаянные контратаки, но все они в первые минуты захлебывались. Вечером враг капитулировал.

В боях за Кёнигсберг только восьмой гвардейский стрелковый корпус уничтожил и захватил в плен до 30 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, 37 танков, 600 орудий, 120 минометов, 1200 автомашин и огромное количество другого имущества. Многие солдаты и офицеры корпуса за этот подвиг были награждены орденами и медалями, а его командиру Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

Смелую операцию Завадовский осуществил в заключительном сражении Восточно-Прусской операции — при штурме порта Пиллау. Он выделил из состава 83-й гвардейской дивизии 650 бойцов и в ночь перед штурмом морем на катерах и самоходных баржах перебросил их на косу Фрише-Нерунг. Выбитый из Пиллау враг предпринял несколько контратак, но вскоре капитулировал.

Михаил Николаевич Завадовский всю свою жизнь посвятил Вооруженным Силам Советского Союза, служению социалистической Отчизне. После окончания Великой Отечественной войны командовал крупными соединениями советских войск, передавал офицерам богатый боевой опыт. Умер генерал в 1960 году.

Советский народ свято чтит память о славном полководце. Летом 1971 года в свой первый рейс в Центральную Атлантику отправился средний морозильный траулер Пионерской базы океанического рыболовного флота «Михаил Завадовский».

По-гвардейски трудится коллектив траулера, посвященного на своем борту имя Героя Советского Союза Михаила Завадовского.

В. Ключкин

Герой Советского Союза
А. Л. ЗУБКОВА

ЗЕМЛИ РЯЗАНСКОЙ ГЕРОИНЯ

Передо мной пожелтевший от времени наградной лист далекого военного времени. В графе, официально озаглавленной «Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг», записано, что штурман авиаэскадрильи 125-го гвардейского бомбардировочного авиационного полка имени Марины Расковой Антонина Зубкова в воздушных боях в районе Восточной Пруссии проявила образцы мужества и героизма, довела счет боевых вылетов до 56, с боевым налетом 87 часов. Указом Президиума Верховного Совета СССР ей присвоено звание Героя Советского Союза.

Как много стоит за этими предельно лаконичными и скупыми строчками фронтового документа! И как трудно рассказать о героине, крылатая жизнь которой в суровую годину войны была настоящим подвигом!

Среди широких полей Рязанщины, на берегу реки Прони, прямыми порядками протянулось село Семион. Кругом сады, сады... На окраине села небольшой домик. Здесь провела свое детство и юность Тоня. Маленького роста, худенькая, с ясными серыми глазами,

высоким чистым лбом, мягкими светлыми волосами — такой ее помнят односельчане. Ровесники, взрослые ласково называли ее Зубком. Такое прозвище Тоня получила за свой маленький рост. А еще на селе Тоню звали артисткой — за исполнительское мастерство и активное участие в школьной художественной самодеятельности.

Тоня умела пошутить, посмешить подруг и сама от души смеялась. И очень любила книги: восхищалась мужественным Спартаком, горьковским Данко, неустрашимым Павкой Корчагиным.

В начале 1938 года Антонина Зубкова вступила в ряды Ленинского комсомола.

В Кораблинской средней школе проявились ее способности к математике. Антонина писала стихи, ее сочинениями зачитывались в классе. Математика и литература. Какому предмету отдать предпочтение? Математика взяла верх: эта наука поражала ее своей логичностью. Тоня, отлично закончив школу, без экзаменов, на правах отличницы, была принята на механико-математический факультет Московского государственного университета.

Студенчество — счастливая пора юности. Вот уже позади программа третьего курса. Остался последний экзамен. Впереди летние каникулы. И вдруг...

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой!

Этот призыв вечевым набатом прозвучал по необъятной стране.

«В университете сразу почувствовали холодок в учебе. Решать интегралы, читать Эйлера и Коши в сравнении с тем, что внезапно обрушилось на страну, казалось каким-то ненужным и бессмысленным», — записала в эти дни в свой дневник Антонина Зубкова.

Все чаще и чаще Тоня задумывалась над тем, где ей найти свое место в борьбе, где можно принести больше пользы Родине, воспитавшей в ней волевые качества бойца, патриота. Остановилась на одном решении: только на фронт! Но это была лишь мечта.

А пока вместе со своими университетскими подругами Тоня сооружала оборонительные укрепления на подступах к Москве. Во время ночных налетов врага дежурила на крышах и сбрасывала на землю «зажигалки».

Комсомол университета объявил себя мобилизованным на трудовой фронт. Потекли напряженные будни. Похвальной грамотой была отмечена работа комсомолки Зубковой в подмосковном колхозе «Гигант». Но мысль быть на переднем крае борьбы не давала покоя.

12 октября 1941 года Антонине Зубковой исполнился 21 год. В этот день студенты университета, в том числе и Тоня, строили оборонительные сооружения у станции Кунцево. В перерыве девушки узнали, что ЦК ВЛКСМ объявил набор комсомолок-добровольцев в армию. Желающих было много, и среди них Тоня Зубкова. Ее беспокоило одно: вдруг из-за маленького роста ей откажут в просьбе идти на фронт. И вот радость: она назначена в распоряжение прославленной летчицы Героя Советского Союза Марины Расковой, возглавлявшей формирование трех женских авиаполков.

Из первой же встречи с Антониной Марина Михайловна поняла: перед ней не только умная девушка, хорошо знающая математику и другие науки, необходимые штурману, но и твердый решительный человек. Эта беседа предрешила судьбу Тони Зубковой и дала ей путевку в боевую авиацию.

Наступили трудные дни и месяцы летной учебы.

«Никогда еще в дни экзаменов в университете не занималась я с такой жадностью и вдохновением», — писала тогда Зубкова.

С утра до вечера гудел учебный аэродром, шуршало полотно тренажера, штурманы по очереди «бомбили» с импровизированного «самолета», стараясь поразить «вражескую цель».

Ранним декабрьским утром 1942 года с прифронтового аэродрома поднялись в воздух пикирующие бомбардировщики, пилотируемые девушками. На одном из ПЕ-2 летела к линии фронта и штурман Антонина Леонтьевна Зубкова.

На скоростном пикирующем бомбардировщике ПЕ-2 Антонина Зубкова летала с прославленной летчицей Героем Советского Союза Надеждой Федутенко. Этот экипаж первым в полку превысил расчетные возможности самолета, увеличив его бомбовую нагрузку до тысячи двухсот килограммов.

Около 80 боевых вылетов совершил экипаж в районе Сталинграда, Северного Кавказа, Кубани. Мощные бомбовые удары обрушивались на скопления живой силы и техники врага. В ожесточенных схватках с фашистскими истребителями отважные летчицы проявили героизм и выходили из боя победителями. Экипаж водил в бой сначала звено, а затем эскадрилью. В тяжелых воздушных сражениях пали смертью храбрых боевые подруги и сородатницы: Маша Лапунова, Люба Губина, Аня Язовская, Елена Пономарева. Оставшиеся в живых накапливали боевой опыт, мстили за смерть своих подруг дерзкими, мощными ударами по немецким захватчикам.

В начале января 1943 года, когда Антонина Зубкова находилась на подмосковном аэродроме Киржач, пришла трагическая весть: погиб любимый командир Марина Михайловна Раскова.

Сохранились стихи, которые написала Антонина Зубкова в ту тяжелую пору.

Хотелось вычеркнуть этот день,
Который столько горя принес.
Родина! Траур сегодня надень.
Сердце! Гневом гори без слез.
Можно терять друзей.
Тяжело, если гибнет в бою подруга.
Но верьте, товарищи, много больней
Терять командира, героя, друга.

С Кубани 125-й гвардейский бомбардировочный полк, в котором служила Антонина Зубкова, перелетел на Западный фронт и продолжал громить врага в Белоруссии, Прибалтике и Восточной Пруссии.

Еще в сентябре 1943 года экипаж (командир Н. Федутенко, штурман А. Зубкова) вел свою девятку в составе большой группы самолетов с целью обеспечить прорыв укрепленной полосы противника в районе города Ельни. При подходе к цели колонна была встречена сильным огнем зенитной артиллерии и атакована истребителями. Сбит ведущий. Экипаж Федутенко — Зубковой становится во главе колонны, точно выходит на цель, отлично выполняет задание и приводит колонну на свой аэродром.

В воздушном бою над Лиепаей Антонина Зубкова с командиром полка вела дивизионную колонну к месту сосредоточения живой силы и техники противника.

В порту Лиепая было сконцентрировано огромное количество артиллерии и истребителей, так как через этот порт снабжались фашистские армии в Прибалтике.

Тоня вспоминала:

«Шли на большой высоте со стороны моря. Над целью самолет был подбит. Пробит бензобак, вышел из строя мотор. К счастью, я знала один прифронтовой аэродром. Большая высота позволила, планируя, дотянуть до своей территории».

Над Пиллау Зубкова летела ведущей. Полк попал в зону заградительного огня. Бьют вражеские зенитки, букеты разрывов становятся все гуще и гуще. Местами они образуют почти непроходимую стену. Разрывы проявляются всюду: ниже, выше строя, между самолетами. Выбыл из строя командир полка — Зубкова берет командование на себя и успешно выполняет задание. Узел сопротивления разгромлен. Полк благополучно вернулся на свою базу.

Это только хроника будней. Подобных боевых эпизодов было много. Три с лишним года ожесточенных схваток. Бой есть бой. Пусть в это время вокруг самолета бушует море огня, пусть в наушниках шлемофона слышится взволнованный голос стрелка-радиста, что в воздухе появились истребители противника, — штурман и летчик должны, несмотря ни на что, вести самолет на цель, чтобы выполнить боевую задачу, нанести врагу меткий бомбовый удар. Антонина Зубкова действовала так в каждом боевом вылете. Именно в этом и состояли ее заслуги. В мужестве, в бесстрашии, в беспредельной любви к своей Родине заключены альфа и омега подвига Зубковой.

Антонина Зубкова воевала в небе, но какой глубокий след оставила на земле! След ее жизни и в поступках, и в помыслах.

У Анастасии Леонтьевны, сестры Героя, проживающей ныне в Калининграде Московской области, сохранились выдержки из фронтового дневника Антонины. Вот одна из них:

«Презираю тех, кто бережет себя для хорошей жизни, забывая, что право на это надо завоевать». «Бей врага по совести, и совесть твоя будет чиста перед Родиной... Я не опозорю нашей семьи и нашей Родины».

«...Отгремев, закончились бои». На полевом аэродроме построен полк. На правом фланге — знамя, украшенное орденами Суворова и Кутузова. Летчики-гвардейцы бомбардировочного полка имени Героя Советского Союза Марины Расковой торжественно провожают Антонину Зубкову в новую мирную жизнь. Она уходит продолжать прерванную войной учебу. На груди Золотая Звезда Героя Советского Союза — заслуженная награда за боевой труд.

Мечта жизни сбылась. В 1948 году она блестяще окончила Московский университет, потом аспирантуру, стала ученым-математиком в авиационной академии имени Жуковского. Но безвременная смерть оборвала жизнь этой прекрасной талантливой женщины.

Она много сделала для Родины как воин и много могла бы сделать для нее как ученый.

Родина знает, Родина помнит, Родина свято чтит своих героев. Светлая память о героине жива. Ее имя носит пионерская дружина Кораблинской средней школы № 1 на Рязанщине. А в мае 1970 года именем Героя Советского Союза Антонины Зубковой назван средний морозильный рыболовный траулер Калининградской флотилии.

И. Хрусталеv

Герой Советского Союза
Т. КАБИЛОВ

ЯБЛОКИ ТУЛЕНА

Резной багряный листок неслышно оторвался с яблоневой ветки, покружил на невидимых крыльях ветерка. Мягко коснувшись бронзового плеча, листок чуть задержался у маленькой выпуклой звездочки на груди бронзового человека и с легким шорохом соскользнул на землю. Ты не обратил на него внимания, Тулен. А ведь это листок с той самой яблони, которую много-много лет назад ты вместе с Хусаином Бижановым посадил в школьном саду.

Маленькая девочка подняла листок и протянула невысокой молодой женщине с задумчивыми темными глазами.

Ты не знаешь эту женщину, Тулен. Она родилась тогда, когда ты впервые ощутил под Ленинградом жар врывающегося в тело осколка.

— Да, да, Нургуль, это твой дедушка.

Девочка недоверчиво, но пристально посмотрела на бронзового человека, потом на мать.

— Дедушка без бороды не бывает.

— Бывает, девочка, бывает. Идем...

Ты не видишь, Тулен, как они уходят. Ты смотришь через всю страну вдаль, туда, где для тебя время оста-

новилось на рассвете пасмурного апрельского дня далекого 1945 года...

...Не было для чиликских мальчишек лучшей поры, чем весна, когда как-то вдруг, в один день, оживают аулы, уводят чабаны через пологие склоны. Бакая шумные отары на летние благоухающие пастбища — джайляу. Не управляютя взрослые, и тут, бросив кусок войлока на потный лошадиный круп, карабкается на коня голопузый джигит, который и на земле-то стоит пока еще не очень уверенно. И начинается в степи (когда взрослые поотстанут) отчаянная байга — кто быстрее? Чаще других выходит вперед круглолицый крепыш Тулен, сын Кабила. Не только сверстникам, но и взрослым должен был показать он, как ладно сидит на коне, чтобы побыстрее доверили ему пастьбу: Тулен сирота, живет у старшей сестры Алиман, а у той своих малышей семеро по лавкам. И в школе та же байга — нельзя отставать, стыдно, если Алиман скажет: «Ты себе так и на талкан* не заработаешь...» Ни разу так не сказала Тулену Алиман.

Многие в ауле Ассы-Сага присматривались к Тулену. Не теряла его из виду и Катыпа Бектимисова, старая большевичка, председатель колхоза. Она-то и подтолкнула Тулена, когда он закончил семилетку: «Поезжай, сынок, на курсы в Алма-Ату. Людей у нас грамотных мало, а ты смысленный, считать быстро научишься...» Так и стал комсомолец Тулен Кабилов уважаемым в ауле человеком — счетоводом.

Много позже, в тяжелые дни сталинградских боев, когда в окопах читал друзьям-фронтовикам агитатор Тулен Кабилов письмо тружеников Казахстана, теплом и гордостью наполнялось его сердце за названую мать — Катыпу Бектимисову, которая внесла в фонд помощи фронту 50 тысяч рублей своих сбережений, за что сам Верховный Главнокомандующий сказал ей спасибо. Да разве мог Тулен подвести такую мать?

Это было в конце февраля 1944 года. Высота 114,9 стояла на пути гвардейцев 72-го стрелкового полка, как крепость, как скала, о которую одна за другой разбивались атаки бойцов. Вторые сутки, словно вросшие в бетон, держались фашисты на этой господствующей, безобидной с виду высоте, время от времени переходя в от-

* Талкан — мука из жареного ячменя.

чаянные контратаки. Но приказ есть приказ, и снова по цепи передается неумолимое: «Приготовиться!»

— Подожди, командир. Про меня всегда говорили на родине: «Айы онынан тууды» — для него луна взошла справа. Везучий, счастливый, значит. Так разреши попробовать?..

В сумерках Тулен Кабилов незаметно пробрался с пулеметом вплотную к правому флангу гитлеровских укреплений, и когда фашисты поднялись в очередную контратаку, с правого фланга безостановочно заговорил пулемет Тулена...

Ночью на взятой высоте, с аппетитом нажимая на густой солдатский кулеш, Тулен, посмеиваясь, говорил своим дружкам — Алпану Итжанову и Нурымму Сансызбаеву: «Кормес, туеннде кормес!»

— Ты чего там, Толик, ругаешься? — окликнул кто-то из русских бойцов.

— Зачем ругаешься? Это у нас так говорят: «Кто не хочет видеть, тот и верблюда не заметит...» Смотреть надо!..

После этого боя засветилась на груди у младшего сержанта Кабилова первая медаль «За отвагу». А еще через месяц — вторая...

Из каких составляющих складывается любовь к человеку, бескомпромиссное доверие к нему? Из обстоятельной внешности и общительного характера? Из его умения быть добрым и приветливым со всеми? Да нет, всего этого, пожалуй, мало, а особенно на войне. Должен быть в человеке какой-то невидимый с первого взгляда, но постоянно светящийся, немигающий огонек, который вдруг под ветром ли атаки, сжатый ли немислимой тяжестью обстоятельств, вдруг разгорается в яркое пламя, освещающее путь вперед, согревающее и зовущее...

Был такой огонек в сердце Тулена. Отсветы этого огня еще и сейчас нет-нет да и помогают выбрать правильное решение первому секретарю Чиликского райкома партии Хусаину Бижанову, заглушают боль старых ран у работника Министерства финансов Казахской ССР Нурыма Сансызбаева, стоит взглянуть ему на фотографию, где сняты они с Туленом ровно за год до его подвига на полтавской станции Лохвица.

Отсветы этого огня горят в трех орденах Славы, что среди прочих наград бережно хранятся на парадном ки-

теле еще одного фронтowego друга Тулена, которому Кабилов дал путевку в партию, Ивана Анисимовича Редка...

Не этот ли огонек после боя собирал в окопе Тулена, а по-русски — Толика Кабилова, его разноязычных друзей — русских Сопина и Лазарева, украинцев Войтенко и Бибу, чуваша Архипова, мордвина Механошина, литовца Новичкаса, армянина Багдасаряна — крохотный кусочек непобедимого, сверхтвердого сплава, название которому советский народ.

Соберутся друзья, подтолкнет Тулен своего земляка Алпана Итжанова: «А ну, неси подругу-домбру» — и запоет озорно и бесхитростно про лукавого весельчака Молдабая, любая проделка которого и без перевода понятна каждому... Повиснет в тишине последний звонкий аккорд, вздохнет Тулен, окинет быстрым взглядом потеплевшие лица друзей и, словно стряхнув навязчивый гул далекой канонады, боль последних потерь, нечеловеческую солдатскую усталость, скажет:

— А давайте ко мне на яблоки все соберемся, а? После войны. Нигде таких, как у нас, яблок нет. Красные, как солнце, большие, как диск автоматный, а сладкие, м-м-м!..

— ...Вот эти-то яблоки и не давали мне покоя. За день до его гибели, уже в Кёнигсберге, пообещал я Толику, что вместе поедem к нему. Пообещал-то просто так, а когда его не стало, вроде клятвы это обещание сердце точило. Вот я и приехал в Алма-Ату, хоть никого у меня здесь не было. Да и вообще на всей земле никого родных у меня еще до войны не осталось. Рос в детском доме, на станции Ерофей Павлович. Знаете такую?..

Иван Анисимович Редок держит в руках фотографию Тулена, а смотрит куда-то за окно, в глубокое, как время, алма-атинское небо. Его светлые жесткие брови вдруг сходятся к переносью, будто отчеркивая тихое обыденное сегодня от тех далеких апрельских дней — грохочущих, покрытых то ли кирпичной пылью, то ли багрянцем пламени, то ли...

— Разным я видел Толика. То строгим и каким-то даже официальным, когда после одного боя под Меде-

нау меня, прямо в моем окопе, он как парторг роты поздравил со вступлением в партию... То заводным, хохочущим — это уже где-то в предместье Кёнигсберга было, когда он в фашистский блиндаж незаметно нагрнул, переполох устроил и важные оперативные документы «изъял». А то и злого, как шайтана. Это недалеко от элеватора было. Прижали нас к земле пулеметом из одного дома — головы не поднять. Чтобы выбить фашистов оттуда, через улицу перебраться надо. А как? Тут, смотрю, Толик каску поплотнее натягивает, выражается от души — не слышать, то ли по-русски, то ли по-своему. Крикнул только мне: «Я их сейчас по-сталинградски, едрена палка!..»

И с «Горюновым» — со станковым, значит, — за угол полуразбитого дома перебрался. А через несколько минут — видно, пристроился — поливать, как из брандспойта, по окнам начал. Потом в самом здании стрельба началась. Ну, когда мы вбежали в дом, всё уже кончено было: «Я, — говорит, — гашетку не отпускал, пока все двести пятьдесят патронов в гитлеровцев не положил...»

Разным я его видел, только грустным, духом павшим — никогда.

И подумалось мне: а не эта ли пружинная собранность, природная цельность натуры, постепенно, по крупицам накапливает в характере человека динамит, срабатывающий в единственную, самую нужную, неповторимую минуту и поднимающий его на вершину подвига, утверждая извечное превосходство великого над мелким, жизни над смертью?..

— ...А через два дня не стало нашего Толика. Утром неожиданно со стороны элеватора фрицы на нас танками с пехотой в контратаку пошли. Нам приказ: отрезать пехоту от танков. А как ее отрезать, если мы из траншей и высунуться не можем: танки из пулеметов так и поливают. Толик от меня метрах в пятнадцати был. И вдруг вижу, когда передние танки с его траншеей поравнялись, вскочил он на броню первого танка и со всего размаху — а силой его бог не обидел — прикладом по стволу пулемета. Смотрю, люк приподнимается: немец, видно, сбить его с танка хотел. А Толик гранату с пояса — и в лючину... Боезапас сра-

ботал, как добрая бомба. У меня до сих пор этот взрыв и это пламя в глазах стоят.

Иван Анисимович смолк, пристально, словно впервые, вглядываясь в упрямые глаза Тулена Кабилова, а левая рука его как-то непроизвольно двигалась снизу вверх по груди, будто растирая ушибленное место. То ли тяжесть фашистского танка, прошедшего через его окоп там, на трудных километрах Восточной Пруссии, вдруг отозвалась, то ли волна этого далекого взрыва снова толкнула его в грудь...

По затихающему светлогорскому шоссе, весело сверкая огнями, проскочил последний автобус, и шоссе опустело. Тишина, глубокая, как детский сон, окутала лес, окраинные дома Калининграда, застывший на постаменте танк. Первый весенний ветерок доносит едва уловимые звуки: то ли шорох еще не одетых ветвей, то ли шелест прошлогодней листвы, то ли легкие чьи-то шаги... Я закрываю глаза и почти осязаемо вижу его — плотного, по-кавалерийски цепко идущего по земле. Черный ежик волос не тронула седина, густые темные брови сошлись над переносицей, и только пухлые губы, вот-вот готовые распахнуться в озорной улыбке, выдают его открытый и веселый характер.

Тулен переходит шоссе. Вот здесь, на этом месте, в отчаянном рывке его пересекала шестая рота 72-го стрелкового полка 24-й гвардейской стрелковой дивизии. Вон там, чуть левее, залег со своим отделением Иван Редок, а вот за этими надолбами лежал со станковым пулеметом Николай Мехед...

Тулен проходит по городу, почти не узнавая его. В отдалении, над крышами, в вышине, стремительно пронзают небо яркие вспышки. Нет-нет, Тулен, это не трассирующие. Это вечерняя смена ведет сварку на строительстве нового девятиэтажного дома...

Он идет по совсем незнакомым улицам, удивленно вглядываясь в освещенные окна, на минуту замирает в отсветах вечного огня у стройной колонны памятника, незримо проходит по причалам порта и вдруг останавливается у высокого борта подсвеченного ночными огнями судна, взволнованно всматриваясь в надпись «Тулен Кабилов». Из открытого иллюминатора доносится приглушенная песня:

...Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...

Нет, не в белых журавлей, а в белостенные города и поселки, улицы и школы, самолеты и корабли вдохнули они свою жизнь, навсегда остановившись на огненной черте бессмертия.

И. Пантюхов

Герой Советского Союза
С. Л. КОЗАК

КАКИМ ТЫ БЫЛ, СТЕПАН?

Если вы на карте вычертите маршруты, которыми проплыл СРТМ-8044 «Степан Козак» с тех пор, как он сошел со стапелей «Ленинской кузницы», то красные линии протянутся от Киева до берегов Африки, в Калининград и оттуда снова в Атлантику. Так вот куда ведут твои дороги, работагтраулер, несущий на корме имя чудесного парня из села Нападовки Винницкой области! И мне хочется, чтобы моряки знали: Козак был достоин такой чести, он один из тех, чьими именами нужно называть корабли, улицы, колхозы, школы. И рассказ пойдет о том, каким был этот человек, майор, Герой Советского Союза, чья жизнь оборвалась в 22 года.

...Николай Козак знал: их поредевший батальон сейчас будут сменять, отводить в тыл на пополнение. Он мечтал: там, где-нибудь в тылу, посчастливится встретить брата Степана, которого не видел больше трех лет. Ведь Степан тут, где-то рядом, недаром полевая почта приносит письма на второй, на третий день, не позже.

Сменявшая часть уже подтянулась, когда Николай, стоявший около землянки комбата, вдруг услышал:

— Майор Козак, к рации!

Бросился парень к входу, а часовой не пускает: не положено.

— Пусти, там же брат мой!

И не помнит, как вбежал и застыл на пороге, высокий, в куцой подрезанной шинели и ботинках с обмотками.

Обратился, как положено, к старшему по званию:

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться к майору Козаку! — И смотрит, смотрит туда, где сидит молодой худенький майор с таким знакомым, родным лицом. Да ведь это же Степан, Степа, брат!

До сих пор, Николай Лаврович, теперь уже погрузневший, отец двоих детей, колхозный строитель, не может спокойно вспомнить об этой встрече, такой нечаянной и в то же время желанной. Три долгих страшных года войны прошло. И как только комбат Степан Козак немного освободился, он сел с братом:

— Рассказывай, Микола! Обо всем рассказывай, ничего не скрывай!

О чем рассказывать раньше? Три года — это оккупация, это страшное, лихое время. Отца, в прошлом колхозного активиста, угнали в Германию. Староста, иуда, издевался над семьей, как хотел, и матери попадало нагайкой, а самого Николая, совсем еще мальчишку, ненавидел люто и хлестал плеткой при каждом удобном случае. Летом парень носил ватный зипун, чтобы плетка не просекала кожу. На рытье окопов послали — удрал, спрыгнул с обрыва. Словили, вместе с другими парнями заперли в вагоны и повезли в Германию. Удрал где-то под Краковом, добирался домой, в Нападовку, в кровь стирая ноги... Пришли наши — добровольцем пошел. Каунас брал, теперь вот здесь воюет.

Молча слушал страшный рассказ комбат. А потом поднял голову, глянул в глаза младшему:

— Договорюсь, вместе служить будем, ко мне в батальон перейдешь.

— Степа, а в отпуск тебя не пустят?

— Отпуск? Всю Германию пройдем, батька освободим, тогда отпуск. А пока...

Встал майор, вскинул кубанку на шевелюру и пошел... А за ним брат. И больше не расставались они до самой гибели Степана. Так и служил младший ординарцем у

старшего. Вместе в бой шли, рядом — и на командном пункте, и в окопе, и на броне танка.

Многое вспоминает сегодня Николай Лаврович о брате, о том, как воевали. Невысок был Степан да и в плечах не очень широк, но солдатам орлом казался. Подвижный, эмоциональный, быстро принимающий решения, он был любимцем полка, признанным командиром первого штурмового батальона.

За плечами огромная школа войны, школа мужества и боевого мастерства.

Степан Козак прошел славный боевой путь, воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, под Сталинградом, на Южном фронте. Затем с ноября 1943 года по ноябрь 1944 года снова Ленинградский, а затем 3-й Белорусский фронт. Два ранения — в сорок втором и сорок четвертом. Лечение в госпитале оба раза было коротким. И снова на передовую.

Стоит привести несколько строк, характеризующих Козака как способнейшего офицера:

«Благодаря его тактической грамотности, исключительной смелости, полк блестяще выполнил все поставленные боевые задачи. Его батальон первым форсировал реку Дейму и обеспечил прочный плацдарм на западном берегу».

Река Дейма. На ней находилась укрепленная линия обороны, внешний обвод с многочисленными дотами, боевыми казематами, сотнями орудий, тяжелых и легких пулеметов. «Железной дверью Кёнитсберга» называли эту укрепленную линию. Гвардейцы батальона Степана Козака наступали. Снаряды рвали лед, оставляя дымящиеся полыньи. Бойцы бросались на лед, полушубки намокали, январская ледяная вода сковывала движения, но никто не хотел отставать от своего командира. Вперед, только вперед! За форсирование Деймы комбат присоединил к прежним наградам — орденам Красного Знамени и Отечественной войны I степени — орден Александра Невского.

...Я сижу в доме старого Лавро Козака, отца героя. Небольшого роста, с жесткой щеточкой усов (сын был похож на него), Лавро Семенович на минуту выходит в другую комнату и приносит бережно завернутый орден Отечественной войны I степени, хранящийся в семье.

Осторожно беру его в руки, на эмали видны трещины, а вот и номер — 717. Из первой тысячи!

Степан всегда шел первым, как истинный герой. Так было и в последнем бою, за который его (уже посмертно) наградили Золотой Звездой Героя. Степан Лаврович был уже заместителем командира полка, стрелковые подразделения которого штурмовали немецкий опорный пункт Рогенен.

Немцы отчаянно сопротивлялись, вели сильный артиллерийский и минометный огонь. Козак организовал танковую атаку и сам вместе с бойцами на броне «тридцатьчетверки» пошел на штурм. Казалось, все держится на его энергии, отчаянной воле к победе. Не остановили бойцов ни сильный огонь, ни траншеи — опорный пункт был взят.

Но отдохнуть некогда, предстоит решать новую задачу. В двух километрах западнее Рогенена фашисты укрепились на господствующей над местностью высоте. Они еще сильны, не хотят сдаваться. Бойцы под командованием майора Козака, заменившего командира полка, который выбыл из строя, отбивают одну за другой одиннадцать контратак. Степана ранят в плечо — перевязка, и он снова в строю. Снова ранение — теперь уже в голову. Потеряно много крови.

— Степан, — просит его брат, — я вынесу тебя, ведь ты больше не можешь!

— Не смей говорить об этом, — вскипает майор.

Нужно атаковать немцев, а танки застряли в лесу.

— В лес! Нужно вытащить оттуда танки, посадить солдат на броню. Нельзя больше идти так, с одними пулеметами! — командует Козак.

Дважды раненный, с перевязанным плечом, белеющими на голове бинтами, Степан пробирается под огнем в лес вместе с братом и солдатом-связистом. Немного времени понадобилось опытному офицеру, чтобы организовать атаку полка совместно с танками. Сам он сидел на броне одной из «тридцатьчетверок». В тот момент, когда его бойцы уже ворвались на высоту, осколки тяжелого снаряда ударили в левое плечо и грудь, выбили из рук ручную пулемет...

Полк шел вперед, солдаты мстили за своего командира...

На памятнике Герою Советского Союза майору Козаку, воздвигнутом на родине Степана, высечены две цифры: 1920—1945. Так вот первая неверна. Родился Степан позже, в 1923-м, а годы прибавил себе в сороковом, чтобы попасть в военное училище. В 1931-м пошел в первый класс семилетки в родной Нападовке, все годы учебы был отличником.

Очень много рассказывают о Степане друзья, односельчане. Был заводилой во всем: организовать ли драмкружок, наладить ли работу струнного оркестра, ввязаться ли в бой с ребятами из соседнего села Мончинцы. Любил стихи, сам сочинял, переписывался с Павлом Григорьевичем Тычиной. Жаль, что не сохранились письма поэта к будущему герою.

Видно, что-то заинтересовало Тычину в сельском паренке, если писал ему.

— Рассказать, каким парнем был наш Степа? — переспрашивает меня Надежда Артемьевна Билык, учительница Нападовской школы. — Сидели мы с ним в классе рядом, знала я его, как знают соученика, самого способного в школе. А точнее, он был, как Сергей Тюленин из «Молодой гвардии» Фадеева.

Надежда Артемьевна говорит это так искренне, что я чувствую: это не просто литературная параллель, а родство характеров, поступков. В семнадцать лет Степан уходит из техникума и поступает в военное училище. Он был не очень крепким физически, но это возмещалось в армии упорством, стойкостью характера, какой-то необычайной для его возраста целеустремленностью.

225 дворов в Нападовке, больше ста человек не вернулось сюда с фронта, отдав свои жизни в борьбе с фашизмом. Около правления колхоза стоит скульптурная группа: два воина. Один — выпрямившись, другой — раненый, оперся о плечо друга. И рядом на плите высечены фамилии односельчан, тех, кто погиб в боях за свободу и независимость Родины.

Вот уже много лет 23 февраля в селе отмечают день рождения Степана Козака. Те, кто знал его, рассказывают, как любил он друзей, песни, как жил, воевал, погиб. Своими воспоминаниями делится директор школы Федор Кириллович Шаргало: он и до войны преподавал здесь, хорошо знал Степана. Ученики пишут сочинения о героическом земляке, который учился в их школе.

Жители Нападовки приходят к Елизавете Семеновне и Лавро Семеновичу, приносят подарки. И тяжело, и радостно старикам: тяжело потерять такого сына; радостно, что помнят его люди.

В старенькой школе, что стоит на горе, в парке, высоко над селом, в пионерской комнате, висит увеличенная копия Грамоты о присвоении звания Героя Советского Союза Степану Козаку, его портрет. Идут отсюда письма в Калининград команде траулера его имени, в поселок Славинск Калининградской области, где советские люди ухаживают за могилой героя.

Крепкая дружба связывает винницкое село и город Пионерский — порт, к которому приписано судно. А Герой Советского Союза Степан Козак навсегда прописан в сердцах земляков своих и здесь, на земле калининградской, где шел он в свой последний бой, в бой против фашизма.

Г. Фурман

Герой Советского Союза
Ю. Н. КОСТИКОВ

В СЕМНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

Будто сейчас я их вижу перед собой, замерших в строгих шеренгах, в торжественном молчании слушающих «Реквием» Роберта Рождественского. У вечного огня — группа убеленных сединами ветеранов Великой Октябрьской социалистической революции, Отечественной войны, Герои Советского Союза и Социалистического Труда, генералы и адмиралы. Они завоевали и отстаивали право на прекрасную жизнь этим молодым наследникам их славы, собравшимся в конце августа 1972 года в Калининграде на третий Всесоюзный слет молодых рыбаков, участников похода по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, посвященного 50-летию образования СССР. Делегаты слета от союзных республик, краев и областей страны выстроились у памятника 1200 героям-гвардейцам, чтобы принести им клятву верности.

На постаментах за обелиском застыли воины в плащ-палатках, касках, с автоматами в руках. В суровой тишине выкликаются имена:

— Герой Советского Союза гвардии младший сержант Шота Гамцемлидзе!

— Герой Советского Союза гвардии младший сержант Шота Гамцемлидзе пал смертью храбрых за свободу и независимость нашей Родины, — словно прорываясь через годы военного лихолетья, доносятся слова воина в походной экипировке.

— Герой Советского Союза гвардии сержант Юрий Костиков!

— Герой Советского Союза гвардии сержант Юрий Костиков пал смертью храбрых за свободу и независимость нашей Родины, — следует неизменный ответ в этой скорбной перекличке.

Слушая эти слова, я думал о том, какую великую науку ненависти к врагу прошел наш народ, сколько крови было пролито в этой битве с фашизмом, сколько отдано жизней на алтарь любимого Отчества, сколько людей навечно обессмертило свои имена и навсегда осталось в памяти народной.

Думал я и о Юрии Костикове, имя которого носит один из передовых траулеров нашего рыболовного флота.

Юрий Костиков. Кто он? Каким был этот человек?

Журналистский поиск привел меня в Москву, на улицу Живова, в дом 8, где ранее проживала мать героя — Феодосия Федоровна. К этому времени я уже знал, что у моряков БМРТ «Юрий Костиков» установилась крепкая связь с матерью и родственниками Юрия. Когда траулер находится в дальних широтах Атлантики, в московскую квартиру Феодосии Федоровны часто приходят письма и радиограммы, в которых рыбаки рассказывают ей о своей жизни, о делах дружного коллектива моряков. А нередко, когда долгожданные гости приезжают к ней в Москву, Феодосия Федоровна с неизменным интересом слушает задушевный рассказ о море, о корабле и, конечно, о Юре. Мать привыкла к этим встречам и с нетерпением их ждет. Для нее моряки траулера, носящего имя сына, стали дорогими и близкими людьми, сыновьями.

Может быть поэтому мое появление в этой уютной, тихой квартирке ничуть не удивило, а даже, мне показалось, как-то обрадовало ее.

— Из Калининграда? От Юры? — И словно спохватившись, что не так сказала, поправились: — С Юрина парохода приехали?

Феодосия Федоровна небольшого роста, подвижная; открытое лицо, ничем, пожалуй, не примечательное. Та-

кие лица у тысяч русских матерей. И если что-то привлекало к себе, так это глаза. Такие добрые, серые глаза. Да, может быть, еще руки. Я наблюдал, как они разливали чай, как убирали посуду, как искали нужную страницу в книге «Калужане — Герои Советского Союза», где была опубликована небольшая корреспонденция и о ее сыне.

И я представил себе, что вот когда-то в небольшой калужской деревеньке Зажове этими руками она кормила Юрия, к празднику шила ему новую рубашку, водила в школу.

— А как-то (это было уже в Москве) стучится Юрий в дверь, — рассказывает мать, — открываю, он стоит вместе с другом Володей Коченихиным, оба возбужденные. У Юры порван ворот рубашки и рукав пиджака на ниточке держится... Возвращались ребята с вечерней смены (Юра токарем работал на Краснопресненском машиностроительном заводе), видят, недалеко от дома, на 5-й Звенигородской, где мы раньше жили, человек пять верзил у знакомого мальчишки хлебные карточки отнимают. Юра и Володя, не задумываясь, бросились на помощь пареньку. Снимаю я с него одежду, беру иголку...

А я снова вижу материнские руки, которые жестами объясняют, как она все это делала...

— А Юра, — говорит, — сидит нахохлившись, кулаком растирает голубые-голубые глаза с длинными, как у девчонки, ресницами и только твердит одно и то же: «Следующий раз знать будут, гады!»

...Первая атака захлебнулась. Станковый пулемет, за которым лежал сержант Юрий Костиков, от перегрева дымил в брезжущий апрельский рассвет. Но вот снова замельтешили тени фашистов.

— Врешь, не пройдешь... гады! — нажимая на гашетку, крикнул Костиков.

Да, враг не мог ни пройти, ни уйти от расплаты. Какстая загнанных зверей, окруженных со всех сторон нашими войсками, немцы выползали из «вечных» укреплений Кёнигсберга и под прикрытием аспидно-черной ночи пытались пробиться к дороге, ведущей на Пиллау, чтобы соединиться с земландской группировкой своих войск.

Но и тут был поставлен надежный заслон.

Одна из фашистских групп, насчитывающая свыше трехсот человек, подошла к позициям 261-го гвардейского

стрелкового полка 87-й гвардейской Перекопской Краснознаменной дивизии. Часть из них пробралась к участку, где у командного пункта находился боевой пулеметный расчет гвардии сержанта Юрия Костикова.

А началось это так. Три часа ночи. С востока приближалось утро. До слуха Костикова доносилась непрерывная канонада: сражение не утихало ни днем, ни ночью. Наступал четвертый и последний день штурма Кёнигсберга. Но на участке расчета Костикова в эти часы было тихо.

Костиков пристально всматривался в сумерки. В прогалине между деревьями он заметил размытый туманом человеческий силуэт, за ним обозначился другой, третий... «Видно, наши разведчики возвращаются с задания», — мелькнуло в сознании сержанта. И тут он слышит чужие, лающие голоса: «Шнель!.. Шнель герр!..» Речь фашистов заглушила точная очередь пулемета Костикова.

Враг стал все яростнее наседавать. Находясь в тылу батальонов, используя открытый подступ, к штабу полка устремилась целая рота автоматчиков. Они не думали встретить серьезное сопротивление. Точно распределили цели. Немцы шли вначале, как на прогулку, во весь рост. От штаба их отделяли 50—60 метров. Но меткий пулеметный огонь расчета Костикова остановил фашистов.

Юрий видел через прорезь пулеметного щитка, как корчатся на земле десятки фашистов.

— Вот так и будем бить сволочей, Петька, — не отводя глаз от цели, сказал Костиков лежащему рядом заряжающему, тамбовскому пареньку, которого он всегда называл чапаевским Петькой.

Стянув все свои силы в узкий промежуток, враг снова поднялся в атаку. Офицеры, находившиеся в штабе полка, из личного оружия отстреливались от озверевших в своем бессилии фашистов. Пулемет Костикова на какие-то секунды умолк. Последнюю ленту подал заряжающий.

— Гранаты... гранаты сюда! — прозвучала команда сержанта Костикова.

Бросок, еще бросок...

И вдруг где-то поодаль, с левого фланга, забила дружная дробь автоматов. Родное, русское «у-р-р-а!», казалось, заглушало грохот боя. Это пришла на помощь наша стрелковая рота.

Но отважный пулеметчик уже не слышал победного клича... Гвардии сержанта Юрия Костикова фронтовые друзья и товарищи нашли мертвым. Горячее сердце героя, пробитое насквозь, остановилось навеки.

Когда в бою умирают гвардейцы, крылатая слава слетает с воинского Знамени и незримо становится в почетный и бессмертный караул у изголовья погибшего. У изголовья героя склонилось священное полковое Знамя, которое он спас ценой собственной жизни. Эта жизнь дорого обошлась врагу. Пятьдесят трупов гитлеровских солдат и офицеров валялось в зоне разящего огня боевого расчета.

Юрия Костикова похоронили в братской могиле в большом сквере.

Выступая на траурном митинге, командир 261-го гвардейского стрелкового полка полковник Рубцов сказал о герое так: «Юрий Николаевич Костиков был верным сыном своего Отечества. А верных ее сынов Отчизна помнит и чтит...»

Комсомольцы полка тогда же написали письмо родителям героя: «Ваш сын пал смертью храбрых. Мы, комсомольцы полка, любили и никогда не забудем вашего сына, нашего боевого соратника. Каждый из нас хочет быть похожим на Юрия. Мы учимся ненавидеть врагов так, как ненавидел их Юрий, и любить Родину так, как любил ее Юрий...»

Вчитываешься в эти пожелтевшие от времени документы и в сознании встает образ героя, вся его яркая небольшая жизнь.

Неумолим бег времени. С того памятного январского утра 1945 года, когда Юрий Костиков прощался с родными, друзьями, Москвой, прошло тридцать шесть лет. Зарубцевались раны. Но за давностью времени не угасла память людей о тех, кто пал в бесчисленных боях. Братские могилы,obelisks всегда напоминают живущим о великой битве наших народов с фашизмом.

И ничем и никогда не успокоить боль утрат в сердцах поседевших отцов, матерей, братьев и сестер.

Много рассказала тогда Феодосия Федоровна о себе, о своей многотрудной жизни в войну. А о Юре говорила с такими живыми деталями и подробностями, как будто это было вчера, на днях. Вспоминала и о сыновней любви,

нежности, о его детских и юношеских увлечениях, об отношении к труду, учебе, к друзьям. Подробности... подробности...

Видно, все это дано помнить только матери, ей одной, ее больному, измученному горем сердцу.

Говорила она как-то сдержанно, ровно, спокойно, без слез. И тогда я понял, а может быть, на секунду подумал, что для нее сын не потерян, не убит. Он продолжает жить с ней в друзьях, которые помнят Юру, в каждом моряке, что бывает у нее, наконец, в самом названии судна «Юрий Костиков», в названной его именем пионерской дружине 83-й московской школы, в бывшей 5-й Звенигородской, по которой она часто ходит по вечерам. На этой улице, названной именем сына, она теперь живет.

По улице имени Героя Советского Союза Юрия Костикова мы шли вместе с начальником ЖЭКа Краснопресненского района, шустрым словоохотливым старичком.

— Вот здесь, на углу, — говорит он, — состоялся митинг по случаю решения Моссовета о переименовании улицы. Много тогда краснопресненцев собралось на митинг.

Большой морозильный рыболовный траулер входил в порт приписки Калининград. На причале, среди встречающих судно, стояла миловидная девушка с небольшим букетом пунцовых гвоздик. Девушка пристально смотрела на приближающееся судно. Четко обозначились буквы на его борту. Девушка прочла шепотом: «Юрий Костиков», — затем так же тихо произнесла: «Здравствуй, Юра...»

Коренная москвичка Вера Костикова, сестра героя. Она приехала в Калининград, чтобы встретить из очередного рейса в далекую Атлантику своих братьев — судового слесаря БМРТ Володю Костикова и Юру. Да, Юру, чтобы поклониться ему, человеку и пароходу.

— В 1970 году после службы на Военно-Морском Флоте, — рассказывает Володя Костиков, — я написал капитану траулера Алексею Алексеевичу Воронцову письмо, что, мол, хочу работать в вашем коллективе. Вскоре пришел ответ: «Приезжайте, с радостью примем вас в свой экипаж».

И. Хрусталеv

Герой Советского Союза
В. Г. КОЗЕНКОВ

КОМАНДИР ЭСКАДРИЛЬИ

— Сегодня рано утром наши войска начали штурм прусской твердыни Кёнигсберг. Враг оказывает яростное сопротивление. Продвижение сдерживает сильный огонь из фортов внешнего обвода. Их надо подавить, но погода нелетная: над городом сплошные тучи, идет дождь. — Командир 136-го гвардейского штурмового авиаполка Василий Дмитриевич Жихарев выжидательно посмотрел на офицеров.

— Разрешите вылететь, — негромко, но решительно произнес командир эскадрильи Василий Козенков.

— И мне, и мне, — раздался голоса.

— Разрешаю, — кратко сказал Жихарев.

Через двадцать минут Козенков на своей «сотке» поднялся в воздух. Сзади ведомый — Борис Бучин.

Форт обнаружили не сразу. Его очертания почти сливались с общим фоном окружающей местности. Козенков решил атаковать, перевел свой самолет в пикирование. Вниз полетели бомбы. Спикировал и Бучин. Еще заход. Развернувшись, взяли курс на юг, на аэродром.

В первый день штурма эскадрилья Козенкова сде-

лала несколько боевых вылетов, с воздуха поддерживала атакующие части.

Советские войска вплотную подошли к окраинам города. И здесь были остановлены ураганным огнем. Немцы засели в каменных домах, укрылись за железобетонными укреплениями. Особенно тяжелая обстановка сложилась на участке, где находился «Остверк» — завод по ремонту танков и самоходных орудий. Артиллерийский и пулеметный огонь гитлеровцев с обоих флангов и с фронта прижал бойцов к земле.

На рассвете 7 апреля эскадрилья Василия Козенкова вылетела на штурмовку огневых точек врага в районе «Остверка». Кёнигсберг горел. Клубы черного дыма поднялись на два километра, застилая весь горизонт. Чтобы обнаружить очаги сопротивления, Василий приказал снизиться до трехсотметровой высоты. В просветах бурых облаков из пыли и черной гари показались очертания длинной коробки — корпуса «Остверка».

Сделали холостой заход, высматривая цели. Потом штурмовик Козенкова перешел в пикирование, от фюзеляжа отделились бомбы. Маневр командира повторили все самолеты эскадрильи. Выведя из пике машину, Козенков развернулся, нацеливаясь на новую атаку.

Заработали зенитные батареи гитлеровцев. Заместитель командира эскадрильи Борис Асадчих вдруг заметил два взрыва снарядов рядом со стабилизатором «сотки». Штурмовик вздыбилось. Спустя несколько секунд летчик взглянул в сторону командира — объятая черным дымом «сотка» устремилась вниз на здание завода. Там немецкие танки, враг. Раздался мощный взрыв...

Самолеты эскадрильи долго кружили над местом, где погиб командир. Обрушили на завод и близлежащие батареи град бомб, обстреляли вражеские позиции реактивными снарядами.

Когда приземлились, Асадчих не мог выдать из себя ни одного слова: спазмы сжимали горло.

Кувандык разросся, стал одним из крупных городов Оренбургской области, с многоэтажными домами, современными предприятиями.

А тогда, в 1924 году, когда в семье железнодорожного машиниста Георгия Семеновича Козенкова родился второй сын, Василий, это был небольшой рабочий поселок с

пыльными улицами и деревянными зданиями, каких много в отрогах Южного Урала.

Здесь в бескрайних оренбургских степях, на берегу реки Сакмары, полноводной в весенние паводки, когда по ней сплавливали лес в Урал и далее на Каспий, и мелеющих в жаркие летние месяцы так, что местами можно было переходить ее вброд, и прошли детские годы Василия.

Любил слушать Вася рассказы своего отца, воевавшего в империалистическую на турецком фронте под Эрзерумом конным разведчиком, а потом, в гражданскую войну, сражавшегося пулеметчиком в 213-м Крестьянском полку 24-й стрелковой дивизии против Колчака на Восточном фронте. Легендарный поход красных бойцов Блюхера по вражеским тылам, героическое наступление 5-й армии Тухачевского против колчаковских войск, лихие атаки дивизии героя гражданской войны Чапаева — все это было здесь, совсем рядом.

Вскоре семья Козенковых переехала в Актюбинск. Здесь Василий окончил семилетку. Тысячи питомцев воспитал педагог Дмитрий Алексеевич Образцов, заведовавший этой школой, а Васю Козенкова запомнил. Играл на балалайке, на гитаре, потом на гармошке — всегда в окружении товарищей. Большое пристрастие имел к механике. И занимался прилежно — один из лучших учеников школы.

Детство Василия кончилось рано. В 1938 году тяжело заболел отец: многочисленная семья на долгое время лишилась кормильца. Четырнадцатилетний подросток поступает в фабрично-заводское училище. Спустя год Василий — токарь авторемонтных мастерских хромитовых рудников. Но учебу не забросил: работая, окончил восьмой и девятый классы вечерней школы. Вступил в комсомол, возглавил комсомольскую организацию транспортного цеха своего предприятия.

Внезапно грянула война. В первые же дни она принесла семье Козенковых большое горе — в конце июля пришло извещение: в районе Бреста погиб, отражая натиск гитлеровцев, пограничник Николай Козенков. Тяжело переживал Василий гибель старшего брата. Написал заявление в военкомат с просьбой призвать в ряды Красной Армии. Комсомольцу ответили, что с армией следует подождать: годами не вышел.

Но Василий добился своего, помог горком комсомола: военкомат вскоре дал направление в авиационное училище.

«Трудно перечислить все подвиги, которые совершил ваш сын. Его знала вся дивизия. Храбрость, скромность, уважение к своим боевым друзьям, пренебрежение опасностью ради выполнения поставленной задачи — вот характерные черты Василия. Молодым комсомольцам он всегда будет примером беззаветного служения Родине, своему народу».

Так писал отцу Василия Козенкова Георгию Семеновичу после окончания Великой Отечественной войны бывший командир авиадивизии генерал-лейтенант С. Д. Прутков.

На счету у Василия Козенкова около двухсот боевых вылетов. Каждый из них — подвиг. Расскажем лишь об отдельных.

Первый свой боевой вылет совершил в начале ноября 1942 года. Немцы рвались к Волге, стараясь сбросить советские войска с узкой полосы сталинградской земли, тянущейся вдоль реки. В ночное время линию фронта пересекали ПО-2, «кукурузники», как их в шутку называли наши солдаты. Выходя в район объекта, летчики с небольшой высоты забрасывали бомбами огневые точки, балки, забытые боевой техникой врага. За мужество и отвагу, проявленные в ночных бомбардировках, Василий Козенков награждается орденом Красной Звезды. Восемнадцатилетнего комсомольца принимают в партию.

Наиболее памятное из событий следующего года — схватка одиннадцати советских самолетов с пятьюдесятью «юнкерсами» и восемью «мессершмиттами». Немецкие бомбардировщики так и не долетели до цели: многие из них были сбиты, остальные спаслись бегством. Василий сжег один «юнкерс».

Освобождение Крыма — одна из славных страниц Великой Отечественной войны. Гитлеровцы надеялись удержать за собой Севастополь. Сапун-гора, начиненная железобетонными укреплениями с сотнями орудий и пулеметов, рекламировалась ими как неприступная крепость.

Отбиты первые атаки советских наземных войск, полки залегли у самого подножия, несли потери. Тогда на

штурм вылетели эскадрилья авиаполка. Одну из них вел Василий Козенков. Ошеломленные дерзким и точным ударом советских штурмовиков, гитлеровцы не смогли остановить новую атаку нашей пехоты. Сапун-гора пала.

А штурмовики уже летели на мыс Херсонес, где находился вражеский аэродром. Бомбовый удар обрушен на гитлеровские машины, аэродром заволочло дымом пожара. Вокруг штурмовиков разрывы снарядов: ведут огонь зенитные батареи немцев. Загорелся самолет ведомого — Бориса Бучина. Летчик вынужден оставить машину. Козенков приказал эскадрилье лететь на свою базу, а сам на бреющем полете вокруг снижающегося парашютиста вел яростный огонь по пулеметным точкам врага, выручая боевого товарища. Бучин приземлился благополучно, скрылся в кустах. Спустя сутки он вернулся в свою часть.

Когда с крымской группировкой фашистских войск было покончено, летчикам авиаполка разрешили совершить «экскурсию» на мыс Херсонес. Славно «поработали» штурмовики: на аэродроме насчитали более сотни островов сожженных немецких самолетов.

Белорусский фронт. Не одну отступающую вражескую колонну расстреляла эскадрилья Василия. В июле под Борисовом четыре ИЛа Козенкова вступили в бой с шестью «мессершмиттами» и «фокке-вульфами». Три самолета противника были сбиты.

Восточная Пруссия. Бомбежка аэродрома в Меденау — уничтожено 37 самолетов противника. 23 марта 1945 года эскадрилья совершила удар еще по одному аэродрому. Разведка сообщила, что там сосредоточилось несколько штабов фашистских войск для эвакуации. Группа Козенкова разгромила около трех десятков грузовиков и легковых автомашин.

За образцовое выполнение заданий советского командования летчик Василий Козенков в годы войны был награжден четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды, Александра Невского, Отечественной войны I степени. А 19 апреля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР гвардии майору Василию Георгиевичу Козенкову посмертно присваивается звание Героя Советского Союза.

Советские люди никогда не забудут своих героев, от-

давших жизнь за свободу и независимость нашей Отчизны. Имя Героя Советского Союза Василия Козенкова помнят актюбинцы и волгоградцы, севастопольцы и минчане, жители Вильнюса и Калининграда.

Его именем названы улицы в Актюбинске, Вильнюсе и Калининграде.

На здании производственного корпуса завода «Электросварка», находящегося в Московском районе Калининграда, установлена мемориальная доска:

**Здесь 7 апреля 1945 года
погиб Герой Советского Союза
гвардии майор
Козенков Василий Георгиевич.
Жертвуя жизнью,
он направил горящий самолет
в скопление вражеской боевой техники.**

Рядом с мемориальной доской растет береза.

С 1970 года в строю большой морозильный траулер «Василий Козенков».

В. Ключкин

Герой Советского Союза
В. Ф. ЛАПШИН

НАВЕЧНО В СТРОЮ

В тот день, 8 апреля 1945 года, черное густое облако дыма пожарами с утра затихло небо над Кёнигсбергом. Влажный ветер Балтики гнал его над вершинами деревьев, островерхими черепичными крышами домов, как черным снегом, осыпал хлопьями сажки и пепла каски и плечи атакующих. А вверху все усиливался гул моторов самолетов с красными звездами на крыльях; впереди, а иногда совсем рядом ухали взрывы тяжелых бомб. Ни на минуту не утихал треск пулеметов и автоматов, раздавались ружейные выстрелы, скрежетали гусеницы танков и самоходок.

Бои в Кёнигсберге достигли наивысшего накала. Гитлеровцы старались во что бы то ни стало остановить натиск советских войск, вернуть утраченные позиции. Они вводили в бой новые силы и то тут, то там бросались в яростные контратаки. Но полки и дивизии, штурмующие прусскую твердыню, все плотнее сжимали кольцо окружения, рассекали линии обороны немцев, блокировали, а затем уничтожали очаги сопротивления.

Днем на острие одного из клиньев, глубоко врезавшихся в оборону гитлеровцев, оказался 336-й стрел-

ковый ордена Суворова полк, одним из взводов которого командовал лейтенант В. Ф. Лапшин.

Командир стрелкового взвода лейтенант Лапшин до рези в глазах всматривался в лежащий перед ним ландшафт: где-то там, за густо растущими вековыми деревьями зоопарка, должен быть мост. Совсем небольшой мостик. Но очень нужно было взять его целым и невредимым. Таков приказ командования. Да и сам Василий Лапшин хорошо это понимал: атаковать противника через ручей, с его высокими крутыми берегами, заросшими деревьями, значит понести дополнительные потери, расстаться с десятками, а может быть и сотнями боевых товарищей...

Да... задача. Не было в пору штурма Кёнигсберга легких задач. Но эта и тогда считалась сложной. Между деревьями смутно просматривался бруствер окопа, над которым то тут, то там вспыхивало пламя, и длинные пулеметные и автоматные очереди сливались со все нарастающим гулом боя за город, рой пуль пролетали над головами Василия и залегших в ожидании атаки бойцов его взвода.

«Нет, — решает Лапшин, — с ходу, в лоб, нам мост не взять: вон сколько стволов смотрит в нашу сторону». Посланная в разведку группа солдат поспешно отползла назад — плотный огонь гитлеровцев сразу прижал ее к земле.

А за спиной полк. Ротный в который уже раз спрашивает: когда возьмешь мост, очистишь дорогу для наступления? Вперед! Только вперед!

Слева и справа, среди легких строений зоопарка, вспыхивают короткие яростные схватки с засевшими в них фашистами. Бой идет за каждый вольтер, за каждое дерево. Но продвижение вперед приостановилось, батальоны ждут сигнала о взятии моста.

И Лапшин принимает решение. Его высокая плотная фигура в перекрещенной португеей офицерской шинели видна всем бойцам взвода. Стараясь перекричать шум кипящего вокруг боя, он отдал распоряжение, и две небольшие группы солдат с двух сторон устремляются к мосту. Укрывшись за деревьями, строениями, они обходят вражеские укрепления. Немцы не ожидали ударов с флангов. Не успев развернуть пулеметы, они оказались зажа-

тыми с двух сторон. В окопы летят гранаты. Перекрывая гул разрывов, треск автоматных очередей, слышится громкое «ура!». Вместе с солдатами взвода Лапшин в упор расстреливает обезумевших от страха гитлеровцев. Считанные минуты длилась схватка. Атака была настолько стремительной, удар настолько точен, что немцы не успели перебежать на другую сторону ручья, взорвать мост. Взвод понес немалые потери.

Если тебе, читатель, доведется побывать в Калининградском зоопарке, войдя в главные ворота и перейдя мост, задержись на минуту. Здесь установлена мемориальная плита из темно-серого гранита:

8 апреля 1945 года
Герой Советского Союза
лейтенант Лапшин
со своим стрелковым взводом
внезапным ударом с двух сторон
захватил мост в зоопарке,
уничтожив при этом 30
и взяв в плен 185 гитлеровцев.
Это решило исход боя за зоопарк.

В грохоте боя, при ослепительных вспышках рвущихся снарядов и мин прошла ночь. Наступило 9 апреля — день падения неприступной, как кричали на весь мир гитлеровцы, крепости. Но немало крови пролилось до того часа, как генерал Ляш отдал войскам приказ о капитуляции. Каждый дом был превращен в дот. Каждое окно, дверь ощерились стволами орудий и пулеметов. Один из таких домов встал на пути батальона, в состав которого входил взвод Лапшина. Потоки раскаленного металла хлестали по поредевшим цепям бойцов. На предложения сдаться фашисты отвечали огнем. И Лапшин решил взять дом штурмом. С четырьмя автоматчиками из своего взвода он обошел здание с тыла и через подвальное окно проник в него. По сигналу Лапшина остальная часть взвода бросилась на штурм, в то время как командир и четверо бойцов забросали гитлеровцев гранатами. Пятнадцать врагов нашли себе могилу в этом доме, остальные сдались в плен. Батальон продолжал наступление. До конца дня 9 апреля еще несколько схваток с врагом закончились победой смельчаков. Всего за время штурма Кёнигсберга взвод лейтенанта Лапшина уничто-

жил более семидесяти и взял в плен около шестисот солдат и офицеров противника.

Через день, 11 апреля, Лапшин писал в Ленинград жене Евдокии Алексеевне и дочери Евгении:

«Здравствуйте, дорогие супруга Дуся и дочь Женя. Прошу простить, что долго не писал. Сообщаю, что я жив и здоров. 10 апреля отдыхали. Кёнигсберг взяли. Мое подразделение осталось очень маленьким — некоторые погибли и ранены.

Взяли много пленных. Очень сопротивлялись — сидели на чердаках и в подвалах. Нам очень хорошо помогли наши артиллерия и авиация. Фашисты сдаются прямо табором.

Ну вот, пока и все. Идем дальше доколачивать группировку, которая там засела».

Это было последнее письмо, написанное домой героем. Через несколько дней, 15 апреля, лейтенант Василий Федорович Лапшин погиб при взятии Фишхаузена. При нем была обнаружена открытка с адресом, написанным рукой погибшего. Письмо дописал его товарищ по оружию. Евдокия Алексеевна показала эту открытку.

«Здравствуйте, незнакомая Евдокия Алексеевна. Привет с фронта от лейтенанта Хвана А. А. Вы извините меня. Кто вы будете Лапшину, я не знаю, но поскольку я у него нашел в сумке эту открытку с написанным его рукой адресом, то сообщая Вам, что лейтенант Лапшин, которому на днях присвоили звание Героя Советского Союза, и друг мой погиб 15 апреля 1945 года в 17 часов в одном из сражений с немецко-фашистскими захватчиками».

Великую Отечественную войну ленинградский рабочий коммунист Василий Лапшин встретил уже обстрелянным бойцом. 10 мая 1940 года Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин вручил солдату-связисту Лапшину медаль «За боевые заслуги». Эту первую правительственную награду Василий Федорович заслужил в боях с белофиннами на Карельском перешейке зимой 1939/40 года, где он проявил мужество и отвагу, солдатскую сметку и находчивость.

Очень гордился этой своей наградой Василий — скромный столяр одной из жилищно-эксплуатационных контор

Ленинграда. Родился и вырос он в большой крестьянской семье в деревне Починок Ярославской области. Два брата и пять сестер росли вместе с Василием под родной отцовской крышей. Отец, известный в Даниловском районе плотник, Федор Лапшин, рано научил Васю держать в руках топор и рубанок. А в 1926 году переехал в Ленинград к старшему брату Павлу, где и устроился столяром.

— Много лет назад получили мы с ним эту комнату, и многое здесь было сделано руками Василия Федоровича. Любил он мастерить...

Евдокия Алексеевна рассказывает, а я невольно смотрю на дверь. Дважды закрывалась она за солдатом, уходившим на войну. С первой он вернулся молодым и возмужавшим. Со второй не суждено было вернуться. Правда, в феврале 1945-го, после госпиталя, заглянул на несколько часов по пути на фронт, да это не в счет.

А вскоре из райвоенкомата пришло извещение: Герой Советского Союза лейтенант Василий Федорович Лапшин погиб смертью храбрых под городом Фипсхаузен в Восточной Пруссии.

Его боевые друзья-однополчане писали:

«Ваш муж Василий служил в нашей части недолго, но его имя навсегда останется в боевой истории полка.

Командуя подразделением стрелков, Василий Лапшин вложил много труда и сил, чтобы обучить и воспитать своих бойцов, подготовить их к штурму фашистской твердыни в Восточной Пруссии — города и крепости Кёнигсберг. Уже в это время он получил благодарность от командира полка за образцовую постановку воспитательной работы. Три раза за высокую боеготовность подразделения он получал благодарность от командования дивизии.

Самоотверженная работа лейтенанта Лапшина дала свои результаты в бою за Кёнигсберг. Его подразделение показало образец мужества и отваги. О том, как бился с врагом лично Василий, рассказывала наша дивизионная газета.

Вы, конечно, знаете, что Указом Президиума Верховного Совета СССР Василию Федоровичу Лапшину присвоено звание Героя Советского Союза.

Выполняя очередной боевой приказ, полк, после овладения Кёнигсбергом, принял участие в борьбе за

окончательное очищение от врага Земландского полуострова. И вот здесь, на подступах к городу Фишхаузен, нас постигло горе. Вражеская пуля насмерть сразила нашего славного боевого товарища.

...Земландский полуостров очищен. Под ударами воинов нашего полка враг был разгромлен под городом Фишхаузен. Тысячи автомашин, сотни орудий, десятки танков стали нашими трофеями. Сотнями убитых фашистов и тысячами пленных заплатили гитлеровцы за смерть Василия Лапшина».

Память о погибших героях жива и вечна, как дело, за которое они отдали свои жизни. С 1968 года бороздит океанские просторы, ловит рыбу в составе Калининградской флотилии средний рыболовный траулер-морозильщик «Василий Лапшин».

В поселке Взморье Гурьевского района, куда несколько лет назад на братское кладбище перенесены останки Героя Советского Союза В. Ф. Лапшина, его именем названа одна из улиц, с гордостью носит имя героя пионерская дружина местной школы.

В. Тестов

БЕССМЕРТИЕ

Герой Советского Союза
П. И. ЛИЗЮКОВ

В салоне рыболовного траулера-морозильщика «Петр Лизюков» проходило собрание экипажа. Капитан-директор судна, его помощники говорили об итогах промыслового рейса, моряки рассказывали о выполнении индивидуальных обязательств, о результатах борьбы за высокое звание ударника коммунистического труда.

Проведение таких собраний во время перехода судна из района промысла в порт приписки стало для экипажа традицией. Где бы ни находился траулер: у туманного Ньюфаундленда или в Северном море, у берегов Африки или братской Кубы—Петр Лизюков всегда вместе с моряками, его подвиг во имя жизни и счастья советских людей вдохновляет их на самоотверженный труд. Вдохновляет и обязывает.

Кто же он, Петр Лизюков?

Мелкий и частый осенний дождь шел неделю подряд. Широкая Троицкая, на которой жила семья Ильи Устиновича Лизюкова, преподавателя одной из школ Гомеля, покрылась лужами. Но вот наконец в ночь ударил мороз, а под утро повалил снег.

По Троицкой шли группы празднично одетых людей,

несли транспаранты. На одном из них мальчик прочитал: «Да здравствует социалистическая революция!»

Не раз вспоминал это утро 1917 года кадровый командир Красной Армии Петр Ильич Лизюков. На всю жизнь остались в памяти и слова отца: «Радуйся, Петр, начинается новая, светлая жизнь!»

Правда, девятилетний мальчик понял тогда это по-своему: приедут из Могилева старшие братья Женья и Саша, где они после смерти матери Марии Григорьевны воспитывались у дяди Афанасия Устиновича и его жены Варвары Терентьевны.

Но братья не приезжали. Уже в деревне Нисимковичи Чечерского района Гомельской области, куда Советская власть направила Илью Устиновича директором школы, Петя узнал, что где-то идет гражданская война и Женья командует отрядом красных конников, а Саша на бронепоезде громит войска Деникина.

— Когда же начнется новая жизнь? — донимал Петя отца. — Когда приедут Женья и Саша?

— Новую жизнь, Петр, не только надо завоевать, но и отстоять от врагов, — отвечал сыну Илья Устинович. — Вот разобьет Красная Армия беляков, тогда и приедут братья.

И Петя дождался. Случилось так, что в Нисимковичи братья приехали вместе. Двух командиров Красной Армии встречало все село. Для него же этот день был настоящим праздником. Ведь братья добровольцами пошли воевать, защищать молодую Советскую республику, а после окончания гражданской войны поступили учиться в военную академию. Затем Евгений Ильич командовал стрелковым подразделением, а Александр Ильич преподавал в Ленинградском артиллерийском училище. Теперь можно показать братьям табель, в котором отличные оценки по всем предметам. А главное — поделиться заветной мечтой: он тоже решил стать командиром Красной Армии.

За восемнадцать километров ходил Петр Лизюков в Чечерскую школу второй ступени. Учебка давалась легко, но он хотел знать больше, чем предусматривалось учебной программой, поэтому нередко можно было видеть его то в районной библиотеке за книгами и журналами, то в избе-читальне в Нисимковичах. Здесь комсомолец Лизюков проводил беседы с жителями села, учил неграмотных читать и писать.

Окончив с отличием школу, Петр едет в Ленинград, чтобы поступить в артиллерийское училище.

Трогательной и в то же время необычной была встреча братьев. Александр Ильич взял Петра за плечи, крепко встряхнул, но тот стоял на ногах твердо. Сели, поставили локти на стол.

— Да не мучай ты его, Саша,— подошла к мужу Анастасия Кузьминична. — Он же только с дороги.

— А вот посмотрим, как готовил себя младший брат в красные командиры.

— Да уж готовил, — сказал Петр, едва удерживая руку Александра Ильича в своей и стараясь свалить ее.

— На равных, — выдохнул Александр Ильич. И в это время его тяжелая рука оказалась прижатой к скатерти. — Ах ты... Перехитрил брата.

И вот Петр Лизюков курсант. Товарищей по училищу удивляли его настойчивость, усидчивость, способность быстро и правильно решать тактические задачи. При разборе операций гражданской войны он зачастую предлагал оригинальные решения. Много времени уделял курсант изучению боевой техники. «Тяжело в учении — легко в бою», — ни на минуту не забывал он слова великого полководца Суворова.

Успешно закончив училище, Петр Ильич прибыл в войсковую часть для прохождения службы. Подразделение Лизюкова считалось лучшим в полку. Вскоре о Петре Ильиче заговорили как о талантливом командире-воспитателе. За образцовую подготовку защитников Родины в 1936 году он был награжден орденом «Знак Почета». В этом же году Петр Ильич был принят в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

Августовское солнце катилось к горизонту. По понтонному мосту спешно отходили за Дон наши части. Полк истребительно-противотанковой артиллерии майора Лизюкова прикрывал их от наседавших танков гитлеровцев. Когда переправился последний отряд, артиллеристы отошли на левый берег реки, взорвали мост и заняли оборону в составе стрелковых подразделений.

И тут случилось непредвиденное: на соседнем участке слева немцы форсировали Дон, вклинились в нашу оборону. Не сдержал натиска озверевших гитлеровцев и сосед справа. Над полком нависла угроза окружения. На рассвете из штаба корпуса пришел приказ: иптаповцам

(так коротко называли бойцов истребительно-противотанковой артиллерии) отойти к населенному пункту Ильевка.

На Ильевку шли две дороги. Командир полка выбрал ту, что ближе к прорвавшимся гитлеровцам. Расчет был прост: прикрыть с фланга отходящие части и не дать врагу замкнуть кольцо окружения.

В середине дня Петр Ильич увидел в бинокль полосы белой пыли. Они тянулись к невысокому холму, господствующему над равнинной местностью. Сомнения не было: немецкие танки хотят отрезать артиллеристов от пехоты. Командир полка быстро оценил обстановку: надо опередить врага, занять выгодный рубеж на гряде холмов, оттуда можно будет расстреливать фашистские танки в упор.

— Успеем ли? — усомнился командир первой батареи. — До холма километра четыре, а танки идут туда полным ходом.

— Обязательно надо успеть, — ответил Петр Ильич. — Объясните артиллеристам задачу, они поймут...

Всего на несколько минут раньше гитлеровцев оказались артиллеристы на холме, но успели развернуть орудия и открыть беглый огонь по фашистским танкам. Первые снаряды подожгли четыре машины, остальные расползлись по полю, охватывая холм с трех сторон. Одна из стальных громадин с черными крестами бросилась на батарею, где находился командир полка.

— Огонь! — скомандовал Петр Ильич. Орудие подпрыгнуло, откатилось. Танк остановился. Из него выскочили гитлеровцы. Взрыв гранаты разметал их. На отважных артиллеристов немцы бросили бронетранспортеры с автоматчиками. В разгар боя подоспела наша стрелковая часть. Гитлеровцы отступили, оставив на поле боя двенадцать танков, три бронетранспортера, десятки солдат и офицеров.

За личное бесстрашие и умелое руководство в боях полком истребительно-противотанковой артиллерии правительство наградило Петра Ильича орденом Красного Знамени. Вскоре он был повышен в звании и назначен командиром бригады, которая формировалась недалеко от Москвы.

Нелегко было Петру Ильичу расставаться с боевыми товарищами. С ними вместе он переживал и горечь от-

ступления, и радость побед в сражениях. Провожать своего «батю» пришли командиры батарей, артиллеристы. Они подарили ему на память трубку прицела от разбитого орудия, из которого командир полка сам подбил тяжелый немецкий танк.

— Спасибо, друзья, — поблагодарил их Петр Ильич, принимая подарок. — Буду беречь эту трубку как память о вас. Берегите и вы боевой дух полка, приумножайте его ратные дела.

Напряженной работой были заполнены дни Петра Ильича в учебном артиллерийском лагере. Он постоянно заботился о том, чтобы командиры со знанием дела обучали молодых воинов метко стрелять, поражать цель с первого выстрела, рыть окопы, маскироваться, стойко преодолевать трудности военной жизни. Настойчиво добивался от личного состава расчетов, взводов, батарей высокого воинского мастерства, четких, слаженных действий.

Бойцы-артиллеристы между собой и здесь стали называть Петра Ильича «наш батя». Часто задавали они ему один и тот же вопрос: скоро ли на фронт?

Петру Ильичу и самому хотелось побыстрее подготовить бригаду к предстоящим сражениям. С гитлеровцами у него были свои счеты: отомстить за смерть братьев. Уже здесь, в артиллерийском лагере, узнал он, что погиб Евгений Ильич, командир стрелкового полка, а под Воронежем, у Великих Вереек, сложил голову Герой Советского Союза Александр Ильич, генерал-майор, командующий танковой армией. Петр Ильич писал жене Янине Владимировне:

«Жгучая ненависть к фашистам переполнила мое сердце. Нет Жени, нет Саши... Не могу поверить, что они погибли. Но это так. Их больше нет. Жду не дождусь того дня, когда поведу свою бригаду в бой...»

В начале июня 1944 года истребительно-противотанковая бригада полковника Лизюкова выгрузилась на станции Левашово и заняла исходные позиции на Карельском перешейке, северо-западнее Ленинграда.

В ночь на 10 июня после артиллерийской и авиационной подготовки войска Ленинградского фронта пошли на штурм сильно укрепленных позиций врага. Батареи бригады Лизюкова прямой наводкой крушили вражеские

укрепления. Когда в образовавшиеся проломы ринулись наши танки, следом за ними двинулись иптаповцы.

День и ночь шли кровопролитные бои. Наши войска взломали все три обороны гитлеровцев, и алое советское знамя взвилось над Выборгом.

Петр Ильич писал двоюродной сестре в недавно освобожденный Гомель:

«Лидуся, получил твое письмо. Первое за столько лет. Сейчас в затишье между боями спешу ответить. У меня большая солдатская радость: бригаде присвоено наименование «Ленинградская»... Я до последнего дыхания буду мстить за Родину, за Женю и Сашу, за всех вас. После победы обязательно приеду в Гомель с женой и дочками. Их у меня две, но я почти не видел их из-за проклятой войны...»

О мужестве, храбрости Петра Ильича знала вся бригада. Не раз он был ранен, контужен, но поля боя не покидал. К орденам «Знак Почета» и Красного Знамени прибавились еще ордена Красной Звезды, Красного Знамени, Кутузова II степени, Отечественной войны I степени, медали.

Истребительно-противотанковая бригада полковника Лизюкова в ноябре 1944 года влилась в войска 3-го Белорусского фронта, которые вели бои в Восточной Пруссии.

Действуя в составе 11-й гвардейской армии, иптаповцы поражали вражеские танки, громили форты, расчищая путь боевым порядкам пехоты. Петр Ильич, как всегда, находился в гуще боя. Разгромив тильзитскую группировку противника, наши войска стали развивать наступление на Кёнигсберг.

Уничтожив 39 немецких танков, 15 бронетранспортеров, десятки долговременных огневых точек, 29 января 1945 года Петр Ильич вывел свою бригаду к заливу Фришес-Хафф. Петр Ильич писал сестре:

«Сейчас я нахожусь в логове фашистского зверя. Лидуся, недалек тот день, когда мы соберемся все вместе и поднимем бокалы за победу, за счастливое будущее нашей Родины!»

Да, победа близка. Но гитлеровцы яростно сопротивляются, предпринимают одну попытку за другой прорвать

кольцо окружения. 30 января на узком участке Вальдбург — Вальдпотен они вводят в бои около сорока тяжелых танков, теснят нашу пехоту и наталкиваются на артиллеристов Лизюкова.

Стальная лавина, ревя моторами, медленно приближалась. «Тигры» и «пантеры», взрывая гусеницами перемешанный с землей снег, шли на смельчаков. Но Петр Ильич знал своих артиллеристов, верил в их мужество и отвагу, потому был спокоен.

Танки близко... Отчетливо видны смертоносные зрачки их пушек... Почему нет приказа открыть огонь? Почему молчит командир бригады? Танки все ближе, ближе... И в это время на батареях услышали короткое и долгожданное: «Огонь!»

По всему полю чадят черным дымом стальные громадины, гремит железо, режут моторы. Иптаповцы в упор расстреливали танки противника. Но и артиллеристы несли потери. Упал раненый наводчик Котенко, поражавший цель с первого выстрела. Выпустил свой последний снаряд по «тигру» Володя Николаев...

И тут иптаповцы увидели командира бригады, услышали его твердый голос: «По немецко-фашистским захватчикам — огонь!»

Превозмогая боль, встал на ноги Котенко, загнал снаряд в патронник комсорг бригады Петропавловский, замерли на миг у прицелов наводчики. И грянул залп!

— Огонь!

И еще залп, залп, залп...

Контратака гитлеровцев захлебнулась, уцелевшие танки попятились.

— Огонь! — скомандовал Петр Ильич и вдруг схватился за грудь... Рядом с ним разорвался вражеский снаряд.

Много лет минуло с тех пор, но каждый раз, когда в Н-ской воинской части идет проверка личного состава, первым вызывается полковник Лизюков. И правофланговый офицер части четко отвечает:

— Герой Советского Союза гвардии полковник Петр Ильич Лизюков пал смертью храбрых в бою с немецко-фашистскими захватчиками за свободу и независимость нашей Родины!

Благодарные жители Гомеля не забывают своих земля-

ков, героев Евгения Ильича, Александра Ильича и Петра Ильича Лизюковых. В новом микрорайоне города они назвали одну из центральных улиц именем братьев Лизюковых.

Навечно остался в строю и в памяти народной Петр Ильич Лизюков, верный сын Родины и мужественный ее защитник!

К. Борисова

Герой Советского Союза
А. И. ЛОПАТИН

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

День выдался пасмурным и дождливым. Но в сердцах участников парада, миллионов москвичей и всех советских людей, прильнувших к радиорепродукторам, было светло и радостно.

Родина чествовала героев Великой Отечественной войны.

Десять сводных полков представляли на Красной площади десять действующих фронтов и Военно-Морские Силы. Сводный полк 1-го Прибалтийского фронта, состоящий из тысячи героев, богатырей земли советской, провел мимо Мавзолея Герой Советского Союза гвардии генерал-лейтенант Антон Иванович Лопатин. Высокий, стройный, со сверкающими на груди Золотой Звездой, орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Кутузова I степени, генерал четко печатал шаг по брусчатке, не скрывая гордости. Что может быть выше доверия представлять на этой исторической площади не только товарищей по оружию, но и тех, кто не дошел до светлого Дня Победы, кто остался на рубежах последней атаки, кто уже не мог увидеть, как брошены к подножию Мавзолея ненавистные, опутанные паучьей сва-

стикой, некогда хваленые знамена фашистских полков и дивизий.

О многом мог вспомнить генерал-лейтенант Антон Иванович Лопатин. О лихих конногвардейских атаках в составе легендарной Первой Конной, сабельных схватках с вышколенными офицерами из битых добровольческих корпусов белобандитов Мамонтова и Шкуро, об ожесточенных сражениях с конницей генерала Врангеля в степях Таврии, героическом штурме Перекопа. А затем о годах упорной военной учебы и службы, освободительном походе в Западную Белоруссию.

Вероломное нападение немецко-фашистских захватчиков застало Лопатина на Юго-Западном направлении. Он командовал корпусом, который с первых дней войны вступил в бой с превосходящими силами врага. Многое пришлось испытать, пережить: крупную неудачу под Киевом; первую, пусть не совсем решающую, победу, когда командовал 37-й армией под Ростовом; горечь отступления по знойным донским степям к Сталинграду; блистательный успех под Витебском; цепь решающих побед в боях на полях Белоруссии и Литвы и окончательный разгром врага в Кёнигсберге и на Земландском полуострове.

На этом трудном боевом пути генерал сохранял в любой, самой трудной обстановке хладнокровие и уверенность, он стремился бить врага главным образом за счет умелого маневрирования, находчивости, разумного, тонкого тактического мышления, практического применения всех преимуществ советской военной школы.

Еще в годы Великой Отечественной войны приходилось не раз слышать добрые отзывы о генерале А. И. Лопатине, о его личной храбрости, сердечности, умении на равных, с подкупающей искренностью поговорить с бойцами, командирами, приободрить их в трудную минуту.

В шеститомнике «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 годов», в многочисленных мемуарах видных советских военачальников, маршалов Советского Союза по достоинству отмечаются военный талант, высокое самообладание генерала А. И. Лопатина. И эти свидетельства особенно дороги, ценны потому, что они даны в результате длительных раздумий, тщательного анализа конкретной обстановки, сложившейся при проведении каждой операции.

В сентябре 1941 года под Киевом армия, в том числе корпус А. И. Лопатина, оказалась в полном кольце вражеского окружения. Никакой связи со штабом армии и фронта. Командующий фронтом и многие генералы и офицеры погибли. В этот момент генерал проявил решительность, высокое самообладание. Смелым маневром он ввел в заблуждение противника, с выгодных позиций атаковал фашистов и с частью сил корпуса вырвался из окружения.

Умело действовал генерал Лопатин и тогда, когда командовал в трудном оборонительном периоде Сталинградского сражения. Армия отступала под натиском превосходящих сил противника, нанося короткие, но ощутимые контрудары и сохраняя высокую боеспособность. Нельзя в этой связи не привести свидетельство бывшего командующего Сталинградским фронтом Маршала Советского Союза А. И. Еременко:

«В этот сложный и тяжелый период боевых действий под Сталинградом выбыл командующий 62-й армией генерал Лопатин. Тов. Лопатин в этой должности под Сталинградом провел почти полтора месяца самых напряженных боев. И если сейчас мы славим воинов 62-й армии, ее бойцов, офицеров и генералов, то нельзя забывать и товарища Лопатина, его заслуги несомненны».

А вот другое свидетельство:

«Он сделал все, что от него требовал воинский долг, и даже больше, поскольку хорошо известно, что враг действовал в численном превосходстве против войск А. И. Лопатина. И все же А. И. Лопатин предусмотрительно сохранил 62-ю армию для борьбы с противником в условиях города, где впоследствии враг был истощен и затем уничтожен».

Эти строки написал в своих воспоминаниях бывший заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Моя первая и единственная встреча с Антоном Ивановичем Лопатиным состоялась в 1963 году на его квартире в Москве на Гончарной набережной. Именно таким я и представлял генерала. Спокойный, подтянутый. Говорит медленно, обдумывая каждую фразу. Крупные черты

его лица в ходе разговора почти не изменяются, и только пытливые, несколько настороженные глаза выдают напряженную работу мысли. Держится он просто, естественно, располагаяще, будто знает уже давно своего собеседника.

Разговор, конечно, идет о днях героического штурма Кёнигсберга, об участии 13-го гвардейского корпуса в разгроме земландской группировки противника. Корпус генерала Лопатина действовал в дни штурма на решающем направлении, первым ворвался в городские кварталы и соединился с наступающими с юга частями 11-й гвардейской армии. Этим и была предрешена судьба фашистского гарнизона Кёнигсберга.

О себе генерал рассказывает мало, скупно, деликатно переводит беседу на действия своих подчиненных, на их мужество, героизм в ходе штурма бывшей прусской крепости. Он хорошо помнит о бессмертном подвиге Тулена Кабилова, о беспримерной храбрости разведчика Ивана Мишина, сапера Ивана Федосова, героизме Юрия Костикова и Владимира Дровника. Только за подвиги при штурме Кёнигсберга девятнадцати воинам корпуса было присвоено звание Героя Советского Союза.

При разгроме земландской группировки корпус уничтожил до девяти тысяч фашистов, взял в плен около шести тысяч. За умелое руководство действиями соединений и личную храбрость Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года высокого звания Героя Советского Союза был удостоен и А. И. Лопатин.

Генерал не только считал своей обязанностью заботу о вверенных ему Родиной бойцах и командирах, но и требовал этого от начальников всех степеней. В первый день штурма, после мощной артиллерийской подготовки, наши штурмовые отряды преодолели первые две траншеи, блокировали форт № 5-а. Командир 262-го гвардейского стрелкового полка майор Артыщук направил к коменданту форта двух немецких военнопленных с ультиматумом о немедленной сдаче. Комендант хитрил, тянул время.

— Придется атаковать, — запросил командир дивизии генерал Тымчик Лопатина.

— Форт можно взять без лишних жертв. Война к концу идет, каждый боец дорог.

— Но этот фашистский комендант каких-то гарантий требует.

— А вы на его психику нажмите. Помните, как еще в январе слишком ретивый комендант форта № 9 вместе с гарнизоном в воздух взлетел. Попробуйте имитировать подготовку к взрыву. Припугните.

Военная хитрость удалась. Узнав через парламентариев о решении русских подорвать форт вместе с гарнизоном, комендант выбросил белый флаг.

9 апреля 1965 года, в день двадцатой годовщины окончания штурма Кёнигсберга, гвардии генерал-лейтенанта А. И. Лопатина не стало. Память о пламенном патриоте, прошедшем большой и славный путь борьбы и побед, продолжает жить в сердцах благодарных потомков.

В филиале Калининградского краеведческого музея, который открыт в помещении совхоза «Перелесский», экспонируются многочисленные фотографии и документы, рассказывающие о боевых делах генерала, коммуниста.

В поселке Взморье одна из улиц названа именем Антона Ивановича Лопатина.

В ноябре 1969 года Калининградская рыболовная флотилия пополнилась новым большим морозильным траулером «Антон Лопатин». Это очень символично, что к траулерам, носящим имена героев из 13-го гвардейского корпуса, — БМРТ «Юрий Костиков», РТМ «Тулен Кабилов», СРТМ «Семен Волков» — присоединился БМРТ «Антон Лопатин».

Вдова генерала Зинаида Александровна, преподаватель одного из московских вузов, узнав о выходе БМРТ «Антон Лопатин» в море, написала калининградским рыбакам:

«Приношу душевную благодарность за светлую, патриотическую память об Антоне Ивановиче. Увековечивая память героев Великой Отечественной войны, вы, дорогие товарищи, воспитываете миллионы нашей молодежи в духе патриотизма и любви к своей Родине. Примите мои искренние, наилучшие пожелания».

А. Петрикин

Герой Советского Союза
Ю. Н. МАЛАХОВ

«ЧТОБЫ, УМИРАЯ, ВОПЛОТИТЬСЯ...»

В эту весну 1941 года никто из нас не думал о войне: ни мы, учителя Акмолинской средней школы имени Кирова нынешней Целиноградской области, ни они, наши шумные непоседливые воспитанники. Каждое утро в класс вместе с другими ребятами приходил подросток Юра Малахов. Среди его учителей был преподаватель военного дела Алексей Васильевич Петров. Учитель и ученик. Никто не знал тогда, что вскоре они оба станут Героями Советского Союза.

Я, в то время преподаватель рисования и черчения, тоже не думал, что затянет меня война в свой круговорот и я окажусь под Сталинградом рядовым 78-го отдельного саперного батальона 29-й стрелковой дивизии.

Мы ушли на фронт из одной школы, но в разное время. Воевали на разных фронтах. Юрий Малахов и Алексей Петров с поля боя не вернулись...

А мне снова пришлось увидеть родной город, школу имени Кирова, многих своих друзей и товарищей по учительской работе.

Теперь, проходя по улицам имени героев Юрия Малахова, Алексея Петрова, бывая во Дворце пионеров,

которому присвоено имя Юрия Малахова, присутствуя на пионерских сборах, посвященных Великой Отечественной войне, или видя возле хорошо знакомого школьного крыльца мемориальную доску с надписью: «В этой школе с 1933 года по 1943 год учился Герой Советского Союза Юрий Малахов», — я не могу не вспомнить людей, имена которых стали олицетворением высоких понятий о долге и мужестве.

Каждый, отдавший жизнь в бою за Родину, достоин славы. В торжественном молчании склоняем перед ними обнаженные головы. Чем больше проходит времени, тем для нас они становятся дороже. Для меня Юра Малахов не только герой, но и далекий милый ответ моей молодости. Я был хорошо знаком с его матерью Эмилией Антоновной Малаховой. Одно время мы вместе с ней работали: она была фотографом при Акмолинском историко-краеведческом музее, я — по совместительству — его научным сотрудником.

Юра частенько забегал в фотографию — запыхавшийся, возбужденный. Эмилия Антоновна ворчала, что он совсем не думает о своем здоровье, не бережет себя.

Как всякая мать, она явно стучала краски. Юра был довольно рослым и крепким малым. Он гонял с друзьями на школьном дворе футбольный мяч, занимался спортом, сдавал нормы на значок ГТО, тренировался в стрельбе из малокалиберной винтовки, был вынослив и трудолюбив.

И совсем не случайно, видимо, был он на лучшем счету у военрука Алексея Васильевича Петрова, кадрового командира Красной Армии, участника боев у озера Хасан, на Халхин-Голе и при прорыве линии Маннергейма в Финляндии.

— Военное дело — это, прежде всего, железная дисциплина! — эти слова часто повторял Алексей Васильевич.

В июне сорок первого неожиданно в мирную жизнь людей ворвалась война. Родина в опасности! И все, кто способен был владеть оружием, шли биться с врагом, защищать страну. В марте 1943 года Юрий Малахов был зачислен в танковое училище, а вскоре от младшего лейтенанта Малахова полетело письмо на родину.

«Папа! Командую танковым взводом, мне вверили три дорогостоящие машины и людей, у которых есть

родные и которых я обязан вести в бой. Мне только 19 лет, и мне, еще мальчишке, нелегко руководить этой техникой и людьми. Приходится много работать над собой, не остается времени даже на письма».

Но письма писал он часто, в них делился всем: сомнениями, неудачами, первыми успехами. И в письмах этих раскрывал себя, свой душевный мир — мир отзывчивого, внимательного человека, любящего сына, стойкого патриота и храброго солдата.

От родителей Юрий не скрывал ничего. Как-то после атаки он сообщил, что ранен и чудом вырвался из фашистской ловушки.

«Как я остался в живых? Ответить не могу. Если можно так сказать: счастье, судьба. Как мне удалось выйти из окружения? Я хотел жить, со мной были раненые товарищи, которых я был обязан спасти».

Его танковый взвод одним из первых ворвался в Минск. Юрий и об этом написал отцу с матерью:

«Никогда не забыть мне, как нас встречали в Минске. Жители забрасывали цветами».

В другом письме, будто бы между прочим, он обмолвился:

«В командировку или отпуск — не ждите: на фронт я приехал воевать, а не гулять».

19 октября 1944 года в Восточной Пруссии взвод Юрия Малахова, атаковав противника, вклинился в его расположение, стал давить гусеницами пулеметные гнезда, подбил несколько танков. Скрытая в глубине обороны, вражеская артиллерийская батарея открыла огонь прямой наводкой. Танк Юрия загорелся. Но смелый воин не испугался смерти, он думал о других. Прикрывая товарищей, передав им по радиации прощальные слова, он круто развернул пылающую машину и повел ее прямо на вражескую батарею...

После боя, в знак глубокого уважения и любви к своему погибшему командиру, танкисты на башне одной из машин крупно написали белой краской: «ЮРИЙ МАЛАХОВ». Они не считали его мертвым. Он по-прежнему оставался в строю, вместе с ними громил врага.

Спустя некоторое время мать Юрия получила письмо от М. И. Калинина.

«Уважаемая Эмилия Антоновна! За героический подвиг, совершенный Вашим сыном Ю. Н. Малаховым в борьбе с фашистскими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР Указом от 24 марта 1945 года присвоил ему высшую награду — звание Героя Советского Союза».

Вот и вся история очень короткой жизни Юрия Николаевича Малахова.

Давно миновали события Великой Отечественной войны. А память о героях свежа. Их имена живут в названиях улиц, площадей, парков, теплоходов.

Недавно я узнал, что имя Юрия Малахова носит рыболовный траулер Калининградского производственного управления рыбной промышленности. Это красивое современное судно, оснащенное по последнему слову техники. Ему не страшны ни пространства, ни штормы. Я отчетливо представляю, как, рассекая волны, сверкая на солнце ослепительной белизной, плывет оно под голубым небом. И мне приходят на ум слова поэта, сказанные десятки лет назад, но не утратившие мудрого смысла:

...Чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела.

А. Дубицкий

Герой Советского Союза
З. МУСТАКИМОВ

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Солнце и снег делают ослепительно праздничной деревеньку, дома с кружевными наличниками и елочными игрушками в окнах...

Ясная, светлая картина мира. Но беззвучно гремит набат памяти. Трижды встречаем в этом маленьком селении его имя, его короткую, в двадцать лет, жизнь: на мемориальной доске дома — «Здесь родился Герой Советского Союза Зайнулла Мустакимов», школы — «Здесь учился Герой Советского Союза Зайнулла Мустакимов», и в центре улицы на обелиске среди имен ста шестидесяти жителей, погибших на фронте Великой Отечественной.

В «красном» углу его дома самодельная рамка из старой обложки «Огонька». На зеленом, пронизанном лучами солнца поле буйствуют маки. Красные-красные с резкой черной полосой у стебля. В середине, в квадрате, портрет Героя Советского Союза Зайнуллы Мустакимова. Нежный юношеский овал лица, ямочка на подбородке, резкая линия рта и взгляд темных глаз — пристальный, вдумчивый, внимательный, прямой.

В этом ярком обрамлении будто застыли оборвав-

шаяся в самом расцвете жизнь, неизбывное горе и солнце...

Портреты Гая Головенского, Шота Гамцемлидзе, Шурь Тхоржевского...

Что-то общее есть у них. Должно быть, война, обнажая богатый духовный мир человеческих чувств, проявляла более рельефно и зримо основные качества людей — бесстрашие, самоотверженность, целеустремленность.

Мы пройдем простой и короткой дорогой Зайнуллы и встретимся с теми, кто дал ему жизнь, кто выучил его, кто воевал до последнего рядом с ним.

Мустакима Сахибгиреева (прежде в татарской деревне имя отца становилось фамилией сына) хорошо знали окрест. Редкостным трудолюбием и кротостью известен был человек. Почти сто колодцев вырыл он по деревне, а без колодца и дом не жильё.

И мальчонка бегал за отцом, перенимая его сноровистость, любовь к делу. Зайнулла еще дошкольником кормил скот, плел лапти, помогал на поле.

Прослеживая путь Зайнуллы, отмечаешь про себя, что человеку дает земля не только хлеб, но и умение работать, и терпимость, и силу.

— Зайнулла по истории, географии у меня первым учеником был. Книжки про войну любил читать, о героях готов был часами слушать... — говорит Шайсултан Файзуллоевич Файзуллин, учитель.

— Знаете, не потому, что погиб героем, говорим о нем так. На его жизни действительно нет ни пятнышка, — добавляет первая учительница Зайнуллы Зайтуна Гатимтуллиевна Гатинатуллина. — Серьезный мальчик был, послушный, ласковый.

Те, которые работали рядом с ним, помнят, как, будучи еще подростком, а затем юношей, Зайнулла трудился наравне со взрослыми. После седьмого класса он стал учетчиком в колхозе, а шестнадцати лет — бригадиром.

Чтобы справляться с такими обязанностями, мало трудолюбия. Тут нужны и рассудительность, и опытность, а порой и стариковская мудрость.

Назначили его бригадиром односельчане и не пожалели. Хорошо работал. Да недолго: началась война.

Еще на подготовительных курсах, до отъезда в действующую армию, он получает нагрудный знак «Отличный артиллерист».

А потом фронтовые будни. Противоестественно, алогично звучит это мирное, чуть скучноватое слово «будни». И все-таки это были будни. Потому что на фронте, кроме постоянной угрозы жизни, был повседневный тяжелый труд: многокилометровые марши, пудовые комья земли на ботинках, промозглая сырость, обледеневшие шинели.

Шли дни, недели, месяцы, годы войны.

Зайнулла был ранен в сорок втором, когда пришел на фронт. Даже медсестры прифронтового госпиталя, уже немало повидавшие за время войны, удивлялись его терпению. Врач, выписывая его, сказал на прощанье: «Ну, теперь уж, брат, довоюешь до победы».

Родным о ранении Зайнулла не сообщил. Он вообще был немногословен. И, как говорил Федор Комаров, командир орудия, о своем наводчике, — это был надежный человек.

Наводчик в расчете орудия — должность особая. Ему в любых, самых острых ситуациях надо проявлять железную выдержку, дабы не упустить цель. «Отличительная черта — хладнокровие», — сказал о Зайнулле сержант Завалишин.

Зайнулла любили его фронтовые друзья за трудолюбие, которым он заражал всех. Он ничего не делал впосиленку.

Лучшим наводчиком называет его командир 536-го истребительного противотанкового артиллерийского полка И. Г. Борисенко.

Не раз, казалось, небо падало на расчет и земля вставала дыбом, а Зайнулла и в такой ситуации мог спокойно подкручивать маховики наводки, нажимать на кнопку спуска. И всегда снаряд, посланный им, летел только в цель.

Об одном из таких дней рассказывает наградной лист.

«18 августа 1944 года орудие рядового Мустакимова было поставлено на участок, где немцы сосредоточили до 50 танков и батальон автоматчиков, готовившихся прорвать оборону и ударом с юго-запада овладеть городом Шяуляй.»

Предстоял тяжелый бой. Мустакимов поставил задачу: любой ценой не пропустить гитлеровцев.

В 16.00 до 20 танков и рота автоматчиков перешли в наступление.

Уверенность, преданность Родине победили страх.

Выждав удобный момент и подпустив танки и пехоту на 300 метров, Мустакимов открыл по ним губительный огонь.

В течение первых 15 минут Мустакимов поджег пять тяжелых танков. В 50 метрах от орудия валялись трупы автоматчиков, уничтоженных автоматным и пулеметным огнем расчета.

Враг, не считаясь с потерями, лез вперед.

Бой длился до вечера. Потеряв еще пять танков и до двух взводов автоматчиков, уничтоженных нашим огнем, немцы бежали, не решаясь предпринимать новые атаки на этом участке.

Десять тяжелых танков стояли неподвижно на поле боя и до ста трупов фрицев напоминали о страшной мести героя-артиллериста.

Благодаря решительным действиям Мустакимова немцы ни на один метр не продвинулись вперед».

Командир 14-й отдельной истребительной противотанковой артиллерийской бригады гвардии полковник Головкин представил Мустакимова к высокому званию Героя Советского Союза.

В сентябре 1944 года его приняли кандидатом в члены КПСС. В сентябре же произошел случай, о котором рассказывали скупые строки пожелтевшей фронтовой листовки:

«По инициативе командира орудия старшего сержанта Комарова и наводчика Мустакимова, уничтоживших десять вражеских танков, развернулось замечательное патриотическое движение — сбор средств на покупку пушек. И за два дня в части собрано 120 тысяч рублей. Наши огневики просят приобрести пушки для нашей части».

7 сентября в часть пришла телеграмма Верховного Главнокомандующего:

«Передайте вашему личному составу, собравшему 120 тысяч рублей на приобретение пушек для своей части, мой привет и благодарность Красной Армии. Ваше пожелание будет исполнено.

И. В. Сталин.»

Через несколько дней у железнодорожной станции командира части встретил представитель военной комендантуры:

— Примите от Верховного Главнокомандующего орудия, товарищи артиллеристы...

Парни из расчета Зайнуллы чувствовали себя в те дни именинниками, к ним приходили красноармейцы из других частей, с доброй завистью оглядывали пушки. Зайнуллу Мустакимова и Федора Комарова сфотографировали у развернутого боевого знамени части.

На войне расчеты ПТО обновляются часто. Подольше других держались вместе командир орудия Комаров, наводчик Мустакимов, замковой Кондоуров, номера Семеник и Фролов. О их расчете писала армейская многотиражка в День Конституции: «Многонациональный коллектив — и русские, и украинец, и белорус, и татарин героически сражаются с врагом, и в этом им помогают любовь к Родине и яростная ненависть к врагу».

Через много лет в Юмадыбашево придет из Горького седой пожилой человек, боевой побратим Зайнуллы — Хузияхметов, чтобы поклониться родным парня, которому он обязан своей жизнью.

Хузияхметов рассказывал землякам Мустакимова о многих эпизодах из фронтовой жизни, вспомнил и о коротком собрании в части, когда бойцы узнали, что Мустакимова представляют к званию Героя Советского Союза.

В президиум посадили Зайнуллу. Он смущенно смеялся, краснел, когда командир подразделения старший лейтенант Сергей Степанович Янков говорил о вкладе Мустакимова в общие успехи приближающейся победы над врагом.

Когда в Юмадыбашево узнали о геройском подвиге их земляка, ликовала вся деревня. Его ждали на побывку. «Самых лучших лошадей даю», — обещал председатель. Девушки вышивали платки, матери вязали носки, дома готовили чудесный воздушный «чак-чак».

Да и самому Зайнулле очень хотелось увидеть долины и взгорья, родных и подруг своих.

Любимая земля, как хотел он встречи с тобой!

— Да нет, отложим поездку до победы, — сказал он командиру.

Сахаб Мухаметдинов, его земляк и однополчанин, рассказывал мне:

«Летом 1944 года нашу часть поставили в резерв, жили мы на втором этаже большого дома, на первом обосновались артиллеристы. Однажды земляк подвел ко мне черноволосого сержанта, крепкого, ладного.

— Не узнаешь?

А тот все надвигает шапку на лицо и смеется, только белые зубы сияют.

— Не узнаешь?

— Зайнулла! Ты ли это, мальчиком ведь уходил на фронт!

Тепло говорили о нем окружившие нас товарищи. Потом мы пошли на луг. Помню, лежим рядом, руку Зайнулла под голову положил, травинку кусает в зубах и вспоминает о деревне, о родных, о матери, и меня спрашивает.

Потом накоротке не раз встречался с Зайнуллой. Очень обрадовался, когда узнал, что он Герой. Фронтовые дороги разлучили нас. Однажды, это было уже в конце войны, увидел часть, в которой служил Мустакимов.

— Где мой земляк, где Зайнулла? — кричу.

Один отводит взгляд, другой.

— Три дня как похоронили, — ответил третий».

В эти же дни фронтовая газета писала:

«Противник, силою до батальона пехоты при поддержке двенадцати танков, атаковал наше подразделение. Атака была отбита с большими для врага потерями.

В этом бою смертью героя погиб наводчик Зайнулла Мустакимов...»

И опять вспоминает Завалишин:

«На этом участке фронта создалась тяжелая обстановка. Подразделение старшего лейтенанта Янкова командование бросило из резерва на самый опасный участок. Мустакимов был уже командиром орудия.

...Бой длился много часов. Подошел новый танк врага с десантом на броне. До этого Зайнулла Мустакимов успел поджечь три танка.

Расчет нес большие потери.

Последний танк герой уничтожает один. Раненый, он нашел в себе силы еще раз зарядить орудие и разбить башню надвигающейся бронированной машины. Немецкие десантники разбежались...»

В музее боевой славы части, где служил Зайнулла, хранится комсомольский билет № 19385990, лежат стихи, посвященные герою. И дневальный на перекличке совершает торжественный ритуал:

— Герой Советского Союза сержант Зайнулла Мустакимов пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины!

В славных делах СРТМ-8051 «Зайнулла Мустакимов» продолжается жизнь героя.

Е. Шлемина

Герой Советского Союза
Л. Б. НЕКРАСОВ

ЮНОСТЬ МУЖАЕТ В БОЯХ

В одном из залов Центрального Музея Вооруженных Сил СССР, что на площади Коммуны в Москве, есть уголок, около которого часто останавливаются посетители. За стеклом стенда — полевая брезентовая сумка, орден Отечественной войны I степени, небольшой красный томик стихов Маяковского. С фотографии смотрит приветливое лицо с чуть застенчивой улыбкой. Ордена и гвардейский значок украшают гимнастерку, на погонах четыре звездочки. Капитан Леопольд Некрасов...

Школа и фронт — эти два слова охватывают биографию его рано оборвавшейся жизни. Ему не было и восемнадцати, когда он, только что закончив десятилетку, ушел добровольцем в действующую армию. За годы войны был четырежды ранен. Награжден медалью «За отвагу», двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно в июне 1945 года.

Поиски материалов о Некрасове привели меня в Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Здесь мне и довелось осенью 1970 года встретиться с сотрудни-

ком этого музея Октябрьной Тимофеевной Вороновой. Тридцать лет назад она училась в десятом классе вместе с Леопольдом. Воронова познакомила меня с фронтовыми письмами героя, фотографиями, вырезками из газет, рассказала о его детстве и юности.

В 7-й средней школе Октябрьского района города Москвы Леопольд Некрасов считался одним из лучших учеников. Он отлично учился по истории и астрономии, физике и биологии, химии и геометрии. Но больше всего любил уроки литературы. Учительница Татьяна Родионова Крюченкова лично знала Владимира Маяковского, увлекалась его поэзией и эту горячую увлеченность сумела передать своим ученикам. Леопольд наизусть знал многие стихотворения любимого поэта, часто читал их на концертах школьной художественной самодеятельности. И в годы войны, став командиром минометной роты, Некрасов остался верен своему пристрастию: в минуты затишья между боями читал бойцам отрывки из произведений Максима Горького, Владимира Маяковского, Александра Фадеева.

С детских лет Леопольд занимался спортом: лыжами, стрельбой, шахматами, шашками. Ни одно сколько-нибудь значительное спортивное состязание в масштабе района и даже города не проходило без его участия. Нередко он завоевывал на них призовые места.

Страстно любил музыку, искусство, сам играл на различных инструментах. С фронта он написал в родную школу:

«Да, помню, помню, все помню! И незабываемую игру мхатовцев, и неистовую музыку Бетховена и Чайковского, чудеса и красоты Большого театра, и еще многое помню и никогда не забуду. Для меня страшнее смерти — не вернуться ко всему прекрасному, к тому, чем мы жили. К этому я стремлюсь, и тем сильнее, чем меньше делается из-за войны похожим на человека. Во мне — нечеловеческая ненависть к фашистам. Страх нет. Пусть буду я обезоружен, пусть буду ослаблен, пусть в грудь — свинец, но я знаю, я сильнее, за мной — Родина».

— Яркая сильная натура, — вспоминает Октябрьная Тимофеевна. — Окружающих всегда привлекала его общи-

тельность, отзывчивость, готовность прийти на помощь товарищу. В течение трех лет он бесценно возглавлял ученический комитет.

Тысячи московских парней и девушек уходили на фронт в первые месяцы войны, уходили добровольцами. Среди них был и Леопольд Некрасов. Его зачислили в группу разведчиков.

Лыжный отряд разведчиков совершил не один рейд в тыл врага в суровые дни декабря 1941 года. Чаще всего эти вылазки имели цель достать «языка». Однажды разгромили неожиданным налетом штаб вражеской части. Возвращались лесным массивом, захватив с собой «трофей» — гитлеровского майора.

Внезапно впереди раздалась автоматные очереди. Запада! Между деревьями замелькали фигуры в касках. К Леопольду подбежали двое немцев. Короткой очередью сразил обоих: немцы, словно подкошенные, рухнули в снег. Но в ту же секунду сзади навалилось что-то тяжелое, пальцы чужих рук обхватили шею. Разведчик выпустил автомат, попытался освободиться от цепких рук врага.

Началась неравная схватка восемнадцатилетнего паренька с матерым здоровенным гитлеровцем. Пальцы немца у самого подбородка. Улучив момент, Некрасов рванулся и впился зубами в кисть. Фашист вскрикнул от боли и разжал ладони. Леопольд, подхватив автомат, отпрянул в сторону, спрятался за дерево, нажал спусковой крючок. Забрав оружие и документы убитых, Некрасов благополучно добрался до своих.

Память об этой жестокой схватке в лесу — медаль «За отвагу».

Вместе с наступающими войсками Некрасов прошел через все Подмоскowie — участвовал в освобождении Рузы, Волоколамска.

В августе 1942 года отважного разведчика направили в Московское минометно-пулеметное училище. Блестяще окончил его в мае следующего года и был оставлен при военном учебном заведении. Но служба в качестве преподавателя явно не устраивала молодого офицера. Некрасов подает один за другим несколько рапортов, и в августе 1943 года командование направляет его на фронт командиром взвода минометчиков в 83-ю гвардейскую стрелковую Краснознаменную ордена Суворова II степени дивизию.

Лейтенант Некрасов вновь отличился в декабре 1943 года при освобождении дивизией города Городка. За доблесть и героизм, проявленные при штурме, его награждают орденом Красной Звезды. В эти дни жарких боев произошло событие: Леопольда Борисовича приняли в ряды Коммунистической партии.

Накануне летнего наступления наших войск в Белоруссии Некрасов становится командиром минометной роты первого батальона 248-го гвардейского стрелкового полка 83-й гвардейской стрелковой дивизии. В составе этой дивизии освобождал многие города и села, прошагал всю Белоруссию.

В августе, когда дивизия уже вела бои в Литве, Некрасов совершил новый боевой подвиг, после которого в полку его прозвали сорвиголовой.

Возглавив группу бойцов, Некрасов вступил в схватку с ротой гитлеровцев, поддержанной бронетранспортерами. Немцы не выдержали стремительной атаки гвардейцев, попятились назад. В панике на поле боя они оставили бронетранспортер.

— Садись, ребята, в немецкую машину! — приказал лейтенант.

Бойцы быстро выполнили команду. Сержант Баженов взялся за руль, Некрасов прильнул к пулемету.

— Вперед!

Машина рванулась вслед за убегающими гитлеровцами, быстро их настигла. Немцы приняли приближающийся бронетранспортер за свой. Ошибку поняли слишком поздно. Застрочил пулемет. Солдаты стреляли из автоматов, бросали за борт гранаты.

Лейтенант Некрасов лично уничтожил до шестидесяти гитлеровцев, две подводы с боеприпасами, мотоцикл. Его подвиг был отмечен командованием: отважный воин награждается орденом Отечественной войны II степени. В этом бою Леопольд Некрасов был ранен.

Поправившись после ранения, Некрасов возвращается в свою родную роту. Война к этому времени перекинулась на территорию врага.

13 января 1945 года началась Восточно-Прусская операция советских войск.

За образцовое выполнение заданий командования гвардии старший лейтенант Некрасов награждается орденом Отечественной войны I степени. Но в одном из боев

он снова ранен и снова после излечения возвращается в свою часть.

Стихли бои на Земландском полуострове. Пал Кёнигсберг, объявленный немцами неприступной крепостью. 25 апреля наши войска ворвались в Пиллау. Остатки немецких войск перебрались на косу Фрише-Нерунг. На что они рассчитывали? Гитлеровцы надеялись, что к ним подойдут военно-морские корабли и, взяв их на борт, доставят в безопасное место.

Советское командование подготовило уже заключительную операцию. Не давая немцам опомниться после потери Пиллау, в ночь на 26 апреля на косу был направлен десант первого броска — 650 пехотинцев и минометчиков 83-й гвардейской стрелковой дивизии. Один из отрядов десанта численностью в 25 человек возглавил гвардии капитан Некрасов.

Несколько дней он тренировал своих бойцов. Десантники учились быстро занимать места на самоходной барже и стремительно производить высадку.

Погода благоприятствовала операции. С вечера пошел дождь. Видимость резко снизилась. Погрузка прошла быстро. В полночь послышался дружный, смягченный глушителями рокот. Один за другим торпедные катера, тральщики, малые канонерские лодки, самоходные баржи без огней стали отходить от берега. На горизонте по мере продвижения вперед все ярче различалось зарево, эхо донесило грохот орудийной канонады.

Когда до места высадки остались считанные мили, впереди показались силуэты вражеских кораблей. Навстречу вышли две малые канонерские лодки. Прогремели залпы. На одном из кораблей раздался оглушительный взрыв, судно разломилось надвое и быстро погрузилось в воду. Два других поспешно отошли, скрылись в темноте.

Флотилия продолжала движение. Показался вражеский берег. Катера и самоходные баржи застопорили моторы, мягко коснувшись носом пологого дна, замерли на месте.

Бойцы отряда капитана Некрасова начали прыгать за борт. Холодная колючая вода обжигала тело, но десантники не замечали этого, быстро продвигались к берегу. Гитлеровцы открыли пулеметный и артиллерийский огонь.

Но он не причинил вреда отряду: немцам мешала дымовая завеса.

Десантники подошли к вражеской траншее. Вот и дзот. Некрасов сбил прикладом часового, в дымоход спустил связку гранат. Раздался взрыв.

Капитан приказал окопаться.

Немцы бросились в атаку. Их было много — в десятки раз больше, чем десантников. Но советские воины не дрогнули, встретили врага пулеметным, минометным и автоматным огнем.

Отбита первая атака. Но передышка продолжалась недолго. Снова впереди замелькали фигуры фашистских солдат. Стремясь сбросить десант в море, гитлеровцы не считались с потерями. Временами немцы подходили так близко, что десантники на лету ловили их гранаты с длинными деревянными ручками и бросали обратно. В этом почном бою подразделение Леопольда Некрасова подавило более десятка огневых точек противника, уничтожило около 300 гитлеровцев.

Все меньше и меньше оставалось в строю советских воинов. Казалось, вот-вот немцы ворвутся в окопы, ликвидируют десант. Но в это время сзади раздалось громкое «ура!»: подмога подоспела вовремя.

Наступил рассвет. С моря подул порывистый ветер. Он разогнал туман, открыл взору противника прибрежные воды Балтики — повсюду советские корабли, надежды на спасение нет. К позициям десанта стали подходить немцы с поднятыми вверх руками, с белыми флагами.

Бой затихал. Леопольд Некрасов вышел из окопа. Но вдруг рядом взметнулось пламя, нестерпимая боль обожгла грудь. Ранение осколком вражеского снаряда оказалось смертельным.

Осенью 1969 года к причалу Калининградского порта подошло новое судно СРТМ-8048. На его борту начертано «Леопольд Некрасов». А спустя несколько дней средний морозильный траулер вышел в Атлантический океан на промысел. Так началась вторая жизнь героя. «Леопольд Некрасов» продолжает служить Советскому Союзу.

В. Ключкин

Герой Советского Союза
Н. Ф. ПАПИВИН

ИЗ ПЛЕМЕНИ КРЫЛАТЫХ

Самолеты уходили в небо. Там, наверху, под низко плывущими облаками, машины строились в боевые порядки и, соблюдая интервалы и дистанции, брали курс на зарево, всю ночь полыхавшее над Кёнигсбергом.

Генерал долгим и внимательным взглядом проводил очередную эскадрилью, ушедшую от старта, и повернулся к стоявшему у карты начальнику штаба армии:

— Ну вот и задался денек, Николай Павлович. Поработают сегодня наши соколы.

Продолжительный телефонный звонок прервал эти слова. Он взял трубку:

— Генерал Папивин у телефона. Так точно, товарищ Главный маршал. Одиннадцатый истребительный корпус атакует аэродромы в Грос-Диршкайме и Грос-Хубникене, блокируя их с воздуха. В десять ноль-ноль бомбардировщики обработали северо-западную окраину Кёнигсберга и район Меденау. Штурмовики сопровождают пехоту и танки. По донесениям, поступившим от летного состава и наших представителей на КП общевойсковых армий, а также офицеров радионавещения авиации на объекты и

войска противника, гарнизон города оказывает упорное сопротивление. Среди моих есть потери. Но летчики буквально рвутся в бой, товарищ Главный маршал.

И командующий 3-й воздушной армией генерал-полковник Н. Ф. Папивин, и Главный маршал авиации Красной Армии А. А. Новиков, слушавший его на другом конце провода, прекрасно понимали настроение авиаторов в эти минуты. Вокруг Кёнигсберга вторые сутки гремел бой, а летчики почти не участвовали в сражении. Виной тому была непогода, приковавшая к аэродромам в первый день штурма основные силы бомбардировочной и штурмовой авиации. И сколько ни запрашивали 6 апреля из штаба 3-й воздушной армии, синоптики обещали прекращение дождя только к вечеру.

В который раз выслушав такое сообщение, Папивин начинал сердито прохаживаться по комнате, затем садился и молча барабанил по карте пальцами. И снова вставал:

— Нет, вы только посмотрите, каково, а? Сосредоточить столько авиации, разработать детальный план ее использования и вдруг в самый решающий момент оказаться не у дел!

С этим генерал никак не мог согласиться. Перебазировавшись в первой половине февраля 1945 года вместе с войсками и штабом 3-й воздушной армии из Курляндии в Восточную Пруссию, Папивин сразу с головой окунулся в напряженные боевые будни. Нужно было расположить штурмовые и истребительные соединения ближе к линии фронта, организовать четкое взаимодействие авиации и наземных войск.

Не хватало аэродромов, и Николай Филиппович часто выезжал на бронетранспортере или «виллисе» осматривать участки поля, предназначенные для полевых аэродромов. Но когда самолеты перебазировались на эти участки, возникла новая трудность. Летчики штурмовой авиации, которой отводилась решающая роль в наступательных операциях, часто затруднялись в поисках целей. Сильно пересеченная местность в Восточной Пруссии, обилие железных дорог и шоссе осложняли ориентировку во время полетов.

В таких условиях генерал Папивин не уставал напоминать командирам частей и соединений о важности штурманской подготовки летного состава. Он требовал

от штурманской службы армии самого строгого инструктажа и проверки знания местности у ведущих групп перед боевыми полетами и нанесением ударов по предполагаемым целям.

В короткие промежутки между сражениями ведущие группы по его личному указанию тщательно разбирали каждый боевой вылет и анализировали допущенные в нем ошибки. Генерал добивался того, чтобы каждый удар, наносимый по врагу с воздуха, был эффективным, выполнялся тактически грамотно, с учетом быстро меняющейся фронтовой обстановки.

«Скорость, точность огня, маневр» — вот девиз, которому должны были постоянно следовать авиаторы в своей боевой работе.

Впоследствии те, кто воевал с Папивиным, скажут, что это была лучшая форма боевой учебы. И недаром в 3-й воздушной армии выросла целая плеяда советских асов, владевших отличной техникой бомбометания и пилотирования, неплохой стрелковой подготовкой. В. Г. Болотов, В. А. Кузнецов, В. И. Малыгин, Н. Е. Платонов, И. Ф. Павлов, Б. М. Падалко, М. И. Саломатин, В. Е. Соловьев, Д. В. Тарасов, Н. И. Чувин, А. А. Руднев, П. И. Мотков — вот далеко не полный перечень ее прославленных летчиков, удостоенных высокого звания Героя Советского Союза.

Но не только на земле, а и в воздухе часто слышали авиаторы по радио твердый и уверенный голос командующего армией, перенацеливавшего штурмовые удары по новым объектам. Тщательно ознакомившись с оперативной обстановкой, Николай Филиппович умел выбрать наиболее слабое звено в цепи фашистской обороны и нанести по нему сокрушительный удар. Так, 16 февраля 1945 года летчики 3-й воздушной армии совместно с авиацией Краснознаменного Балтийского флота произвели массированный налет на немецко-фашистские транспорты в Балтийском море. Потери врага оказались настолько велики, что явились предметом специального обсуждения в ставке Гитлера.

Во время крупных сражений Папивин предпочитал находиться там, где решалась судьба операции. Он всегда испытывал чувство большой личной ответственности за успех дела и стремился вносить в него элементы находчивости, трезвого расчета, тонкого тактического мыш-

ления, на практике использовать преимущества советской военной школы.

В подтверждение этому полковник в отставке П. Г. Неклюдов, служивший в 3-й воздушной армии, вспоминает один из боевых эпизодов. Летом 1944 года войска 1-го Прибалтийского фронта, поддерживаемые авиаторами 3-й воздушной армии, освобождали Витебск. На подступах к городу стрелковые дивизии встретили упорное сопротивление немцев. Узнав об этом, генерал Папивин срочно выехал на ближайший аэродром. Через полчаса он уже был в воздухе и наблюдал с борта ИЛ-2 за полем боя. По его команде несколько эскадрилий сосредоточили свои бомбовые и штурмовые удары на главных опорных пунктах обороны врага, после чего сопротивление фашистов значительно снизилось.

В течение дня Николай Филиппович неоднократно вылетал на разведку и, быстро оценив обстановку, принимал нужное решение. Эскадрильи, вводимые им в бой, содействовали отражению вражеских контратак, помогли захватить и удержать плацдармы на левом берегу Западной Двины.

25 июня войска 39-й армии ворвались в Витебск. Противник потерял 20 тысяч убитыми и более 10 тысяч пленными. Ключевая позиция на левом фланге обороны группы армий «Центр» была сокрушена. Большой вклад в эту победу внесли летчики и командиры 3-й воздушной армии. Родина высоко оценила их подвиги, наградив сотни храбрых воздушных бойцов орденами и медалями. Папивину было присвоено звание генерал-полковника авиации. К тому времени его боевой путь был отмечен орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденами Суворова I степени и Кутузова I степени.

Последняя из этих наград была по-особому дорога и приятна Николаю Филипповичу. Ее вручили ему вместе с письмом после воздушного боя, которым он руководил с командно-наблюдательного пункта. Поблагодарив за высокую награду, Папивин развернул сложенную вчетверо страницу письма, пробежал глазами краткий текст:

«Уважаемый Николай Филиппович! Не имея возможности лично вручить Вам орден Кутузова I степени, которым Вы награждены Указом от 22 сентября 1943 года, посылаю его Вам с настоящим письмом. Поздравляю Вас с высокой наградой и шлю пожелания даль-

нейших успехов в Вашей боевой деятельности и личной жизни. Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин».

...В середине марта 1945 года была уничтожена последняя база фашистских истребителей в Восточной Пруссии — аэродром Хайлигенбайль. Господство в воздухе было полностью в руках наших летчиков. Авиаторы генерала Папивина выводили из строя самолеты и резервы врага, отражали его танковые контрудары, подавляли огонь дальнобойной артиллерии, блокировали железнодорожные узлы, фотографировали боевые порядки и цели врага. И за все это время в штабе ни на один час не прекращалась напряженная работа. Это был хорошо организованный, непрерывный творческий труд десятков офицеров, направленный на детальную разработку стратегии и тактики авиационного наступления на Кёнигсберг, эффективное использование в нем разных соединений боевых машин: бомбардировщиков ПЕ-2, ночных бомбардировщиков ПО-2, штурмовиков ИЛ-2 и истребителей разных конструкций, составлявших единое целое — 3-ю воздушную армию.

Коллектив штаба этой армии всегда отличался спаянностью, дисциплинированностью, четкостью в работе и доверием друг к другу. Начальник штаба генерал Дагаев был испытанным фронтовым другом Папивина. Он обладал высокой штабной культурой и требовательностью. Его ближайшим помощником считался начальник оперативного отдела Кондратьев. Инженерную службу возглавлял старейший авиатор инженер-полковник Ульянов.

Именно эти люди были повседневной и надежной опорой генерала Папивина. Вместе с ними он тщательно и всесторонне обсуждал детали участия войск 3-й воздушной армии в штурме Кёнигсберга. Большая насыщенность авиации (на 1 километр фронта на главных участках приходилось 150 боевых самолетов) заставила командование и штаб армии разработать точно выверенные графики вылетов и приземления самолетов. При непосредственном участии Николая Филипповича были определены разграничительные линии полетов для каждого соединения. Все авиационные дивизии имели свои маршруты и высоту следования к цели и обратно. Кате-

горически запрещалось летать над аэродромами группами, на малой высоте.

...Казалось, все было выверено и предусмотрено. И вдруг в самый последний момент непогода разом перечеркивает эти хорошо продуманные планы. Из-за отсутствия мощного авиационного воздействия на противника сражение грозит принять затяжной характер.

Но 7 апреля, на второй день штурма Кёнигсберга, облака и туман рассеялись и летчики 1-й и 3-й воздушных армий, с утра поднявшись в небо, массированными ударами потрясли фашистскую оборону. Во второй половине дня непрерывно сопровождаемая штурмовиками пехота и танки на многих участках одолели мощную оборонительную полосу врага и ворвались в город. Начались уличные бои.

А советская авиация все наращивала мощь своих ударов. В два часа дня над Кёнигсбергом появились тяжелые бомбардировщики 18-й воздушной армии. Для их прикрытия генерал Папивин отрядил значительную часть своих истребителей. Массированный удар 516 тяжелых машин огненным смерчем прокатился по опорным пунктам и фортам столицы Восточной Пруссии. Многие из них были разрушены, движение по городу прекратилось, командование гарнизона, как впоследствии показал опрос пленных, потеряло управление частями и не смогло маневрировать резервами.

8 апреля наши летчики продолжали успешно громить врага, подавлять волю гитлеровцев к сопротивлению. Уничтожив в течение дня 51 самолет, они, по существу, лишили их авиации. К исходу дня Кёнигсберг был отрезан от Земландской группировки немцев. Участь остатков его гарнизона была решена, и на следующий день враг сложил оружие. Этому в значительной мере способствовали славные советские авиаторы. Их массированные, великолепно организованные удары буквально потрясли вражескую оборону и психику фашистских солдат. Сдавшийся в плен комендант города и крепости генерал О. Ляш заявил, что при взятии Кёнигсберга авиация сыграла исключительно большую роль: солдаты были измучены, прижаты к земле, загнаны в блиндажи. «Около 30 дивизий и два воздушных флота целыми днями непрерывно засыпали крепость своими снарядами, — обреченно говорил он, — бомбардировщики и штурмови-

ки летели волна за волной, сбрасывая свой губительный груз на пылающий город, лежавший в развалинах... Ни один немецкий истребитель не показывался в воздухе...»

Вот оно, горькое и откровенное признание врага. В устах матерого фашистского генерала оно звучит как высшая похвала нашим славным летчикам и тем, кто, не щадя времени, сил, нервов, а часто и жизни, на протяжении нескольких лет настойчиво вел их к победе.

И снова Родина отмечала боевые заслуги своих героев. Еще гремели бои на Земландском полуострове, а однополчане генерала Папивина прочитали Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года, в котором говорилось, что за умелое руководство войсками, проявленное при штурме города-крепости Кёнигсберг, командующему 3-й воздушной армией присвоено звание Героя Советского Союза.

За годы войны среди имен командующих фронтами и армиями, отмеченных приказом Верховного Главнокомандующего, фамилия генерала Папивина звучала более двадцати раз.

С тех пор прошло много лет. Но у подвига есть великое свойство не покрываться пылью времен. Даже десятки лет спустя слава о нем звучит на той же высокой и чистой ноте, как и в тот миг, когда он был совершен. Эта слава незримо живет в сердце народа, в воспоминаниях однополчан, в документах и старых фотографиях, которые бережно хранят сегодня потомки.

Вот стопка его фотографий. Детских снимков здесь нет. И понятно почему. Откуда было взяться в 1903 году в безвестной деревушке Голяди Клинского уезда Московской губернии, где родился Коля Папивин, фотографу? И в тринадцать лет, когда он пошел батрачить на фабрику, его никто не фотографировал.

А вот и первый снимок. Коля в буденовке и форме курсанта Военной школы имени ВЦИК. Смотрит серьезно, даже чуточку строго. В то время он вместе с курсантами уже нес караульную службу у кабинета В. И. Ленина. Было ему семнадцать лет.

А на этом снимке Николай уже красный командир. Но еще не летчик. Командует взводом в 69-м полку 23-й стрелковой дивизии, расквартированной в Харькове. На обороте снимка дата — 1924 год.

И еще снимки. Этот сделан в 1929 году во 2-й Военной школе летчиков в Борисоглебске. А этот во время службы в Белорусском особом военном округе, где за десять лет Папивин прошел все командные ступени от младшего летчика до заместителя командира авиабригады.

1939 год. Брянск. У кромки летного поля распушили кроны молодые березки. Командир авиабригады Папивин что-то объясняет летнабу Н. В. Худякову, сажающемуся в самолет. Через несколько лет будущий маршал авиации назовет Николая Филипповича своим летным отцом.

Война застала его в Воронеже, в запасной авиабригаде. Папивин переучивает летный состав для работы на новом двухмоторном бомбардировщике ДК-3Ф и Л-2. На снимке он у радиостанции руководит полетами.

А здесь Николай Филиппович с группой летчиков. Он обучает их полетам на штурмовике ИЛ-2 и формирует штурмовые авиаполки для фронта.

Но генерал-майор Папивин рвется туда, где идут сражения. И, наконец, в июле 1942 года его просьбу удовлетворяют. Николай Филиппович направлен в 3-ю воздушную армию, где сражаются сотни выпестованных им летчиков. С ними он прошел до конца войны.

Вот и одна из последних фотографий генерала. Папивин выступает на сессии Верховного Совета Грузинской ССР. Он тогда командовал воздушными силами Закавказского военного округа. В те годы летный состав осваивал реактивные самолеты. Несмотря на большую занятость, Николай Филиппович всегда находил время для партийной и общественной работы. Его дважды избирали в члены ЦК компартии Грузии и Верховный Совет Грузинской ССР.

Погиб Папивин в апреле 1963 года в автомобильной катастрофе.

Боевые подвиги генерала получили достойное продолжение в трудовых делах экипажа большого морозильного траулера «Николай Папивин» — одного из первых судов в рыбацкой флотилии Калининграда, взявшего в течение года рекордный рубеж в сто тысяч центнеров добытой рыбы.

Н. Кокорин

НАШ ДАНКО

Герой Советского Союза
В. Л. ПОПОВ

Живет в станице Советской Обливского района Ростовской области женщина. Пожилая, со спокойным, покрытым густой сеткой морщин лицом. Годы уже основательно усыпали голову инеем. Живет в неприметном, похожем на другие домики на самой околице. Но и женщину эту, и домик ее в Советской знают очень хорошо. С ней, может быть, чуть приветливей, чем с остальными, здороваются односельчане. В ее домике, может быть чаще, чем в других, бывают гости, особенно пионеры местной средней школы. С ними у Аполлинарии Семеновны Поповой давняя и крепкая дружба. Еще с тех пор, когда юные ленинцы страны объявили «красный поиск». Маршруты его привели в маленький домик на околице, где, как священная реликвия, хранится портрет юноши в солдатской гимнастерке. Да еще в виде фронтовых треугольников-писем хранится светлая память о сыне, отдавшем свою жизнь за счастье родной земли, которая взрастила его, вдохновила на подвиг.

...Герой Советского Союза Василий Попов. Сейчас его звали бы Василием Лазаревичем. Но для матери

он навсегда остался Васей. Восемнадцатилетним Васенькой... Таким он уходил на войну.

Юность Василия Попова, как и его сверстников, была светлой и безмятежной. Он жил с родителями в городе Красный Луч. Здесь на отлично окончил восемь классов, за что отмечен Похвальной грамотой. В школе стал хорошим спортсменом, ворошиловским стрелком. Затем поступил в Краснолучский горный техникум. Хотел стать горняком. Война сделала его солдатом.

И вот Василий в школе младших командиров. Сماعيلистого солдата с новенькими нашивками младшего сержанта на погонах назначили командиром отделения в одно из училищ. Теперь он уже обучал других. В тылу, вдаль от фронта. Но и сюда доходили отзвуки смертельных схваток с врагом. Они чувствовались во всем — и в напряженной учебе, и в суровом ритме нелегких солдатских будней, в неодолимом желании молодых воинов быть там, где решается судьба Родины, на передовой.

«Здравствуйте, папа и мама... Я нахожусь в школе младшего комсостава. Экзамены сдал на 4,9 балла. Сейчас мы весь день проводим в учебе. Готовим себя и своих бойцов к грядущим боям».

Стремление скорее попасть на фронт не покидает Василия Попова. Он подает на имя командования один рапорт за другим. И вот он на передовой. Участвует в героическом переходе через Сиваш, в боях за освобождение Севастополя. И снова, как и прежде, приходят домой короткие солдатские письма-треугольники. В них торопливые строчки. Мало, очень мало свободного времени у бойца. Но всегда в солдатском сердце живет светлая память о доме, о родных и близких. Это помогает ему стойко переносить тяготы войны. И не его вина, что теплые сыновние чувства вырываются на волю лишь в минуту фронтовой тишины от боя до боя. И с ними, этими горячими чувствами, рядом жгучая ненависть к врагу, что топчет родную землю кованым сапогом, издевается над беззащитными женщинами и детьми, грабит, угоняет в неволю.

«Как бы ни было трудно на войне, я всегда найду время, чтобы написать для вас хотя бы две строчки...»

Скоро в наступление. Обещаю вам, родные мои, быть в бою всегда передовым, бить врага крепко».

В следующем письме, датированном октябрем 1944 года, Василий пишет:

«Сейчас гоним врага, гоним здорово. Читайте в газетах о прорыве немецкой обороны 1-м Прибалтийским фронтом. Я тоже участник прорыва. Скоро будем бить врага на его территории и добьем в собственной берлоге...»

Зима 1945 года. Советская Армия громит гитлеровцев в их логове. К этому времени относится одна из блестящих военных операций наших войск по разгрому мощной гитлеровской группировки в Прибалтике. И нет сержанту Василию Попову времени написать домой хоть несколько строк. Почти четыре месяца родные не получали от него весточки. Была на это важная причина, о чем он позднее сообщил так:

«...Вы должны понять, почему долго не писал. Я — разведчик, приходится ходить по тылам врага...»

Так раскрывается еще одна страница боевой биографии девятнадцатилетнего парня.

...Река Неман. Ночь. Напряженная тишина, какая бывает только перед боем. Лишь изредка пронзает темноту неровный пунктир трассирующих пуль да порой выхватывает из липкой черноты матовую гладь реки мертвенно-бледный свет падающей ракеты. Гитлеровцы нервничают.

Бой начался на рассвете. Огненный вал обрушился на вражеские укрепления. И едва стал стихать шквал артиллерийского огня, рванулись из своих окопов советские пехотинцы. В составе одной из штурмовых групп отделение старшего сержанта Василия Попова. Неман форсирован за несколько часов. Гитлеровцы не успели еще прийти в себя от грома артиллерийского огня, а над их головами уже гремело могучее «ура!». Враг был выбит со своих позиций.

Затем ночью уличные бои в Тильзите. И снова Попов впереди, там, где особенно опасно. А как же иначе, ведь он комсомолец, и не просто комсомолец, а секретарь комсомольской организации роты.

Фашисты сопротивлялись ожесточенно. Они предпринимали попытки вернуть отбитые нашими войсками позиции. Пять раз переходили в контрнаступление гитлеровцы, стремясь овладеть высотой, имеющей ключевое значение для развития нашего наступления. Первый удар принял на себя основательно поредевший взвод, в котором был Василий Попов. Вот замолк наш пулемет, убит пулеметчик. И Василий встал на его место. А немцы, чувствуя за собой численное превосходство, рвутся к высоте. Беспреданно строчит «максим». Но пулеметная лента пустела быстрее, чем редели вражеские цепи. Боеприпасы на исходе. Тогда Попов решился на хитрость. Он прекратил стрельбу и сменил позицию. Увидев, что пулемет умолк, гитлеровцы осмелели и в полный рост пошли в атаку. Василий выжидал. Когда до наших позиций остался один бросок, он нажал на гашетку. Атака захлебнулась и больше не повторилась.

Не раз проявлял Василий Попов образцы мужества и отваги в боях на подступах к Кёнигсбергу и во время штурма города.

...Утро 6 апреля 1945 года началось громом артиллерийской канонады. Наши солдаты ожидали окончания артподготовки. Занималась заря. И в ее бледном сиянии, пробивавшемся сквозь серую пелену тумана, едва просматривались очертания вражеских укреплений вокруг города-крепости Кёнигсберг.

Бойцы скорее почувствовали, чем услышали, ослабление артиллерийской канонады. Огонь переносился в глубину обороны противника. И в этот момент, когда солдат становится сгустком нервов, готовым в любую секунду рвануться навстречу свинцовому ливню, поднялся на бруствер окопа комсорг роты Василий Попов:

— Комсомольцы, за мной!

Громкое «ура!» неудержимой лавиной покатилося к вражеским траншеям. Отделение Попова первым ворвалось во вражеские окопы...

Вот как изложены боевые подвиги комсорга роты в официальном документе — представлении командования 995-го стрелкового полка с ходатайством о присвоении старшему сержанту Василию Лазаревичу Попову звания Героя Советского Союза:

«В боях при штурме Кёнигсберга с 6 по 9 апреля 1945 г. т. Попов, командуя стрелковым отделением в

составе штурмовой группы, вслед за разрывом своих снарядов, увлекая за собой отделение, с криком «ура!» ворвался в первую траншею противника, где лично уничтожил четырнадцать немцев. Овладев первой траншеей, стремительно ворвался во вторую, затем в третью. Штурмовая группа взяла в плен 96 немецких солдат и офицеров.

В уличных боях за Кёнигсберг старший сержант Попов со штурмовой группой ворвался в крупное городское здание, забросал гранатами скопившихся там гитлеровцев, уничтожил два станковых пулемета с расчетами, чем дал возможность прорваться нашей пехоте в центр города. Сам Попов с отделением следовал впереди штурмовых подразделений советских бойцов. Он взял в плен более 80 немцев и уничтожил 34, захватил 2 орудия».

Четыре дня продолжался штурм Кёнигсберга. Бои на его улицах, в фортах и домах не утихали ни на минуту. Комсорг роты Василий Попов со своими бойцами показал в этих боях образцы храбрости и героизма. Это была священная месть советских воинов за страдания родной земли, за поруганных отцов и матерей, братьев и сестер.

Сам он об этих боях писал домой очень скромно:

«...Жив и здоров. Сейчас пока отдыхаю, но скоро опять вступим в бой. Я тоже участвовал в штурме Кёнигсберга. Какие результаты, вы должны знать из сообщений Совинформбюро».

Письмо это датировано 13 апреля 1945 года, через четыре дня после взятия нашими войсками города-крепости. Писал его Попов в еще дымящемся пожарами городе. Не знал тогда Василий о том, что в этот день из дивизии ушли документы с ходатайством о награждении его самой высокой правительственной наградой. Не думал он и о том, что этот день станет последним в его короткой, но славной жизни. Осколок вражеского снаряда остановил биение пламенного сердца отважного юноши.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года гвардии старшему сержанту Василию Лазаревичу Попову было присвоено звание Героя

Советского Союза. Лишь несколько дней не дожид он до исторического Дня Победы над фашистской Германией, победы, о которой он так мечтал, к которой так стремился, за которую отдал самое дорогое — жизнь.

...В одном из своих последних писем на родину Василий писал:

«Война близится к концу. Скоро окончательно доконаем фашистского зверя в его собственной берлоге. Надеяться нельзя, но, может быть, в числе счастливых, то есть живых, останусь и я...»

Он очень любил жизнь, этот девятнадцатилетний юноша в солдатской шинели. Но больше жизни он любил свою Родину, и это сыновнее патриотическое чувство вселяло в солдатское сердце мужество, жгучую ненависть к врагу. Он ни разу не дрогнул в бою, смело смотрел смерти в лицо. Он погиб, чтобы остаться для нас навсегда живым.

В поселке Чкаловске есть братская могила, где покоятся советские воины, павшие в боях за Кёнигсберг. На граните памятника, воздвигнутого на средства рыбаков Калининградской базы экспедиционного, китобойного и тунцеловного флота, среди других есть имя Героя Советского Союза Василия Попова. Это имя гордо несет на своем борту по океанским просторам средний рыболовный траулер-морозильщик Пионерской базы Океанрыбфлота. Одно поколение рыбаков будет сменять на нем другое. Но, как самая дорогая эстафета, будет передаваться от экипажа к экипажу священная память о воине-герое. Она вдохновляет калининградских рыбаков, зовет их на новые трудовые дела и подвиги во имя могущества и процветания Советской Отчизны, за которую отдал свою жизнь воспитанник Ленинского комсомола Василий Попов.

**Н. Баладжан,
В. Максук**

Герой Советского Союза
Г. П. ПОЛУЯНОВ

РЫЦАРЬ ШТУРМОВЫХ УДАРОВ

«Рыцарь штурмовых ударов, кумир полка. Наша любовь к нему была безграничной». «Юноша с отважным сердцем и прекрасной душой. До сих пор не могу забыть его — бесстрашного, скромного, трудолюбивого». «Боевому мастерству у него учились даже старшие товарищи». — Так отзываются о Герое Советского Союза Григории Полуянове его бывшие боевые друзья по 136-му гвардейскому штурмовому авиаполку летчики Василий Анферов, Николай Чискала, Василий Бессараб.

Всего лишь год сражался на фронтах Великой Отечественной войны отважный сокол. Но и за это время он совершил на «летающем танке» — ИЛе — 110 боевых вылетов, участвовал в 15 воздушных боях, лично уничтожил 38 танков, 7 самолетов, 100 орудий, около 4 тысяч гитлеровцев, сжег 4 эшелона с танками и горючим, потопил 2 крупных транспортных судна, разбил 150 грузовых автомашин с войсками.

Вот короткий перечень боевых дел Григория Полуянова только за одну неделю войны в Восточной Пруссии:

14 января 1945 года — уничтожил 4 орудия и до роты пехоты;

15 января — подавил 8 орудий, сжег 2 танка;

16 января — обнаружил большую колонну пехоты и танков по дороге в поле, сделал 6 заходов, уничтожил более 200 гитлеровцев;

17 января — сжег 6 танков;

18 января — разбил 10 орудий, взорвал склад боеприпасов;

20 января — сжег на шоссе 60 грузовых автомобилей, расстрелял до 100 немцев.

Бесстрашный «крылатый танкист» награжден тремя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени. За неделю до последнего полета, закончившегося трагической гибелью, Полуянов был представлен к званию Героя Советского Союза.

В разгар Восточно-Прусской операции, в феврале 1945 года, 136-й гвардейский штурмовой авиаполк перебазировался поближе к фронту, на аэродром города Растенбурга. Отсюда летчики полка и наносили смертоносные удары по гитлеровцам.

18 марта 1945 года командир полка дал приказ гвардии старшему лейтенанту Григорию Полуянову вылететь во главе группы ИЛов под Хайлигенбайль, уничтожить немецкие зенитки.

Погода в тот день была летной, солнечной. Быстро долетели до цели: под крылом самолета немецкий город. Зенитки гитлеровцев открыли огонь. Разрывы сверху, снизу, сбоку. Штурмовики перешли в пикирование. Совсем рядом разорвался снаряд, машину Полуянова швырнуло в сторону. Заглох двигатель, кабина заполнилась дымом. Григорий почувствовал острую боль в обеих ногах. Самолет быстро терял высоту.

— Выхожу из боя. Группу назад отведет Ветров, — отдал приказ Полуянов.

Земля приближалась стремительно. Надо попытаться сесть в поле. Пылающую машину удалось приземлить на лесной поляне, и в ту же минуту Полуянов потерял сознание. Воздушный стрелок Борис Вайсброт с трудом вытащил рослого командира и, не замечая ничего вокруг, потащил на себе к лесу. Он не видел, что сзади его нагоняют гитлеровцы. Резкая боль в голове, перед глаза-

ми вспыхнули красные круги. Борис упал. Привела его в чувство струя холодной воды. Вокруг стояли немцы. Один из них раскрыл комбинезон на Полуянове, увидел ордена.

— Где ваш аэродром, какая фамилия у командира?— приступил к допросу немец.

— Не скажу! — разжал губы Полуянов. Тупая боль в ногах мутила сознание, тлеющий комбинезон жег тело.

Посыпались удары. Били ногами со всего размаху. Подъехала легковая машина. Из нее вышел офицер и произнес на чистом русском языке:

— Коммунист?

— Да, коммунист.

— Ай, какой молодой. Мы сохраним тебе жизнь, если скажешь, кто твой начальник, сколько машин в части и где аэродром.

— Советские офицеры смерти не боятся!

— Скажешь или нет?

— Нет.

Немецкий офицер вынул из кобуры пистолет.

— Стреляй, гад! Смотри, как умирают советские офицеры!

Полуянов приподнялся на локтях, плюнул немцу в лицо. Один из солдат выплеснул из ведра бензин на грудь и ноги командира. Взметнулось вверх пламя.

Стрелка погнали в деревушку, заперли в подвале. Ночью в поселке разгорелся бой. Часовой сбежал. Борис выполз из подвала. Через два дня он вернулся в часть. На машине выехал обратно. Севернее поселка Кандыты бойцы натолкнулись на обломки ИЛа, а в сотне метров нашли обгоревший труп Полуянова.

Когда в Растенбурге опустили в могилу гроб с телом героя, в воздух поднялись все штурмовики полка, чтобы отдать боевой салют. Окрестности города сотрясались от мощных залпов ракет и пушек. Несколько суток, не зная отдыха, летчики бомбили немецкие позиции и уничтожили тысячи гитлеровских солдат и офицеров. А спустя три недели полк бомбил форты и укрепленные узлы Кёнигсберга, расчищая дорогу советской пехоте. Так отомстили летчики-гвардейцы за смерть своего боевого товарища.

Нижние Деревеньки — самое обычное село, каких много в Курской области: небольшие деревянные дома-мазанки (сказывается близкое соседство с Украиной), огороды, магазин, школа, клуб. Неширокий, но полноводный Сейм, спокойно несущий свои воды, слегка всхолмленная равнина, за которой начинаются знаменитые брянские леса. Родина Полуянова.

Нелегким выдалось детство. Тяжелый недуг на годы приковал мать к постели. Неважное здоровье было и у отца. Порой, приходя из школы, мальчик сам чинил свою обувь, делал латки на одежде. Успешно окончил семилетку. В 1939 году умерла мать, и вскоре семнадцатилетний парнишка с десятью рублями в кармане уехал в город Донской Тульской области, где поступил в ремесленное училище. Днем учился, постигал секреты электрослесарного дела, а вечером, чтобы подзаработать денег, ходил грузить вагоны.

В душе юноша хранил заветную мечту — быть летчиком. Небо звало его. Учась в ремесленном училище, он посещает занятия в аэроклубе, а затем поступает в школу пилотов. В мае 1942 года после окончания школы едет в Оренбург, чтобы в совершенстве изучить свою специальность. Год пролетел незаметно. И вот Григорий Полуянов — летчик-штурмовик. Офицером приходит он в учебный полк, где в течение восьми месяцев проходит специальную подготовку пилота высшего класса. Весной 1944 года прибыл в 136-й гвардейский штурмовой авиаполк. Началась фронтовая жизнь.

Полуянов попал к опытным наставникам. Командовал эскадрилей С. Д. Герасимов, бесстрашный летчик, повторивший во время летнего наступления в Белоруссии подвиг капитана Гастелло. Тренировочные полеты на фронте проходили у Григория под руководством командира звена Героя Советского Союза Ф. В. Буслова, который начал громить врага у стен Сталинграда. 15 боевых вылетов совершил и воздушный стрелок Воронцов. У них учился боевому мастерству штурмовика Полуянов.

Шестерка штурмовиков, ведомая Герасимовым, вылетела на боевое задание — бомбить немецкие танки и артиллерийские позиции в районе Каранки (Крым). В их числе находился и самолет Полуянова.

Перелетели через Сиваш. Вот и цель. ИЛы один за другим перешли в пикирование. Отделились бомбы и от

самолета Полуянова. Но в это время два «мессершмитта» сзади навалились на самолет командира эскадрильи. Забыв о наставлении не отрываться от группы, Григорий развернул машину и ринулся наперерез немецким самолетам, дал залп из реактивных установок. «Мессеры» отпрянули в сторону.

Приземлившись на аэродроме, Григорий ждал похвалы от командира: что ни говори, а отвел беду. Но Герасимов спокойно отчитал новичка за допущенную ошибку.

От вылета к вылету накапливался боевой опыт, появился свой почерк, научился точно действовать и в группе, и по воле ведущего, и принимать самостоятельные решения.

Уже в боях за Крым у Полуянова проявились незаурядные качества летчика-штурмовика — бесстрашие, точность расчета, хладнокровие, умение отыскать цель. Вместе со своими товарищами совершал по три-четыре боевых вылета в день, бомбил Сапун-гору, вражеские аэродромы, артиллерийские батареи. Вскоре друзья поздравляли Григория с первым большим успехом — потоплением крупного транспортного судна в бухте Севастополя. С Крымом связаны еще два больших события: он был принят в ряды Коммунистической партии, награжден орденом Красного Знамени.

Крым освобожден. Авиаполк перебазировался поближе к Белоруссии, где 23 июня 1944 года началось наступление советских войск. А на следующий день Полуянов за один вылет сжег три фашистских танка. В одном из воздушных боев Григорий выручил Герасимова, сбил немецкий самолет, пристроившийся к хвосту машины командира.

В тот же день на аэродром прибыл командующий воздушной армией генерал Т. Т. Хрюкин. За доблесть, проявленную при выполнении боевых заданий, спасение жизни командира он объявил летчику Полуянову благодарность и назначил командиром звена.

Немцы поспешно отступали, угоняли на Запад эшелоны. Командование поставило перед авиаполком задачу — перерезать железные дороги, не дать врагу уйти. В «битве на рельсах» Полуянов отличился снова. Об этом свидетельствуют награждение вторым орденом

Красного Знамени, новая благодарность командующего, награждение Почетным знаком железнодорожника.

В июле 1944 года наши войска вступили на территорию Литвы. Командованию стало известно, что три немецкие танковые дивизии готовятся к контрудару. К месту сосредоточения гитлеровских танков идут два эшелона с горючим. Штурмовики получили задание найти и разбомбить эти эшелоны, сорвать контрудар. Двенадцать ИЛов полетели к назначенному месту, но эшелоны не удалось обнаружить. Повернули назад, летели вдоль железной дороги. У одного из развязов Полуянов заметил, что железнодорожные пути прерываются в двух местах. Вот они, эти эшелоны, около них бензозаправщики. Увидев, что их обнаружили, немцы открыли зенитный огонь. Снаряд попал в машину Герасимова.

— Прощайте, друзья! Умираю за Родину! — услышали летчики голос майора. В следующий миг подбитый самолет врезался в один из эшелонов.

Летчики отомстили врагу за смерть командира. Они сожгли все цистерны, тем самым сорвав замысел гитлеровцев.

Вскоре бои шли уже на территории Восточной Пруссии. Полуянов, как заместитель командира эскадрильи, водил свою группу на новые и новые задания: бомбил скопления танков, колонны автомашин и пехоты, аэродромы, проводил воздушные бои. В феврале эскадрилья Полуянова разгромила восемь немецких колонн, двигавшихся на косу Фрише-Нерунг. В начале марта — взорвала большой склад боеприпасов.

В конце декабря 1964 года сестра Полуянова Наталья Павловна Курлюкова, живущая в Нижних Деревеньках со своей семьей, получила письмо из города Гжицко Ольштынского воеводства Польской Народной Республики. Учительница Алиция Ивановна Туньская извещала, что 9 мая 1965 года в Гжицко, куда перенесут прах Григория Полуянова, будет открыт памятник герою. Спустя некоторое время было выслано официальное приглашение. Вместе с полковником И. М. Белкиным, другом детства Полуянова, Наталья Павловна выехала в Ольштынское воеводство.

Пять дней провела Курлюкова в Гжицко. Память о тех днях сохраняет фотоальбом, подаренный польски-

ми друзьями сестре героя. Строгие холмики братской могилы, где захоронено 1700 советских воинов, отдавших свою жизнь за освобождение Польши. В одной из могил под номером 34 лежит прах Григория Полуянова, на обелиске выбито его имя.

В городе Гжицко учреждено Знамя имени Полуянова, его вручают лучшей молодежной организации. Имя героя присвоено отряду харцеров одной из школ города.

Свято чтят память о Полуянове на родине героя. Его имя носят улицы в городе Льгове, селе Нижние Деревеньки, восьмилетняя школа № 71, где учился Григорий. В селе на берегу Сейма открыт памятник.

Имя героя начертано на борту одного из больших морозильных траулеров Калининградской базы тралового флота. БМРТ «Григорий Полуянов» неустанно бороздит океанские просторы Атлантики.

В. Ключкин

Герой Советского Союза
Е. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

НЕБО ПОЗВАЛО

В едином порыве сотни людей встали навстречу знамени. Овеянное славой героических подвигов авиаторов-балтийцев 1-го минноторпедного полка, оно проплыло над головами гостей Рижского окружного Дома офицеров. Печатая шаг, знаменная группа — сыновья поседевших теперь воинов — прошла на сцену.

Там, на сцене, тридцать девять ветеранов полка, которые в феврале 42-го, принимая вместе со своими боевыми друзьями это гвардейское знамя, клялись не знать страха в смертельной схватке с врагом, бить фашистов до полного разгрома.

...Весть о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз застала полк на аэродроме под Ленинградом. С первых дней — бои: эскадрильи наносили удары по морским коммуникациям врага, громили его танковые и моторизованные колонны, рвущиеся к городу Ленина. Здесь начинался боевой счет полка, здесь совершил героический подвиг Петр Игашев. Уже горящий самолет он направил в сторону летящего рядом «мессера», а когда тот штопором полетел вниз, не колеблясь, устремил самолет во вражескую переправу.

Рождалась боевая слава 1-го минно-торпедного полка в Великой Отечественной. Полка с завидной военной судьбой.

Тридцать три авиатора гвардейской части удостоены в годы войны звания Героя Советского Союза. 216 кораблей, много боевой техники, тысячи уничтоженных немецких солдат, матросов и офицеров — таков боевой счет полка за годы войны.

...Гостеприимная Рига чествует ветеранов полка. Это чествование посвящено годовщине со дня первых налетов советской авиации на столицу гитлеровской Германии Берлин. В августе 41-го русские бомбы начали рваться в самом логове фашистского зверя. Возмездие. Его донесли в центр Германии на своих крыльях ДБ-3 1-го минно-торпедного полка авиации Балтийского флота под командованием Евгения Николаевича Преображенского. На сцене в президиуме люди, которые осуществляли и обеспечивали эти полеты.

Пройдут целые десятилетия, но не померкнет подвиг балтийских авиаторов. 9 мая 1945 года первый советский комендант поверженного Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин, направляя телеграмму авиаторам-балтийцам, писал:

«Летчики Балтики! Вы первыми начали штурм фашистской столицы с воздуха. Мы его закончили на земле и, выполняя приказ партии, правительства, водрузили Знамя Победы над рейхстагом. Поздравляю с победой!»

В числе первых, бомбивших Берлин, были П. И. Хохлов, А. Я. Ефремов — из пятерки отважных, удостоенные во главе с командиром полка Е. Н. Преображенским за те дерзкие налеты на Берлин высокого звания Героя Советского Союза.

— Не все дожили до полной победы над врагом, — говорил на встрече с представителями трудящихся Риги и моряков дважды Краснознаменного Балтийского флота Герой Советского Союза Андрей Яковлевич Ефремов. — Немало потеряли мы боевых друзей. Но память о них живет в сердцах ветеранов, живет в сердцах молодого поколения балтийцев, всего советского народа.

Несколько десятков минут полета от Риги до острова Сааремаа (Эзель). Отсюда в августе 1941 года

поднимались самолеты на Берлин. В столице Советской Латвии есть монумент в память об этом событии. Устремленная вдаль стрела опоры. С нее рвется за горизонт ДБ-3. На камне надпись: «Героям и ветеранам 1-го гвардейского минно-торпедного Клайпедского Краснознаменного полка».

...Войну с фашистской Германией Евгений Николаевич Преображенский начал, имея большой боевой опыт: он участвовал в боях с белофиннами. Высокой наградой — орденом Ленина — отмечены его подвиги. Назначение Преображенского командиром 1-го минно-торпедного авиаполка личный состав встретил как большое и радостное событие.

— Евгений Николаевич Преображенский — превосходный летчик и одаренный командир, — вспоминают его сослуживцы. — Он умел заставить подчиненных неукоснительно выполнять свои требования. Полк на все задания водил сам. Разговаривал с подчиненными спокойно, педантично выполнял все элементы полета и этого требовал от своих сослуживцев. Любил много летать. Если рядовые экипажи, к примеру, производили в сутки два боевых вылета, Преображенский стремился сделать три.

В числе других ему довелось «ставить на крыло» авиацию Страны Советов. Родился Евгений Преображенский в 1909 году на Вологодщине. Мечтал стать, как и его отец, сельским учителем. Но из педагогического техникума по комсомольскому набору ушел в военно-морское авиационное училище. Потом курсы усовершенствования при военно-воздушной инженерной академии, командование авиационными подразделениями. В тот день, когда грянула война, ему исполнилось тридцать два года.

Враг остервенело рвался к Ленинграду, Москве. А в Ставке Верховного Главнокомандующего зарождался смелый план налета советских бомбардировщиков на Берлин. Эта боевая операция поручалась авиаторам Балтики, в частности 1-му минно-торпедному авиационному полку, командовал которым Е. Н. Преображенский.

Этот приказ, вспоминают бывшие воины полка, нашего командира врасплох не застал. Он вместе со штурманом П. И. Хохловым и другими летчиками уже обсуждал возможность такого налета на Берлин и даже разработал схему полета с бомбовым грузом. В своей

книге «На флотах боевая тревога» бывший Народный Комиссар ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов писал: «Убедились, что если самолеты возьмут полный запас горючего и не более 750 килограммов бомб, то они пройдут расстояние до Берлина (около девятисот километров) за три с небольшим часа и вернуться домой, еще имея в баках остаток бензина».

Из-под Ленинграда лучшие экипажи полка перелетели на аэродром Кагул, который незадолго до войны был оборудован для истребителей на острове Эзель. Отсюда до Берлина было девятьсот километров.

Три дня давалось на подготовку. Ровно в 21.00 8 августа над островом вспыхнули сигнальные ракеты.

Для перегруженных самолетов коротка полоса разбега. Но выручили опыт и умение летчиков. Все ДБ-3, назначенные в полет возмездия, благополучно поднялись в воздух.

Скрытое сплошной облачностью море далеко внизу. Высота 6000 метров. За бортом самолета температура минус 30. Тяжелые летные доспехи сковывают движения. Давно уже одеты кислородные маски.

Левый разворот. Флагштурман Хохлов знает свое дело — прямо по курсу Штеттин. Так и должно быть. До Берлина 25 минут лета, а потом...

Улучшилась видимость. Внизу аэродром. Включены посадочные огни — принимают за своих: садитесь, мол. Велик соблазн нажать на кнопку бомбосбрасывателя. Но впереди куда как более важная цель.

Над Берлином луна. Здесь тоже не ждут налета — светит вовсю огнями немецкая столица, уверенная в своей безнаказанности.

— Рассредоточиться по своим целям! — подает команду командир полка. Его ДБ-3 тоже ложится на боевой курс. Хохлов открывает бомболуки, снимает предохранитель бомбосбрасывателя, устанавливает временной интервал серии бомб, включает навигационные огни, наводя ими на избранную цель — заводские корпуса. Перед полковником вспыхивают попеременно то красная, то зеленая лампочки. Это означает, что надо взять влево или вправо. Потом загорается белый свет, и в то же мгновение в наушниках раздается отрывистая команда штурмана:

— Боевой! Так держать!

Пора. Хохлов нажимает кнопку сбрасывателя. Самолет вздрагивает, освобождаясь от бомбового груза. Через сорок секунд там внизу шлема взрывов.

Разворот. Вот когда только заметались над городом лучи прожекторов, засверкали вспышки разрывов зенитных снарядов. А внизу чьи-то руки запоздало выключили рубильники — Берлин квартал за кварталом, квадрат за квадратом погружался в темноту. И лишь там, куда упал бомбовый груз, все ярче разгоралось зарево пожаров.

Возвращались, уклоняясь от прожекторных лучей, оставляя внизу аэростаты заграждения, приглушив моторы, чтобы по огонькам из выхлопных отверстий не дать обнаружить себя сновавшим вокруг ночным истребителям немцев.

В этой обстановке трудно было надеяться, что удастся вырваться к морю, и тогда стрелок-радист В. М. Кротенко сообщил на базу по радио от имени командира полка: «Мое место Берлин, Задачу выполнил. Возвращаюсь».

Из первого налета на Берлин самолеты полка Е. Н. Преображенского все как один вернулись на аэродром благополучно.

«Фашистам и в головы не пришло, — вспоминает в своей книге Н. Г. Кузнецов, — что их столицу бомбили советские самолеты. На следующий день в немецких газетах было опубликовано такое сообщение: «Английская авиация бомбардировала Берлин. Сбито шесть английских самолетов». На это англичане ответили: «Германское сообщение о бомбежке Берлина интересно и загадочно, так как 7—8 августа английская авиация над Берлином не летала». Не верить этому не было оснований. Пришлось немцам сделать вывод, что этот успешный налет произведен советскими самолетами. Вот тебе и скорая победа на советско-германском фронте, вот тебе и уничтожена советская авиация».

Налеты на Берлин под командованием полковника Е. Н. Преображенского повторялись еще не раз. Последний налет советской авиации был совершен 5 сентября 1941 года. И только после того, когда нашим войскам пришлось оставить Таллин, полеты с острова Эзель стали невозможны.

— Всего за период налетов на Берлин, — рассказывает В. М. Кротенко, полковник запаса, — летчики 1-го минно-торпедного полка сбросили 311 бомб различного калибра, общим весом 36 050 килограммов. Уместно привести сравнение. Англо-американская авиация за весь 1941 год сбросила на район Берлина 35 500 килограммов бомб — столько же, сколько морские летчики Балтики за один месяц!

Летчики 1-го минно-торпедного полка под командованием Преображенского героически защищали Ленинград. Они наносили мощные бомбовые удары по обстреливающим город батареям противника, уничтожали его живую силу и технику, топили боевые корабли и транспорты в Финском заливе и Балтийском море, ставили мины на морских фарватерах.

В начале 1942 года 1-му минно-торпедному авиационному полку, одному из первых на Балтике, присваивается звание гвардейского, а Преображенского назначают командиром 8-й авиабригады.

— И на этой новой должности, — вспоминает Герой Советского Союза П. И. Хохлов, — Преображенский зарекомендовал себя как один из лучших командиров авиасоединений флота.

Он был удивительно скромным человеком, беззаветно любил детей. В голодные дни блокады Ленинграда с ними делил свой скромный паек. По его распоряжению улетавшие на ремонт самолеты всегда попутно вывозили ослабленных от голода ленинградцев, и в первую очередь детей.

В 1943 году полковника Преображенского назначают начальником штаба ВВС Северного Флота. «Весь свой опыт, — говорится о Е. Н. Преображенском в Советской Военной Энциклопедии, — он использовал для повышения боеспособности авиации этого флота и внес большой вклад в организацию боевой деятельности авиации Северного Флота при защите своих и союзных морских коммуникаций, а также в ходе Петсамо-Киркинесской операции 1944 года».

Война с фашистской Германией близилась к концу. Шли бои на подступах к Берлину. Безраздельно господствовала советская авиация в небе. Уже не десятки, а сотни и тысячи тонн бомб сыпались на врага. Неизме-

римо возросли сила и мощь ВВС страны, обогатился опыт ее командиров.

В апреле 1945 года генерал-лейтенант авиации Е. Н. Преображенский направляется на Дальний Восток, где становится заместителем командующего ВВС Тихоокеанского Флота. Он активно участвовал в подготовке боевых операций против квантунской армии Японии, а когда началась война на Дальнем Востоке, обеспечивал боевые действия авиации флота, лично организовывал высадку воздушных десантов в Порт-Артуре и Дайрене.

С февраля 1946 года по 1950 год генерал Преображенский был командующим Военно-Воздушных Сил Тихоокеанского флота. С февраля 1950 года в течение двенадцати лет генерал-полковник авиации Е. Н. Преображенский командовал всей авиацией Военно-Морского Флота СССР.

Это были годы, когда авиация Страны Советов, в том числе и морская, становилась всепогодной, ракетной, ядерной, способной поразить врага в любом районе земного шара.

Весомый вклад в становление боевого щита Родины — ее славных военно-воздушных сил — внес известный военачальник, верный сын Коммунистической партии, советского народа, Герой Советского Союза Евгений Николаевич Преображенский.

Он умер 29 октября 1963 года. Но память о нем живет.

Его именем назван сейнер-тунцелов Калининградской базы тралового флота.

А. Здоров

Герой Социалистического Труда
Г. К. ПРОКУС

«ИЗ ОДНОГО МЕТАЛЛА ЛЬЮТ...»

Это случилось в Калининградском историко-художественном музее. В зале с реликвиями трудовой славы калининградцев только что произошла встреча и душевная беседа юношей и девушек с капитаном среднего рыболовного траулера Героем Социалистического Труда Георгием Константиновичем Прокусом. Вручив им комсомольские билеты, он сердечно и тепло напутствовал вступающую в большую жизнь молодежь.

— Будьте достойными продолжателями дела своих дедов, отцов и старших братьев, — сказал Г. К. Прокус. — Старшие поколения не жалели ни сил, ни самой жизни ради вашего счастья, мира на земле.

Вместе с ребятами Георгий Константинович перешел в соседний зал. Остановился у стендов с экспонатами времен Великой Отечественной войны, под боевыми знаменами воинских частей, снискавших себе неувядаемую славу при штурме фашистской твердыни города-крепости Кёнигсберга. В глазах Прокуса как бы отразилось пламя минувших битв. Георгий Константинович пошатнул-

ся, прижал руку к груди, в которой вдруг перестало биться сердце...

А спустя месяц во Дворце культуры моряков шла запись популярнейшей в народе телевизионной передачи «От всей души». По замыслу ее режиссеров главным героем передачи должен был стать Г. К. Прокус. В Калининград приехали его боевые друзья, со сцены должен был прозвучать рассказ о сегодняшнем дне известного на всю страну рыбацкого капитана.

Передача та состоялась. И миллионы телезрителей от Балтики до Тихого океана в едином душевном порыве склонили голову в память о храбром воине — защитнике Родины, неутомимом труженике — строителе коммунизма. В память...

Родился Жора Прокус у моря Азовского. Не сказать какой большой порт Геническ, но и отсюда открывались безбрежные дали. Гололузое, голодное детство — волна за волной прокатывались по югу России беды. Белые банды, Красная армия, потом опять белые... Прошло немало времени, пока жизнь вошла в колею.

Отца не помнил. Умер он в 1918-м, в том самом году, когда родился Жора — четвертый в семье ребенок. Потом мать привела отчима. Как и отец, тоже был повенчан с морем. Навсегда сохранились в памяти его рассказы о других странах, о людях, что живут на берегах разных океанов.

Большая семья. «Каждый себя кормить должен», — сказал отчим. После пятого класса, в тринадцать лет, поступил Жора Прокус в ФЗУ.

Пятнадцати еще не было, а Прокус уже плавал на морских судах. В восемнадцать стал капитаном комсомольско-молодежного сейнера Нижне-Примпосадского рыбпрома, что тоже приписан к Геническу. И жил мечтой о большом морском деле. Как-то от друзей услышал о возможности поступить в училище, которое готовит морских пограничников. Эта мечта не давала покоя. Но для ее осуществления необходимо было получить образование. И в 1940 году он добился своего, стал курсантом Высшего пограничного училища в Ленинграде.

Занимались по ускоренной программе. 22 июня грянула война, а через два дня состоялся выпуск мичманов: «Сдавать экзамены будете в бою», — напутствовал представитель Военного совета штаба Балтийского флота.

...Низко сидящий над водой кораблик. Танковая башня с 76-миллиметровым орудием. Пулеметы. Мощные, позволяющие развивать до 20 узлов скорость двигателя. Двадцать два человека — команда. Это бронекатер. Незаменимая в условиях сражения в шхерах, у рек и на озерах боевая единица флота. Осадка небольшая, но маневренность и скорость — что надо. Можно высаживать десанты, наносить огненные удары по береговым укреплениям противника.

Все это хорошо усвоил командир бронекатера БКА-71 мичман Прокус в стенах училища. И когда ему пришлось «сдавать экзамен» у стен Сталинграда, защитил свой «диплом» на «отлично».

Враг у Волги. И поэтому таким длинным показался по рекам и каналам путь бронекатеров к Сталинграду. Скорей, скорей на помощь защитникам волжской твердыни.

Вот он окутанный дымом, многострадальный, но устоявший под натиском фашистских полчищ город.

Два бронекатера получили задание идти к тракторному — огнем своих орудий кромсать технику и укрепления немцев. Прошли сквозь разрывы снарядов к правому берегу удачно, прижались к обрыву. Совсем рядом — железнодорожный переезд. Тихо подошел и остановился фашистский эшелон. Огонь с короткой дистанции по врагу был точен.

Разъяренные немцы обрушились на смельчаков. Отходили на полной скорости. Крупнокалиберный снаряд насквозь прошел соседний бронекатер. Вспыхнул и тут же усилиями команды был потушен на нем пожар. Но бронекатер потерял ход — течение понесло его к занятому врагами участку берега реки.

Сам погибай, а товарища выручай — такая у русских моряков заповедь. Верен ей и Георгий Прокус. Под сильным обстрелом подан швартов на поврежденный бронекатер. Взрели моторы БКА-71. Сквозь водяные фонтаны разрывов он уводит подбитый катер за поворот.

Тяжелая рана. Боевая награда за смелые действия. Они были первыми у Георгия Прокуса на длинной военной дороге от Сталинграда до Вены. Первыми, но не последними.

Потом были бои на Азовском море. Здесь родилась слава таких известных героев-катерников, как П. И. Державин, В. И. Великий, К. И. Воробьев, А. К. Абдрахманов, — боевых побратимов Георгия Прокуса. Он был смелым и решительным, выходил победителем даже тогда, когда, казалось, уже ничто не могло спасти БКА-71, его экипаж храбрецов.

Боевая мощь бронекатера возросла: вместо орудий на нем теперь установки гвардейских минометов. Дерзкие рейды к занятым врагами берегам. Потери противник нес ощутимые.

12 октября 1943 года Ставка Верховного Главнокомандования предписала Северо-Кавказскому фронту подготовить и провести крупную десантную операцию, имевшую цель захватить плацдарм на Керченском полуострове и тем сковать силы гитлеровцев в Крыму, не дать использовать их против 4-го Украинского фронта. Выполнение операции возлагалось на 56-ю, 18-ю армии и 4-ю воздушную армию Северо-Кавказского фронта, Черноморский флот и Азовскую флотилию.

Вот один из эпизодов боев за Керчь, участником которых был Георгий Прокус. Бывший начальник штаба Азовской флотилии капитан I ранга запаса А. В. Свердлов рассказывает. Во время высадки десанта на Керченский полуостров БКА-71 был окружен тремя быстроходными десантными баржами и пятью торпедными катерами противника. Тогда командир катера гвардии лейтенант Прокус решил пройти между двумя быстроходными баржами, хотя расстояние между ними составляло всего 30 метров. Обстреливая вражеские корабли, бронекатер устремился к ним. Замысел удался полностью. Решительный маневр БКА-71 заставил немецкие корабли отойти. Раненный в голову, командир довел бронекатер в базу, принял на борт очередную группу бойцов и снова отправился в район высадки десанта.

На груди Г. Прокуса рядом с медалью «За отвагу» засверкал орден Красного Знамени.

Низовья Днепра и Днестра, лиманы. Бесчисленные рукава дельты Дуная. Через них корабли бывшей Азовской (теперь Дунайской) флотилии устремились к самому центру Западной Европы. Впереди были Измаил, румынский Галац, впереди были Белград, Будапешт, Братислава.

«В бою не было упорнее и веселее Прокуса, — вспоминает в своей книге «По велению долга» бывший начальник политотдела бригады контр-адмирал запаса А. Я. Пышкин, — опасность его захватывала целиком. То был настоящий боец, готовый служить партии и народу до последнего вздоха, до последней капли крови».

...Стремительно несется бронекатер по Дунаю. На полном ходу врывается в порт Галац. Здесь тесно от транспортных и боевых кораблей противника. Но враг деморализован. Дерзкий палет гвардейцев Прокуса приводит фашистов в полное смятение. Гремит канонада у Галаца — то сухопутные войска сжимают кольцо вокруг города. А в порту тишина. Плывут по водной глади сорванные с немецких кораблей флаги со свастикой. Гордо развевается на невысокой мачте БКА-71 военно-морской стяг флота Страны Советов. Через час вся бригада бронекатеров вошла в Галац.

Победу праздновали в Вене. Парад прославленных дунайцев принимал маршал Ф. И. Толбухин. Флаги расцветивания на бронекатерах. Стройные шеренги моряков — воинов-богатырей, с честью выдержавших испытания войны на долгом пути от Сталинграда до столицы Австрии.

Вот она, победа!

Война, война. Сколько она жизнью унесла. Пепел и камни разрушенных городов — вот что видел Георгий Прокус на берегах морей и рек. Истосковались сердца по близким людям, руки — по мирному привычному труду.

Прокус ни о чем другом не думал, как вновь вернуться на Азовье, со своими старыми друзьями на выдавшем виды рыболовном мотоботе выйти в море.

Своей мечте он остался верен, хотя и внесла жизнь в будущее Прокуса свои коррективы. Оказался он после службы не на Азовском море, а на берегах седой Балтики, слышался о новом рыбном крае.

Не пошел ни в УЭЛ, ни в Моргентство по перегону судов. Причины? Кто их теперь узнает? Только тогда сразу Прокус поехал в Мамоново, где находился рыболовецкий колхоз «Балтиец».

Председательствовал в то время Василевский. Покорил Прокус председателя. Еще бы. Бравый молодец, ордена — два боевых Красного Знамени, Отечественной

войны I степени, югославский «За храбрость», медали. Василевский от себя Прокуса не отпустил.

— Бери «Ковжу», командуй, — сказал он.

Ловили салаку в заливе. Выходили время от времени в Балтийское море — на треску. Не все получалось как надо. Бывали и в пролове. Молодой капитан понимал: во всем нужна сноровка, да и условия промысла пока что для него — лес темный. На Азове другую рыбу ловить приходилось, а у каждой породы, кому это неизвестно, свой характер. Впрочем, это не очень тревожило Прокуса. Опыт, рассуждал он, дело наживное. И обогащался им — за счет собственных наблюдений, а главным образом учился у новых своих товарищей по работе, отлично знавших к тому времени повадки, пути миграции. Волновало больше другое: как создать боевой и работоспособный экипаж. Понимал, без настоящих людей в команде успеха не добьешься, будь ты семи пядей во лбу. Настоящим людям Прокус цену знал. И не прочь был при любом случае вспомнить своих боевых друзей Федора Сурядова, Тимофея Ливина, Сергея Гилева, Петра Козенкова, прошедших вместе с ним всю войну. Потому и выходили из любого боя победителями и врагу ощутимый урон наносили, что дружбой и сплоченностью, смелостью и отвагой эти ребята все как один отличались.

Большинство рыбаков не только с интересом слушали Прокуса, но и, замечал капитан, становились день ото дня подтянутее, в деле сноровистее. Но оказались в экипаже и безнадежные лодыри, и пьяницы. «Лечению» не все поддались. Вот как, например, тот первый тралмастер, фамилию которого Прокус постарался сразу же забыть, как только списал его с «Ковжи». Часто подводил команду из-за своей несусветной лени, поначалу может быть и не крупно, а потом такую «свинью подложил», что и капитан, и вся команда в один голос: хватит, натерпелись!

Зато, когда чуть ли не совсем случайно познакомились с Федором Толстых, все свое обаяние пустил в ход капитан, уговорил-таки его перейти на «Ковжу». Быстро убедился экипаж: Федор Толстых для них находка — хлопотливым, непоседливым и отличным тралмастером он оказался.

Кое-кто не выдержал требований, которые были слишком высокими для людей недисциплинированных.

Ушли. Да их и не держал Прокус. Терпеливо создавал ядро экипажа. В ту пору вошли в него механик Анатолий Шмелев, помощник капитана Александр Семенов, радист Валерий Волков... Об этих людях, о первом экипаже, любил потом вспоминать Георгий Константинович до конца своей жизни. Ведь не будь тех ребят, может и не решился бы на смелое по тем временам дело Прокус. Для колхозных рыбаков области он проложил дорогу в Северное море.

Будут позже рейсы на банку Джорджес к берегам Америки, и в южные широты Атлантики, но уже на более совершенных судах — СРТ, СРТМ. А тогда кое-кто чуть ли не за сумасшедших считал Прокуса и его товарищей: «На этой-то калаше...» Но сильно, зная, верил капитан в своих людей, да и мореходными качествами «Ковжи» был вполне удовлетворен. «С задачей справимся», — убеждал Прокус правление колхоза. И доказал.

Показались не такими трудными и переход в Северное море, и штормы. Но рыба сама в трал не пошла. Опять этот рыбий характер! Опять надо учиться искать ее, приспособлять орудия лова.

Квадрат за квадратом прощупывала «Ковжа» море, теперь уже на пару с «Катунью», где капитаном был Кирсанов. Шли в плане, но не больше того. Тощими поднимали раз за разом тралы на борт.

Приглядываясь к работе добытчиков. Мелькнули какие-то мысли о «поведении» трала в глубине: как он там раскрывается, «заглатывает» рыбу. Досадовал — обрывочные получались мысли. Это позже появились всякие приборы: и скопление рыбы укажут, и о работе трала точно проинформируют. А тогда всё больше полагаться приходилось на интуицию. Благо, Прокуса бог этим не обидел. Вместе со своими помощниками (недостатка в них не было) перестроили трал. Пригодилась, пришедшая на память конструкция трала, ранее увиденного.

И заработала «Ковжа». Первое траление — семь тонн! Невиданный результат. То первое в Северном море рейсовое задание было значительно перекрыто. По образцу прокусовского переделали потом тралы для всего колхозного флота — не в характере Георгия Константинови-

ча держать от товарищей свои секреты лова. Общий успех был для него главное личное.

А потом команде дали новое судно: теперь уже не на МРТ — малом рыболовном траулере, а на сейнере ухаживала команда в Северное море. Хоть и грустно было покинуть старенькую «Ковжу», но сейнер не в пример ей куда как более надежен: машина посильнее, приспособления разные, условия быта получше.

Обживали недолго. И в одну из ночей Прокус вывел сейнер в открытое море. И опять успех, о котором заговорил весь флот. Кое-кто говорил: везучий, мол, капитан. А дело не в везении, конечно, было. Неумный в работе Прокус, — так утверждали и тогда, и позже члены его команды. Не надо верить в слепую удачу, — учил своих рыбаков капитан. И он сам, и механики, и матросы были воспитаны, как настоящие труженики моря, — неумимыми в работе, готовыми, если нужно, отказать себе в отдыхе. Восемь тралений в сутки проводил экипаж, до минимума сократив холостые пробеги, время на выборку и подготовку трала к очередной поставке его. Давалось это не просто, но тем значительнее была очередная победа промысловиков.

А Прокус продолжал поиски. Отрабатывал технологию и методы лова, теперь уже используя накопленный в Северном море опыт, на облове балтийской кильки, салаки, тресковых. И не по интуиции, а на основании большого личного опыта совершенствовал и дальше орудия лова. Меньше чем с полуторным планом не возвращался экипаж Г. К. Прокуса из рейса.

На Выставке достижений народного хозяйства СССР экспонировались тралы Прокуса, сам он был удостоен серебряной медали ВДНХ. Широко разнеслась слава о трудовых успехах экипажа во главе с Г. К. Прокусом.

Ему было сорок, а он учился. В сорок девять он окончил полный курс Калининградского мореходного училища по специальности морское судовождение. Учился, разумеется, без отрыва от моря.

Ему было сорок, когда по радио был передан, а в газетах напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Георгию Константиновичу Прокусу звания Героя Социалистического Труда «за особые заслуги в развитии рыбного промысла в открытых морях и достигнутые высокие показатели в добыче рыбы».

Тогда отозвались многие из боевых друзей Прокуса. Не было счета поздравлениям от рыбаков. Знай, Костя,— говорил не один словами поэта — «из одного металла льют: медаль за бой, медаль за труд».

Газетные статьи, фотографии, письма. Многие из них — свидетельства трудовых подвигов экипажа, возглавляемого теперь Героем Социалистического Труда Г. К. Прокусом.

Вот один из трудовых рапортов колхоза «За Родину», в который влился к тому времени «Балтиец». Датирован он 1965 годом. «Смело шагнув за десятитысячный рубеж, экипаж СРТ-4130 (капитан Г. К. Прокус) при годовом задании 6241 центнер выловил менее чем за девять месяцев 11 394 центнера».

Почти всегда СРТ-4130 «Миргород» встречали с оркестром. И в тот год, в канун 47-й годовщины Октября, возвратился траулер с очередной победой. На пирсе родные и близкие, руководители колхоза, пионеры с цветами.

Закреплены швартовы, подан трап. По-морскому лаконично капитан Г. К. Прокус доложил о результатах рейса: «При задании 4249 центнеров выловлено 8377 центнеров». Без малого два рейсовых плана!

«...Чтобы, умирая, воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела...» От причалов колхоза «За Родину» вновь и вновь уходит в рейсы СРТМ-8058 «Георгий Прокус». Есть во Взморьевской школе, где учатся дети колхозных рыбаков, пионерский отряд имени Прокуса. Как героя минувшей войны и труда чтут Георгия Константиновича ребята клуба «Гангут», что находится в далеком Тольятти Куйбышевской области.

Коммунист Георгий Прокус в строю.

А. Здоров

Герой Советского Союза
А. И. РЕНЗАЕВ

ТАРАН

Озера и болота. Да дремучие леса. И среди них затерялась Голодовка—бывшее владение князя Муравьева-Амурского. Позже купил эти неотзывчивые на урожай земли другой помещик—Зайцев. Крут был и прижимист, умел тянуть сок из мужиков, да так тянул, что и после революции еще долго приходили в себя крестьяне.

В сельской школе-четырёхлетке, куда из Моршанска в 1919 году приехал учительствовать Иван Селиванович Дыхпилкин, член большевистской партии, часто устраивались спектакли. Инсценировка по поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» особенно пришлась по душе и старым и малым. Никто и не замечал маленькой импровизации ведущего, когда он, перечисляя деревни, откуда собрались семь мужиков и заспорили, называл и свою Голодовку. Не в одной рифме дело было: Заплатово, Дырявино, Горелово, Неелово—сколько их, бедных деревень, в ту пору было разбросано на пензенской земле.

В семье Ивана Рензаева—шестеро. Горькая доля бедняка. Отец тянул изо всех сил. Слабыми они оказались у матери—рано увяла ее молодость, рано ушла она в могилу.

А тут еще пожар. Хорошо, что из детей никто не сгорел.

Так бы и пришлось наверное с сумой ходить по свету всей шестерке. Да в самый раз грянула революция: словно подсмотрела судьба, что таким, как Рензаевы, и другой голытьбе жить стало совсем не в мочь.

Те триста гектаров земли, которыми владел за околицей Голодовки Зайцев, перешли крестьянам. Скот, инвентарь тоже поделили между бедными.

— Наша это революция, мужицкая, — любил повторять детям Иван Рензаев. — Счастливые вы у меня.

И хоть лютовали кулаки, временами объявлялись в те первые годы где-то припрятавшиеся помещичьи сынки, но своим крепким умом доходил отец до истины, что Советскую власть уже никому не свалить. Подрастали ребята и тоже опорой этой власти в Голодовке становились. Членом первой комсомольской ячейки села, созданной по инициативе учителя-большевика Дыхпилкина и насчитывавшей поначалу шестнадцать человек, состоял и Алексей Рензаев — будущий авиаштурман, Герой Советского Союза.

— Был Алексей общительным и любознательным парнем, — вспоминает его старший брат Александр. — Тянулся к ребятам постарше, и те ценили его смекалку, выдержку. Доверяли ему.

Борьба с бандитизмом, религией — опиумом народа, с самогонварением... Работа в ликбезе — чтобы власть Советская на селе день ото дня крепла. Этими заботами и жила голодовская комсомолия.

Это по ее инициативе первой в уезде была закрыта церковь. Попа — на все четыре стороны, его дом, просторнее и красивее не найдешь в Голодовке, определили под клуб.

Гордился Алексей, что это его друзья-комсомольцы Сергей Аратов и Иосиф Вдовин подстерегли и схватили наводившего страх на всю округу бандита Тимофея Игнатьева, позже расстрелянного за свои злодеяния.

Еще выше поднялся авторитет ячейки, когда комсомольцы выявили истинного виновника поджогов изб активистов: по наущению кулацкой своры их устраивал Борис Громов. Подкулачник тоже получил свое.

В огне классовой борьбы в деревне мужал и закалялся характер будущего военного летчика Алексея Рензаева.

...Шла первая пятилетка. Все прочее на индустриальные рельсы вставала Страна Советов. Крепила свою оборонную мощь на земле, на воде и в воздухе.

В военную авиацию по комсомольскому набору пошел и Алексей Рензаев. Так начался второй и самый важный этап в его жизни.

Он учился в Ленинградской военно-теоретической школе летчиков. Закончил ее в 1933 году.

В Германии к власти пришли в этот год фашисты. В своей пресловутой книге «Майн кампф» Гитлер еще задолго до этого провозгласил поход на восток. Теперь бесноватый фюрер имел все для того, чтобы попытаться осуществить свои бредовые идеи.

В то предгрозовое время советский народ жертвовал многим, стремясь настоящим образом вооружиться и быть готовым к отражению врага.

Учился воевать настоящим образом и вновь переучивался Рензаев. Закончил в 1937 году курсы летчиков-наблюдателей при Ейском военно-морском училище. Для прохождения дальнейшей службы летчик-наблюдатель получил назначение на Краснознаменный Балтийский флот.

В отдельной авиаэскадрилье, куда попал Рензаев, молодой военный летчик быстро зарекомендовал себя человеком находчивым и в летном деле умелым. Любили летчики выполнять с Алексеем учебные полеты. Так уж получалось, бывало: ни одна сколько-нибудь интересная цель в море или на земле не останется им не замеченной и не распознанной. А это важное условие выполнения поставленной перед экипажем задачи.

Боевая смекалка, умение ориентироваться в любой обстановке и при любой погоде — все эти данные были взяты во внимание, когда было решено переквалифицировать Рензаева в авиационные штурманы. В нем не ошиблись. Так же успешно и в короткий срок он научился выводить самолет на учебные цели, с первого захода поражать их.

— Перспективный офицер, — говорили о Рензаеве его старшие командиры.

В кругу друзей часто заходил разговор о том, что теперь уже скоро пригодится наука воевать. Все сильнее разгорался всемирный пожар, и гибли в нем государство за государством. Расползлось на карте пятно из пора-

женных коричневой чумой территорий. Война была не за горами.

Еще накануне они отрабатывали учебную задачу. А ночью прозвучала настоящая тревога. Утром первый полет морских ближних разведчиков над Финским заливом. Шли к Ленинграду грузовые пароходы. Спокойно резал волну белый теплоход. На миг представил себе Рензаев пассажиров, которые ничего не знают, сейчас с палубы любуются морем и не думают о том, что, может быть, рядом притаилась вражеская субмарина, готовится нанести удар исподтишка. До боли в глазах всматривался авиаштурман в морскую гладь.

...Словно и не было мирного неба над землей. Всего несколько дней идет война, а кажется, что уже давно только тем и занимается экипаж морского разведчика, что с утра до позднего вечера петрулирует над морем. Белые ночи как раз. Так что на сон остается времени мало. Да и до сна ли? Рвутся к Ленинграду немцы.

Главная опасность грозит городу с суши. И все чаще 58-я отдельная авиаэскадрилья, в которой служит Рензаев, переключается на разведку наземных целей. Наведение тяжелых бомбардировщиков, корректировка артиллерийского огня, в том числе и с кораблей, — скоро все это стало будничной работой, опасной, как всякая на войне, нужной.

Приходилось и самим наносить бомбовые удары. Ощутимый урон противнику был нанесен в районе озера Сармо, где сконцентрировались его бронетанковые части. Маршал К. Е. Ворошилов, командовавший тогда Северо-Западным фронтом, объявил благодарность отличившимся летчикам эскадрильи, в том числе и А. И. Рензаеву. Несколько позже эскадрилья столь же успешно наносила бомбо-штурмовые удары по противнику в районе Красно-го Села и Дудергофа. Шел сентябрь 1941 года.

Ленинград в блокаде. Защищает его и Рензаев. Теперь он уже штурман 1-й авиаэскадрильи 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка. Того самого, который в августе наносил бомбовые удары по логову фашистского зверя — Берлину. С острова Эзель перебазировались самолеты полка на аэродром северо-восточнее Ленинграда. Поднимались в воздух и ложились на курс в тыл врага, патрулировали над железнодорожной веткой, уходящей сквозь заснеженные леса к ледовой «Дороге жизни».

Ему, Рензаеву, везло на хороших командиров. И в Рензаеве командиры находили все те качества, которые так необходимы боевому штурману. Наверное поэтому так быстро сошлись первый комэск Меркулов и его штурман. Они в одно и то же время занимались в Ейском авиационном училище, но не пришлось там познакомиться. Потом их дороги и вовсе разошлись: Василия направили на Северный флот, Алексея на Балтику. Но они должны были встретиться, эти два мужественные, достойные друг друга человека.

Выше среднего роста, плечистый, медлительный на земле, Меркулов преображался в воздухе — становился дерзким в бою, смело шел в атаку, не терял при этом хладнокровия и самообладания.

Под стать командиру и штурману были начальник связи эскадрильи, в полетах исполнявший обязанности стрелка-радиста, старшина А. П. Грибовский, воздушный стрелок младший сержант В. С. Растяпин.

15 октября 1944 года командир 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного Краснознаменного полка Герой Советского Союза Борзов подпишет представление на присвоение звания Героя Рензаеву:

«За период с начала Отечественной войны совершил 283 боевых вылета. Из них: на бомбодары по живой силе и военно-морским базам противника — 172, на крейсерство — 54, уничтожение минных полей — 10, постановку мин — 18, спецзадание — 15, на разведку Финского залива и ВМБ — 6, поиск и уничтожение подлодок противника — 8».

Большинство этих полетов Рензаев совершил в составе экипажа Меркулова.

Полеты, полеты... Здесь все они проходят над захваченной врагом территорией. И на каждом километре зенитки, немецкие истребители. Прорываясь сквозь эти заслоны, шли ДБ в глубокий вражеский тыл.

...И на этот раз штурман вывел эскадрилью точно на цель. Промелькнувшие сквозь разрывы облаков знакомые ориентиры подтвердили: внизу Нарва. Вот и железнодорожная станция. Она забита эшелонами с техникой и живой силой противника. Запоздало открыли огонь зенитки. Вниз посыпались бомбы. А через несколько минут

уже ничего нельзя было увидеть на земле: стационарные постройки, вагоны окутали клубы дыма.

Лишь некоторое время спустя воздушная разведка смогла оценить работу бомбардировщиков: ничего не осталось от трех эшелонов, взлетел склад боеприпасов.

Вот еще один эпизод из боевой жизни эскадрильи. 18 мая 1943 года она получила задание нанести бомбовый удар по военно-морской базе противника Котка. И опять отличился А. И. Рензаев — бомбометание было прицельным и поэтому результативным. Прямо у стенки затонул немецкий танкер водоизмещением шесть тысяч тонн. Не стало склада боеприпасов.

«За потопление 7 транспортов противника общим водоизмещением 38 000 тонн и танкера водоизмещением 6000 тонн, повреждение одного СКР и сетевого заградителя, за уничтожение 4 железнодорожных эшелонов и нескольких складов с боеприпасами капитан Рензаев Алексей Иванович достоин высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза.

Командующий Краснознаменным Балтийским флотом адмирал Трибуц.

Член Военного совета флота вице-адмирал Смирнов».

Это было в декабре 1944 года. А Указом от 4 марта 1945 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил А. И. Рензаеву высокое звание Героя Советского Союза.

Война шла к концу. Но на земле, на воде и в воздухе продолжались ожесточенные бои.

1-й гвардейский МТАКП базировался на аэродром в нескольких километрах от Паланги. Крупная группировка немцев, курляндская, имела связь со своими только по морю. Не дать врагу уйти безнаказанным с полуострова, не пропустить подкрепления — такую задачу получили авиация и боевые корабли КБФ.

...19 марта, как и в другие дни боевой весны, на аэродроме шла дружная работа. Один за другим, читаем мы в истории 1-го гвардейского авиаполка, уходили в бой и возвращались с победой экипажи.

К середине дня погода несколько ухудшилась, но для крейсерских полетов она еще была вполне благоприятной. Тем более их нельзя было откладывать, поскольку разведка отметила выход из баз немалого количества кораблей врага, которые надо было отыскать и уничтожить.

В 14 часов 42 минуты самолет командира эскадрильи Меркулова взлетел, за ним поднялись в воздух трое ведомых — самолеты младших лейтенантов Масальцева, Подъячева и Головчанского.

Более двух часов не удавалось обнаружить ни одного вражеского судна. И вдруг — думы на горизонте. Вскоре Рензаев доложил командиру: идет вражеский конвой в составе пяти крупных транспортов и восьми кораблей охранения.

План атаки созрел моментально. В шлемофонах послышался уверенный голос комэска:

— Масальцев! Бомбами атаковать головной сторожевик! Головчанскому — бомбами, Подъячеву — торпедой уничтожить головной транспорт! Я атакую второй транспорт. Вперед!

Из воспоминаний И. Головчанского:

«От ударов нашей пары перевернулся и затонул головной транспорт. А что с командиром? Его самолет не маневрирует, за ним тянется шлейф дыма. Но он стремительно приближается к цели. И вот обжаты пламенем, всей многотонной массой врзается в огромный фашистский транспорт. Колоссальной силы взрыв, и через несколько минут судно скрылось в морской пучине».

Произошло это на траверзе Нойкурена (ныне г. Пионерский).

Имя одного из членов экипажа — Героя Советского Союза А. И. Рензаева — носит ныне судно Пионерской базы Океанрыбфлота СРТ-8213. В г. Пионерском на улице, носящей имя Рензаева, установлена памятная доска с надписью: «Улица Рензаева названа в память Героя Советского Союза, штурмана авиационной эскадрильи КБФ, гвардии майора Алексея Ивановича Рензаева (1912—1945)».

А. Здоров

Герой Советского Союза
Н. И. СЕМЕЙКО

СОВЕТСКИЙ АС

— Курсант Семейко!
— Я!

Из строя вышел коренастый темноволосый парень. Среднего роста, одетый в летный шлем и комбинезон, он ничем не выделялся среди товарищей.

— Курсант Семейко, — продолжал инструктор, — получите задание на самостоятельный полет! — Голос пилота был строг, тон официален, но тут же он добавил: — Только не волноваться, Николай, спокойно — и все будет в порядке.

Первый самостоятельный вылет. Пройдет несколько минут, и он, семнадцатилетний паренек, поведет учебную машину в голубую высь.

Пусть простым будет первое задание, пусть десятки раз ты выполнял его с инструктором — все равно запомнится полет навсегда.

...В семье Иллариона Ефимовича и Натальи Романовны Семейко Коля был младшим из пяти сыновей. Да еще было четыре дочери — большая дружная семья. Коля рос мальчишкой живым, любознательным. В семь лет вместе со старшими братьями переплывал речку Торец. Позже увлекся рыбалкой, велосипедом. Зимой, как только устанавливалась лыж-

ня, после уроков вместе с друзьями уходил на лыжах за город.

Была у Коли одна особенность: все, за что брался, непременно доводил до конца. Однажды на уроке военного дела, когда стреляли из малокалиберной винтовки, «промазал» дважды, только одна пуля попала в мишень. Задело за живое — начал посещать стрелковый кружок, досконально изучил винтовку и добился лучших результатов по школе.

Купил старший брат мотоцикл — по довоенным временам редко у кого они были, — Коля сумел быстро овладеть машиной и ездил не хуже брата.

Около дома, где жили Семейко, пустырь был. Решил Коля разбить сад: сам разметил участок, расчистил его, посадил яблони, груши, виноград, смородину. Все дивились трудолюбию подростка.

А в аэроклуб поступил с дальним прицелом: мечтал о летном училище. Аэроклуб и девять классов Коля закончил в сороковом, подал заявление в Луганскую школу ВВС.

Недолгий путь до Луганска, первые построения в училище, первая ночь в карауле. И война. Трудные думы о том, как поскорее попасть на фронт, вступить в бой с врагом. Когда враг подошел к Донбассу, училище отправили в тыл.

— Скоро ли в бой, скоро ли доверят самолеты? — торопили курсанты своих командиров.

В феврале 1943 года Николай получил боевое крещение на Южном фронте. Впервые в строю ИЛов штурмовал он вражеские позиции. В одном из боев осколком ранило Семейко, и он попал в госпиталь. После лечения летчика хотели направить в санаторий, но Николай попросил:

— Славянск освобожден, отпустите на пару дней домой, а там в полк.

Казалось, совсем недавно уезжал из родного города зеленым юнцом. А теперь ходил он по разрушенным улицам и мечтал об одном: отомстить. Отомстить за руины, за убитых друзей, за сожженные села.

Снова фронт. Здесь люди мужают быстро. Из новичка Николай стал опытным летчиком. Он летал над Сивашом, бомбил вражеские укрепления на Перекопе, одиннадцать боевых вылетов сделал в Крыму. Росло мастерство летчика, он стал командиром звена, а в октябре сорок чет-

вертого партийная организация штурмового Сталинградского Краснознаменного полка приняла Семейко в ряды партии.

«Крылатые танки» — так называли на фронте штурмовики ИЛ-2. «Черной смертью» окрестили их фашисты. За годы войны Николай Семейко сделал 227 боевых вылетов. Он поддерживал пехоту и танки, охотился за гитлеровскими штурмовыми орудиями, вместе с другими бомбил эшелоны и технику врага. Рос боевой счет летчика, среди однополчан Семейко знали как мастера огня, человека беззаветно храброго и упорного. Ему доверили эскадрилью, а потом назначили штурманом полка. Командование пишет родителям Николая: «Н. И. Семейко считают в полку лучшим летчиком».

Особенно проявились мастерство Николая, его талант летчика-штурмовика в трудных боях на Земландском полуострове. 18 февраля 1945 года Семейко получил задание с группой из четырех ИЛов атаковать скопления войск и техники на косе Фрише-Нерунг. Малоразмерные цели — артиллерия, минометы, пулеметные гнезда — легко маскировались, их трудно было разыскать. Пролетели линию фронта, в стороне остался приморский городок Кранц, внизу узкая лента косы, рассеченная надвое проселочной дорогой. Вот слева видна цель — артиллерийская позиция. Теперь нужно применить все вооружение «крылатого танка» — бомбы, реактивные снаряды, пушечно-пулеметные установки. Один заход, второй, третий — огонь по колонне машин. Семейко дал команду возвращаться на свою базу. Штурмовики только начали набирать высоту, как на них навалилось девятнадцать немецких истребителей. Одна группа стервятников заходила сверху, другая справа, со стороны моря.

Самолеты, применяя маневр, начали снижаться. Фашистских истребителей встретил огонь воздушных стрелков, один из «фоккеров» камнем полетел вниз, оставляя за собой дымный шлейф. Остальные перегруппировались. Опять атака — и снова безрезультатно. Гитлеровцы потеряли еще одну машину. Одержав победу, группа Семейко вернулась на свою базу.

Что ни день — новые вылеты. 26 февраля Николай трижды поднимался в воздух, атакуя танки врага. Тяжелым был бой 14 апреля, когда штурман полка с группой ИЛов получил приказ атаковать район Меденау, где осо-

бенно ожесточенно сопротивлялись гитлеровцы. В эти дни штурмовики работали с предельным напряжением. Вот как об этом пишет в своих воспоминаниях генерал-лейтенант авиации С. С. Александров:

«Три-четыре боевых вылета в день стало обычной нормой для каждого экипажа, а порой приходилось подниматься в воздух по шесть-семь раз. Мы применяли метод последовательного и непрерывного воздействия на неприятеля. Эскадрильи и группы «Ильюшиных» численностью до 20 самолетов позшелонно висели над противником по 25—30 минут. В течение полутора-двух часов в расположении гитлеровцев рвались бомбы и реактивные снаряды, буйствовал пушечно-пулеметный огонь. Это помогало нашим наземным войскам успешно выполнять поставленные перед ними задачи».

Для штурмовой атаки района Меденау были выделены лучшие воздушные бойцы, группу снова возглавил Николай Семейко. При подходе к цели летчиков встретил сильный зенитный огонь, но остановить их было невозможно. Один за другим пикировали они на артиллерийские позиции врага, заставляя умолкнуть орудия. Многие самолеты были задеты осколками снарядов, но штурмовка продолжалась, семь заходов на цель было сделано.

С каждым днем совершенствовалось мастерство советского аса. Николай Семейко рвался в бой, зная, что здесь, на вражеской земле, закончится битва с фашизмом и он сведет счет с теми, кто разрушил его мирный Славянск, кто непрошеным пришел на землю Донбасса.

Через несколько дней в полку узнали, что Николай Илларионович Семейко стал Героем Советского Союза. 20 апреля его вызвали в штаб для получения боевого приказа. Вот как об этом вспоминает в письме бывший заместитель командира полка по политчасти Александр Степанович Иванов, проживающий сейчас в г. Казани.

«Наш полк сопровождал танки в наступлении. Группа из восьми самолетов, которую повел Семейко, появилась над полем боя. Танкисты просили подавить фашистские батареи, мешающие наступлению».

Семейко дал команду встать в круг для штурмовки и уничтожить вражеские батареи. При вводе самолета в пикирование он заметил зенитную батарею, пред-

ставлявшую большую опасность для самолетов его группы. Семейко решил уничтожить ее и, введя самолет в пикирование, открыл огонь. Батарея замолчала.

При выходе из пике вторая батарея зениток открыла огонь по самолету Семейко. ИЛ был подбит и оказался почти неуправляемым. Семейко с левого разворота спикировал на нее, но высота оказалась слишком малой. Штурмовик врезался в батарею...»

...29 июня 1945 года Николай Илларионович Семейко посмертно был награжден второй Золотой Звездой, стал дважды Героем Советского Союза.

...На улицах индустриального Славянска стоят тополя. Они застыли и у школы № 12, неподалеку от памятника ее бывшему ученику, славному сыну советского народа, неустрашимому летчику-коммунисту. Директор школы Евгений Михайлович Григоренко показывает мне музей Николая Семейко. Сюда приходят многочисленные делегации со всего Донбасса. Перелистываю Книгу посетителей, читаю бесхитростные, простые строчки:

Славную память
навеки,
Сколько бы нам
ни прожить,
О Николае Семейко
В сердце мы будем
хранить.

Один из учеников школы написал музыку на эти стихи, песню хорошо знают в Славянске. А за сотни километров от Донбасса, в Калининградском порту, ошвартовался новый траулер «Николай Семейко». И на дорогах Атлантики встречает это судно БМРТ «Николай Козенков», БМРТ «Тимофей Хрюкин», СРТМ «Дмитрий Жабинский». С капитанами-штурмовиками Козенковым и Жабинским Николай бомбил фашистов в Кёнигсберге, Хайлигенбаиле, на косе Фрише-Нерунг. А генерал Хрюкин подписал представление Семейко к званию Героя Советского Союза.

Их нет, но они с нами, в сердце и памяти нашей.

Г. Фурман

Герой Советского Союза
Н. В. СЕРОВ

КРУТОЙ ПОВОРОТ

Есть на земле Вологодской небольшой городок Бабаево. Здесь в средней школе № 1 каждый год 17 февраля выстраивается по большому сбору пионерская дружина. Взоры юных ленинцев обращены к стенду, с которого на них смотрит открытое, симпатичное лицо юноши в форме офицера Советской Армии. Это Николай Серов — выпускник школы, Герой Советского Союза. В день рождения Николая Серова рапортует пионерия о своих делах погибшему герою, дает клятву быть достойной его светлой памяти.

Теплым апрельским днем вместе с моим гидом, ученицей 8-го класса Шурой Башкиной, мы идем по тихим, только что освободившимся от снега улицам Бабаева. Во многих домах здесь знают и помнят Колю Серова. Светлеют лица у бывшей его классной руководительницы Нины Архиповны Копейкиной, соучеников Алексея Семеновича Беланова и Марии Андреевны Беланович, сестер Нины и Марии, когда рассказывают они о своем земляке, родственнике, друге. И вырисовывается образ человека, который юношей ушел в бессмертие, оставив глубокий след в благодарной памяти и сердцах живущих.

Трудно рассказывать о жизненном пути таких людей, как Николай Серов. Когда им приходилось, за несколько дней и часов до смерти, писать свои биографии, то умещались они на половине странички из школьной тетради: родился, учился, призван в армию. Не сохранилось даже ни одной довоенной фотографии юного героя.

Я сижу в старом деревянном домике на улице Чкалова и пытаюсь мысленно вернуться на несколько десятков лет назад... Так же, как и при жизни Коли Серова, здесь плещутся волны полноводной Колпи.

Трудное было то время. Семья Серовых в середине тридцатых годов переехала из деревни в Бабаево. Страна жила бурной, кипучей жизнью. За западными рубежами, за восточной границей громыхали отдаленные раскаты. В Испании объединенные силы фашистов душили молодую республику, на Дальнем Востоке самураи испытывали прочность советской границы. Осоaviaхим звал юношей и девушек в небо.

И Николай загорелся мечтой быть летчиком. Он хорошо понимал: нужно быть физически выносливым, много знать для того, чтобы тебе покорилося небо. По утрам и в ясные морозные дни, и когда ветер с Ледовитого океана гнал жгучую поземку, небольшую плотную фигурку Коли Серова на лыжах часто видели далеко за Кольню. Он обнаружил за рекой каменистую возвышенность, преодолевал спуски и подъемы, тренировал мышцы и волю. Нередко он занимался этим в компании таких же веселых, озорных и упорных. Когда в школе организовали кружок авиамodelистов, Николай первым записался в него. Его планеры летали выше и дальше всех.

Книги. Они всегда были лучшими друзьями и советчиками Коли Серова. Учительница Н. А. Копейкина рассказывает, что особенно любил Николай книги по истории, географии. Не раз делился своими планами: вот вырасту, закончу учебу — и в дорогу, так хочется увидеть Москву, Ленинград, всю страну.

Война ворвалась в жизнь Николая Серова, как и всех нас, его ровесников, неожиданно. Накануне вечером он, радостный, веселый, прибежал домой. Мама, папа, все... Школа закончена.

А на другой день... война!

Я стою на перроне Бабаевского вокзала. По нему шел в тот летний день сорок первого с вещмешком за плечами

в толпе ребят и девочек Коля Серов. Их уже поджидал эшелон. Прощальный гудок, и состав медленно двинулся на юго-запад, под Валдай, — там готовилась линия обороны.

Вернулся лишь через полгода, похудевший, возмужавший. Поступил в депо. Вскоре военкомат дал направление в военное училище. Во второй раз покидал Николай отчий дом — теперь уже навсегда.

Так вот какая ты, Германия, проклятая земля фашистская... Николай с группой бойцов лежал в густом кустарнике и рассматривал противоположный берег небольшой пограничной реки. Там, среди высоких деревьев, сквозь вечерний туман и дым пожарищ просматривались контуры домов с красными высокими крышами. Это был первый крупный немецкий населенный пункт, который увидел юный офицер.

15 августа 1944 года 491-й стрелковый Неманский полк 159-й стрелковой Краснознаменной ордена Суворова Витебской дивизии перешел в решительное наступление. С каждым часом все упорнее и яростнее становилось сопротивление врага. Как затравленный зверь, охраняющий свое логово, он огрызался, нанося ощутимый урон наступающим.

Утром был тяжелый бой. Их сильно поредевшая рота короткими перебежками, метр за метром, теснила врага. И вдруг очередная атака захлебнулась, а вскоре к командиру взвода подбегает боец:

— Товарищ младший лейтенант! Ротный тяжело ранен.

А фигуры в серо-зеленых мундирах уже смелее высываются из-за бруствера окопа, забрасывают залегшую роту гранатами, все плотнее и губительнее их огонь. Решение нужно принимать немедленно. И оно пришло.

— Передай по цепи... Командование ротой принимаю на себя.

Да, трудно в двадцать лет решиться на такой шаг. Тем более что в роте были и другие командиры взводов. Но враг на размышление не давал ни минуты. Наступление приостановилось, а затем вскоре пришлось срочно занять оборону: тринадцать бронированных чудовищ с черными крестами на бортах сомкнутым строем двинулись на Серова и его солдат. Пошли в ход гранаты.

Пулеметный и автоматный огонь косил немецкую пехоту. Две яростные контратаки пехоты и танков фашистов отбила в этот день рота Николая Серова. И не отошла ни на шаг с завоеванного рубежа.

Вскоре поступил приказ — с группой бойцов погрузиться на самоходки и совершить рейд в тыл противника, ближе к границе. Два километра, стремясь не оказаться обнаруженной противником, небольшая группа бронированных машин пробиралась по немецким тылам. Но вот из-за поворота лесной дороги показалась одна повозка с солдатами, за ней другая, третья... немецкий обоз. Несколько орудийных залпов, короткие автоматные очереди. Не давая врагам опомниться, Серов теснил их все дальше. И вот за кустарником в сгущавшихся сумерках показалась неширокая река, а на том берегу — небольшой городок с остроконечными черепичными крышами домов. Пока не подошли другие подразделения, Серов даже не знал, что он со своими бойцами вышел на Государственную границу с Германией. Да, это была пограничная река Шешупа и городок Ширвиндт.

...Николай и бойцы его группы лежат в кустарнике и смотрят, как на том берегу движутся танки, автомашины, перебегают солдаты. Нервное возбуждение еще не улеглось (ну и день — столько схваток с врагом!), смертельная усталость разливается по всему телу. Как хочется лежать и лежать на этой зеленой, теплой траве, хоть на минуту закрыть глаза. Но этого делать нельзя, фашисты близко. Лишь полоска воды отделяет их от Серова. С той стороны строчит пулемет, с противным воем несутся мины. Они взрываются часто и близко: на спины и каски Серова и его бойцов падают комья земли, повсюду свистят осколки.

Солнце давно уже скрылось. Темна и тепла августовская ночь. А там, на Вологодщине, наверное, уже прохладно, особенно по ночам, когда с Колпи поднимается холодный, липкий туман.

Мысли о доме прервала команда: «Приготовиться к форсированию реки». Совсем немного времени потребовалось бойцам Серова, чтобы связать из валявшихся рядом бревен небольшой плот. И вот уже черная вода пограничной реки плещется о сапоги Николая и пятерых его солдат. Свистят пули, мины. Стало светло, как днем. Но все ближе вражеский берег, все меньше погружаются в воду кольца, которыми отталкиваются от дна солдаты,

все быстрее двигается плот. И вот уже под ногами немецкая земля... Теперь быстрее найти удобную позицию, не дать врагу отбросить тебя обратно, в реку.

Николай и его солдаты первыми на этом участке фронта перешли пограничный рубеж, захватили плацдарм, прикрыли переправу других подразделений части. Не знал он, конечно, что именно за этот подвиг (уже посмертно) будет удостоен высшей награды Родины. То тут, то там вспыхивает яростная перестрелка, очереди трассирующих пуль вспарывают темноту. Часть солдат окапывается, другие прикрывают их огнем.

Вскоре с вражеской стороны послышался рев моторов, лязганье гусениц. Черные силуэты с белыми крестами на бортах выплывали из ночной мглы. Это был последний бой в жизни Николая Серова. Окопаться успели, но отражать контратаку было очень трудно. С упрямством обреченных лезли бронированные чудовища на маленький плацдарм.

Вдруг из прибрежного кустарника ударили противотанковые ружья. Под гусеницы вражеских машин полетели связки гранат. Огненный вал взметнулся перед смотровыми щелями танков. И дрогнул вражеский строй. Одна за другой машины начали поворачивать назад, оставив на поле боя несколько чадящих стальных костров.

Николай Серов уже не видел этого — лежал, истекая кровью, с гранатой в руке. Едва стих бой, его, смертельно раненного, боевые друзья бережно переправили в ближайший полевой госпиталь. Но спасти Серова не удалось... Ему шел двадцать первый год.

24 марта 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Серову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В далекой Атлантике ловит рыбу траулер. На рубке судна четко выведены слова: «НИКОЛАЙ СЕРОВ». Советская Родина, народ не забывают тех, кто отдал жизнь за свободу, честь и независимость социалистического Отечества.

Из Бабаева пионеры дружины имени Николая Серова, школы, в которой учился герой, пишут письма экипажу траулера.

Волны эфира доносят из далекой Атлантики в Бабаевскую школу слова радиограмм. Вот одна из них:

«Дорогие ребята! Мы получили ваше письмо. Очень рады завести дружбу с юными друзьями, пионерами дружины имени Николая Серова, имя которого носит наше судно.

Сейчас мы работаем у берегов Африки, помогая молодой Гвинейской Республике в развитии рыбной промышленности.

Подробности о жизни экипажа сообщим по приходу судна в родной порт».

Пионеры-серовцы встретили «Николая Серова» у причала Пионерского порта. Они привезли в подарок морякам горсть земли, на которой жил герой, откуда он ушел в бессмертие, альбом с фотографиями видов Бабаева.

Начало большой дружбы положено. Она, как и память о герое, будет жить долго.

В. Тестов

Герой Советского Союза
А. И. ТХОРЖЕВСКИЙ

ДВЕ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ТХОРЖЕВСКОГО

Оттепели слизали снег с высоток, да и в низинах он отступил от деревьев, словно с весной наполнились стволы теплом и жизнью. Робко пробили наст крошечные зеленые копыта озимой.

Здесь, у Енина-Славского, что в Багратионовском районе, удивительные места. Вниз обрываются кручи, и деревья делают темнее и глубже лощину, по которой бьется ледяная светлая речка.

Двадцать шесть лет думала мать об этой встрече. Думала: «Какое оно, это Енино-Славское?» У себя в Фастовце, совсем непохожем, равнинном и зеленом, смотрела она газеты и, встречая слово «Калининград», дважды и трижды перечитывала заметки. Впервые за свою семидесятилетнюю жизнь выбралась она дальше Киева, всю долгую дорогу — в автобусе, поезде, самолете — сидела, занятая мыслями о сыне.

Зашла за ограду, коснулась рукой серой мраморной плиты: «Герой Советского Союза... старшина Тхоржевский Александр Иванович, 1925 года...» Закрыла глаза: «Шурик, сынку, сыночек мий...»

Перед самой войной родители и учителя устроили семиклассникам выпускной вечер. У ребят от музыки, от радостных поздравлений взрослых сияли глаза. Из семиклассников первым выступил Саша Тхоржевский. Он говорил о любви к Родине, о своей мечте — идти в военное училище.

— Кончи десятилетку, — просит мать.

— Да у тебя ж математический талант, — утверждает старик-учитель.

Саше все дается легко и радостно — учеба, работа, дружба.

Он еще раз вспоминает об училище в первый день войны.

— Видишь, мама, я же говорил, надо в училище...

Враг бомбит Фастовец. Горит родной дом, переломаны яблони в саду, с младшим братом уходит в лес мать. Где Саша? А он помогает соседке, Антонине Годлевской. Пятеро детей у нее на руках. Долгие километры в тишину дальнего хутора несет на руках он самую маленькую.

Черные годы оккупации нависают над Украиной. Молодежь ищет партизанские отряды, скрываясь в лесах от угона, от гитлеровской кабалы. Долго ничего не знает о старшем сыне мать. Он возвращается ненадолго, чтобы с Красной Армией идти на запад.

— Может, хоть повестки подождешь? — с надеждой смотрит на сына мать.

— Надо теперь, мама...

Короткая подготовка. И вот в родное село летит солдатский треугольник: «Идем на фронт».

Наверное, только те, кто был на фронте, знают, какая любовь и нежность скрывалась за письмами с передовой. Атака ли, короткая ли передышка — каждый день или через день писал домой письма своим родителям. Он очень любил и берег стариков: про второе ранение мать узнала от его подружки, нечаянно проговорила девушка. И вскоре: «Мамо, сходи к Стаховским. Скажи, нет больше моего друга Лени. Но я буду мстить за него проклятым фашистам сколько хватит сил...»

Летом сорок четвертого Саша командовал отделением и знак солдатской храбрости — орден Славы III степени — уже серебрился на его гимнастерке.

В августе 294-й стрелковый полк 184-й Духовщинской Краснознаменной дивизии подошел к границе Восточной

Пруссии. Остервенело защищался враг. Припертый к берегу Шешупы, он предпринимал одну за другой контратаки. В отчаянной рукопашной схватке Александр уничтожил 16 гитлеровцев. Так появился рядом с первым — орден Славы II степени.

В безысходности с яростью загнанного зверя обороняли фашисты границу. Часть, в которой воевал Тхоржевский, была приостановлена ураганным минометным огнем. Подход к высоте делал недоступным гитлеровский пулемет.

Через воронки, прикрываясь за горами земли, поднятой взрывами, полз к огневой точке со своим отделением Тхоржевский. Вот он приподнялся, и смерть отступила перед героем, пули прошли мимо. Три гранаты, брошенные одна за другой, заставили замолчать врагов... Александр Тхоржевский одним из первых укрепил Красное знамя на правом берегу Шешупы.

26 августа 1944 года «Правда» рассказывала о тех, кто первым перешел Государственную границу. С первой страницы гордо и радостно улыбался Шура Тхоржевский.

На привале между боями он написал коротко, как и другие в ту пору:

«Прошу принять меня в ряды Коммунистической партии. Я сражался и буду беспощадно сражаться с врагами нашей Родины. Если погибну, считайте меня коммунистом. Высокое звание оправдаю с честью...»

Командование полка представило Тхоржевского к высшей награде страны. Он не увидел Золотой Звезды. Указ был подписан 24 марта, а он погиб 15 февраля под Крейцбургом, где тысячи фашистов, припертые к заливу, металась в смертельной агонии. Погиб за десять дней до своего двадцатилетия, за три месяца до победы.

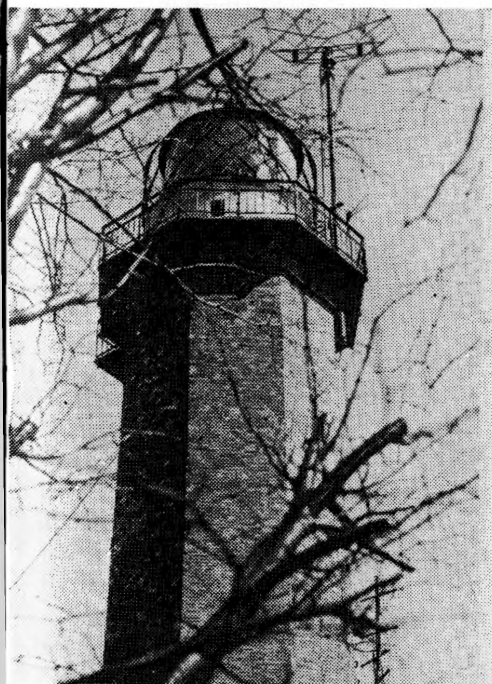
— Внимание, говорит «Александр Тхоржевский!»

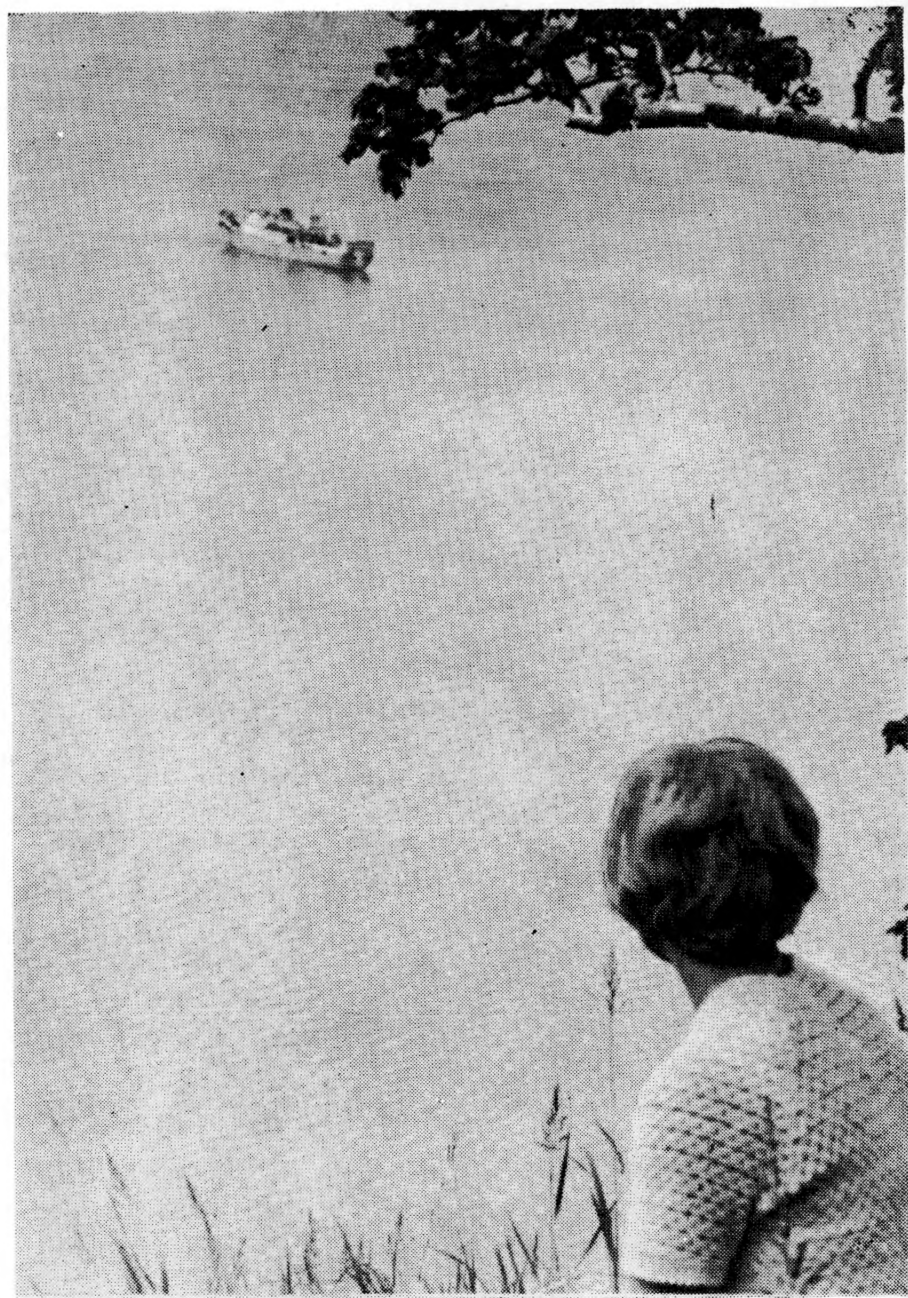
На переходе с калининградцами встречаются клайпедчане и таллинцы, ленинградцы и мурманчане. И среди многих судов Калининградской флотилии — СРТМ-8049 «Александр Тхоржевский».

...У скалистого Лас-Пальмаса моряки болгарского траулера «Меланита», стоявшего в ожидании подменной

Еще раз посмотреть с борта на любимый берег — и снова в море. В долгом рейсе моряки часто вспоминают свой родной город — Калининград.

От причала ушли суда,
Бьет волна у причала.
Потихоньку поет вода,
Чтобы ты не скучала.

команды, поднимались на борт 8049-го и прежде всего спрашивали:

— Александр Тхоржевский — кто? Ученый, государственный деятель, знаменитость?

Калининградцы подводили их к зеленому, как солдатская форма, стенду. Не остывший от азарта боя, в лихо сдвинутой пилотке, улыбаясь, смотрит на них девятнадцатилетний украинский парень. Увидев фотокарточку, наградной лист и короткий пересказ подвига со словами «погиб смертью храбрых», замолкали моряки в благоговении перед павшим.

...В Конакри, гвинеийской столице, во Дворце Наций посольство ГДР устраивало торжественный вечер в честь юбилея В. И. Ленина. Почетные гости, советские моряки, и здесь говорили о Тхоржевском, о том, как делами своими чтят они память героя.

И штурманы, и механики, и капитан стояли часами на сортировке у транспортера. Уловы шли трудные, иной раз попадалось по двенадцать видов рыб. Двенадцать противней перед тобой, и непрерывно ползет живая шевелящаяся река: какую штуку куда? К концу подвахты мелькало в глазах и начинали плыть даже неподвижные предметы. Над палубой тек горячий тяжелый воздух, работали в плавках и шортах, и лишь изредка кто-то отрывался, схватывал шланг и окатывал оживляющей прохладой товарищей. За ужином старпом иногда говорил: «Нам пришла радиограмма от матери» (он называл ее просто — мать, и все понимали, от кого радиограмма).

«Дорогие сыночки! Сердечно поздравляю вас всех... Желаю крепкого здоровья, счастья, благополучия. Ефросинья Тхоржевская».

И еще приходили радиограммы и письма из школы имени Тхоржевского. Например:

«Рады вашим успехам. Итоги успеваемости — 99 процентов. Идем в числе передовых школ района. Стремимся к лучшему...»

И это были тоже капли того великолепного крепкого цемента, которым скреплялась дружба экипажа.

Первыми познакомились с матерью и школьниками восемь человек команды, которые приехали летом 1969

года в Киев на «Ленинскую кузницу» принимать судно: капитан, старпом и другие специалисты.

В Киев к морякам приехала старая женщина в темном платке и черном платье и, прежде чем подняться по трапу, долго смотрела, как на волшебство, на крупные буквы имени ее сына. Вместе с матерью на судно прибыла делегация — лучшие ученики Фастовецкой школы.

Сейчас с Ефросиньей Филимоновной на корабле знакомы все. Приезжала она в Пионерский вместе со старшеклассниками и завучем Фастовецкой школы. Несколько дней жили на корабле. Вместе с моряками и школьниками ездили в Енино-Славское, к обелиску.

Лежали на братской могиле яркие венки с надписями: «От однополчан героев», «От экипажа СРТМ-8049 «Александр Тхоржевский». Лежали у темного камня первые робкие подснежники, собранные детскими руками...

Школьники Фастовца подарили экипажу траулера альбом, рассказывающий о том, как живет на родине героя память о нем.

Парадный вход школы. И над мягким, истинно ласковым «Ласкаво просимо» — «Школа имени Героя Советского Союза Александра Тхоржевского». Торжественная линейка 25 февраля в день рождения Шуры... Парта, за которой сидел он с Леней Стаховским... Сквер, который тоже носит его имя и в котором отец Шуры, Иван Иванович, посадил каштан, липу и яблоню «золотой ранет» — любимые деревья сына...

При въезде в село Фастовец, на шоссе Киев — Фастово, большой портрет Александра Тхоржевского и слова:

Не умирает герой на поле
боя.

Мужество остается
в веках..

Е. Шлемина

Герой Советского Союза
Т. Т. ХРЮКИН

О ПОДВИГЕ,
О ДОБЛЕСТИ,
О СЛАВЕ

На траулере заканчивались последние приготовления к выходу на промысел. В каюту капитана осторожно постучали.

— Разрешите. Прибыл в ваше распоряжение. Вот направление отдела кадров флота.

Капитан мельком взглянул на листок, потом, будто не поверив своим глазам, еще и еще прочитал направление.

— Хрюкин?.. Тимофеев Тимофеевич?

— Так точно, — четко, по-флотски, ответил молодой широкоплечий парень, матрос первого класса.

— Однофамилец?

— Нет, сын!

...Встретиться с генерал-полковником авиации Тимофеем Тимофеевичем Хрюкиным мне довелось на фронтовой дороге. Было это летом 1944 года. Наступление наших войск в Белоруссии стремительно развивалось. Мы форсированным маршем преследовали отступающего врага. Неожиданно в обгон колонны нашего дивизиона вышло с десятков автомашин. Впереди небольшой броневик, за ним несколько крытых и открытых легковых

автомашин. Головные машины прошли довольно быстро, но вдруг колонна остановилась. У нашего орудия затормозил открытый «виллис». В нем рядом с шофером сидел генерал-полковник авиации с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди. Он был очень молод, высок, широкоплеч, в хорошем настроении, улыбался. Легким взмахом правой руки ответил на приветствия артиллеристов.

Вскоре машины тронулись, на прощание генерал сказал солдатам:

— Догоняйте танкистов. Они уже на Березине.

Его добрые слова и внимание придали новые силы бойцам, уставшим в упорных боях и длительных переходах. Эта встреча была мимолетной, но в памяти навсегда остался образ молодого, жизнерадостного генерала.

Когда я рассказал об этом Полине Дмитриевне, верной подруге Тимофея Тимофеевича, она улыбнулась:

— Узнаю. Таким он был всегда. Бодрым, жизнерадостным, веселым.

В семейном архиве Хрюкиных множество документов, свидетельств очевидцев, отзывов старших военачальников. И все они не имеют цены, являются яркими свидетелями беспримерных подвигов, напряженной работы человеческой мысли, удачных находок в боевом применении авиации.

Не все шло гладко на боевом пути генерала. Встречались и трудности, были просчеты и неудачи. Но мужественно и умело преодолевал их отважный воин. Вспоминается такой эпизод из жизни героя.

Произошло это в Китае. Группа летчиков-добровольцев под командованием Т. Т. Хрюкина получила задание нанести удар по японским военным кораблям на рейде Нанкина. Маршрут был малознакомый, в этот район летчики ни разу не летали. Едва поднялись в воздух, как вся группа бомбардировщиков попала в сплошные облака. Ориентиров никаких. Летчики просто растеряли друг друга. На свой аэродром нашли дорогу только три экипажа. Остальные приземлились где попало.

Павел Федорович Жигарев, исполняющий обязанности командира советских летчиков-добровольцев, кипел. Даже такой храбрый человек, как Хрюкин, который еще в небе Испании не раз смотрел смерти в глаза, потерял дар речи.

За Хрюкина заступился комиссар А. Г. Рытов. Он знал его как мужественного летчика, умелого командира. Недаром правительство наградило Т. Т. Хрюкина орденом Красного Знамени. Конечно, в данном случае он дал маху. Но руководствовался самыми добрыми побуждениями. Хотелось как лучше.

— Хотелось... Из добрых побуждений кафтана не сошьешь, — сказал Жигарев.

— Да ведь и мы с вами, Павел Федорович, немножко виноваты. Погоду знали, подготовку летчиков тоже. Однако вылет не запретили, наоборот, подбадривали: давай, давай... — убеждал Рытов.

Комиссар отстоял тогда Т. Т. Хрюкина. И не ошибся. Через некоторое время группа бомбардировщиков Хрюкина преодолела сильную противоздушную защиту и пустила на дно японский авианосец. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1939 года отважному летчику Т. Т. Хрюкину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. А через некоторое время он стал генерал-майором авиации. Генералом на тридцатом году жизни, хотя, как рассказывала Полина Дмитриевна, грамотой овладел только в пятнадцать лет. До этого батрачил в родном Ейске у богатых казаков, помогал матери, потомственной рыбачке, прокормить многочисленную семью.

Сколько труда, воли, мужества потребовалось, чтобы пройти такой нелегкий путь.

В горниле войны зрело мастерство. Волевой и требовательный, чуткий и внимательный, он умел строго спросить за промахи и по достоинству оценить мужество и храбрость бойца.

Это было в ходе подготовки Белорусской операции в 1944 году. Командующий фронтом потребовал от авиационного соединения генерала Хрюкина прочно прикрыть от воздушного наблюдения перегруппировку и сосредоточение наших войск перед началом наступления. И все же фашистскому разведчику удалось проникнуть в расположение и безнаказанно уйти. Вскоре командир авиационного полка подполковник А. Е. Голубов был вызван на армейский командный пункт.

— Ценю вас, — сказал подполковнику Хрюкин. — Но немедленно отстраню от должности, если хоть один разведчик безнаказанно прорвется через линию фронта.

— Оповещение опаздывает, — ссылаясь командир полка.

— Отвечать за свой участок надо!

На следующее утро подполковник сам вылетел в район для отработки взаимодействия. Наши радиолокационные станции обнаружили два вражеских самолета. Голубов их атаковал и сбил. Генерал приказал немедленно найти летчика-героя.

— По вашему вызову прибыл, — доложил генералу подполковник.

— А я вас не вызывал.

— Вы вызывали летчика, сбившего два фашистских самолета над Дубравкой. Это я.

Серые глаза генерала засверкали.

— Беру свои слова обратно. Награждаю орденом Красного Знамени. Спасибо.

А вот еще одно свидетельство. Февраль 1943 года. На Волге смолкли орудийные раскаты, победоносно закончилась грандиозная Сталинградская битва. Военный совет героической 62-й армии писал в те дни:

«Празднуя победу, мы не забываем, что она завоевана также и вами, товарищи летчики, штурманы, стрелки, младшие авиационные специалисты, бойцы, командиры и политработники объединения т. Хрюкина. Те восторженные отзывы о нашей победе, которыми пестрят страницы газет, в равной мере относятся и к вам... С самых первых дней борьбы за Сталинград мы днем и ночью непрерывно чувствовали вашу помощь с воздуха... В невероятно трудных условиях борьбы вы крепко бомбили и штурмовали огневые позиции врага, истребляли немецкую авиацию на земле и в воздухе. За это от имени всех бойцов и командиров армии выносим глубокую благодарность».

Что может быть для военачальника советской школы почетнее искренней благодарности братьев по оружию?

Это был труднейший экзамен. В разгар оборонительного сражения фашисты имели подавляющее превосходство в воздухе. Под Сталинград немецкое командование перебросило лучшую свою эскадру, костяк которой составляли ветераны, матерые асы. Имена многих из них генерал лично помнил по схваткам в небе Испании. Как сбить спесь с фашистских вояк?

И командующий 8-й воздушной армией Т. Т. Хрюкин создал полк советских воздушных асов. Отважных соколов подбирал лично. Если летчик по своим данным подходил, генерал без обиняков спрашивал:

— А на меньшую должность в хороший полк пойдете?

— Так точно.

— Тогда ни пуха ни пера.

Вопрос этот генерал задавал не случайно. У людей он превыше всего ценил прямоту, откровенность, умение на первый план ставить интересы дела.

Питомцы генерала Хрюкина оправдали доверие Родины. 26 летчиков полка были удостоены звания Героя Советского Союза, четверо из них — А. В. Алелюхин, Амет-Хан Султан, П. Я. Головачев, В. Д. Лавриненков — стали дважды героями.

Неуемная энергия военного организатора всегда сочеталась у генерала с духом новаторства. И в первый год войны, когда Т. Т. Хрюкин создал посадочные полосы из дерева, что позволило расширить сеть аэродромов в заболоченной тундре. И осенью 1942 года, когда по рекомендации и настоянию генерала штурмовики стали бомбить врага с пикирования. И при подготовке к схватке с врагом французских летчиков-добровольцев из полка «Нормандия—Неман». Полк входил в состав 1-й воздушной армии. В ходе Белорусской операции командующий лично немало сделал для того, чтобы французские друзья в совершенстве овладели боевым мастерством. И в Восточно-Прусской операции, при штурме Кёнигсберга, где он координировал действия целой воздушной армады, проявил личное мужество, талант крупного военачальника советской школы.

19 апреля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Т. Т. Хрюкину было присвоено звание дважды Героя Советского Союза.

Среди многочисленных документов, рассказывающих о боевом пути генерала, я обратил внимание на один снимок.

— Очень любил Тимофей Тимофеевич детей, — сказала Полина Дмитриевна. — Сами ведь восьмерых вырастили и воспитали.

Снимок трогает до глубины души. Генерал Т. Т. Хрюкин, высокий, сильный, улыбающийся и счастливый, среди артековцев. Летом 1944 года, после разгрома фашистов

под Севастополем, бойцы и офицеры воздушной армии Хрюкина восстановили один из корпусов санатория. Вскоре туда приехала группа детей из героического Ленинграда.

Очень короткой была жизнь дважды Героя Советского Союза генерал-полковника авиации Тимофея Тимофеевича Хрюкина. Тяжелая болезнь лишила возможности подниматься в воздух, затем приковала к постели и вырвала из боевых рядов в сорок три года.

Жители города Ейска воздвигли памятник своему славному земляку. А просторы Атлантики бороздит большой морозильный рыболовный траулер, носящий имя дважды Героя Советского Союза Т. Т. Хрюкина.

А. Петрикин

Герой Советского Союза
В. Л. ХУДЯКОВ

СЕРДЦЕ ОТВАГОЮ ГОРИТ

На живописном месте расположен поселок Русское — свидетель бессмертного подвига советских воинов. Он весь утопает в садах и рощах. Осень щедро раздала их листве свои неповторимые краски. Отсюда, с невысокого холма, далеко просматриваются широкие поля совхоза «Янтарный». В полутора километрах чернеет массив хвойного леса: остроконечные вершины елей четко видны на фоне небосклона.

В центре поселка, рядом с развилкой дорог, возвышается обелиск памятника. На белой мраморной плите высечены слова: «Здесь похоронены Герои Советского Союза капитан Бровцев Николай Михайлович, капитан Худяков Виктор Леонидович, старший лейтенант Сибиряков Алексей Порфирьевич, сержант Волостнов Николай Дмитриевич».

Эти четыре русских богатыря не были однополчанами. При жизни они не знали друг друга: сражались в различных дивизиях, погибли в разное время. После того как затихли бои на Земландском полуострове, солдаты и офицеры 39-й армии перенесли их останки сюда, в бывший немецкий городок Гермау, отдали им здесь последние

воинские почести. Лишь один из героев имеет прямое отношение к этому месту — Виктор Худяков. Здесь он, командуя батареей 392-го корпусного пушечного артиллерийского Красноярско-Смоленского Краснознаменного ордена Александра Невского полка Резерва Главного Командования, расстреливал прямой наводкой атакующие цепи фашистов.

Не зарастает тропа к могиле героев. Сюда приходят воины Советской Армии и Флота, чтобы почтить память павших в боях за свободу и независимость нашей Отчизны. Не забывают эти места и те, кто сражался вместе с героями. Жители поселка два года назад видели здесь седого полковника. Они услышали от него рассказ о героической 91-й гвардейской дивизии, прорвавшейся в феврале 1945 года в Герману. Приезжают в Русское после атлантических рейсов промысловики РТМ «Николай Бровцев» и СРТМ-8041 «Николай Волостнов». Каждый год, 10 февраля, в день смерти капитана Худякова, возлагают у памятника венки учащиеся Красноторовской восьмилетней школы.

Красные следопыты ведут переписку с матерью героя. Валентина Ивановна Худякова в своих письмах подробно рассказывает о своем сыне.

В Тюменской первой средней школе Виктор Худяков выделялся среди своих товарищей прежде всего прилежанием в учебе. Обширности его познаний поражались не только одноклассники, но и учителя. Учился на отлично. Увлекался рисованием, фотографией и особенно математикой. Любил художественную литературу.

Во все стороны от Тюмени широко раскинулась сибирская тайга — нет ей конца и края. В летние каникулы уходил Виктор со своими сверстниками в лес в туристические походы. А однажды совершил с товарищами лодочный поход Тюмень — Тобольск. Без малого триста верст отмахали на веслах, но зато увидели могучий Иртыш, а в Тобольске познакомились с памятными местами, связанными с жизнью ссыльных декабристов.

Богат событиями 1940 год. Перешел в десятый класс: в табеле — одни отличные оценки. Виктора избирают секретарем комсомольской организации школы. И новая страсть — тяга к авиации. Любимым героем стал легендарный советский летчик Валерий Чкалов. В октябре Виктора зачисляют в Тюменский аэроклуб.

Мать с тревогой следила за сыном.

— Здоровье поберег бы свое, худой уж ты больно, и к экзаменам готовиться надо.

— Все будет в порядке, — успокаивал мать Виктор.

Экзамены совпали с первыми учебными полетами. Времени в обрез. Но Виктор успешно выдержал их. На выпускном вечере директор школы вручил аттестат с отличием, а вскоре был получен и документ об успешном окончании аэроклуба.

Грянула война. Проводили на фронт отца.

Виктор не стал ждать повестки: написал заявление в горвоенкомат.

В октябре вызвали на медицинскую комиссию. В авиашколу не прошел — подвело зрение. Направили в Тюменское артиллерийское училище. Через полгода окончил с отличием военное училище. Молодой лейтенант был назначен инструктором в Саратовское артиллерийское училище. Вскоре получил известие: пал смертью храбрых под Ленинградом Леонид Климентьевич Худяков. «Я отомщу за гибель отца!» — написал Виктор матери.

Рапорты о направлении на фронт остаются без ответа. Лишь в следующем году командование удовлетворило просьбу лейтенанта.

Мастерство молодого артиллерийского офицера заметило командование. Точен и эффективен был огонь орудий, которыми командовал Виктор Худяков. В воздух взлетали доты противника, мосты, по которым отступали фашистские войска. Батарея Худякова громила скопления фашистской пехоты и техники под Смоленском, Оршей, Минском. За образцовое выполнение заданий командования, личную храбрость и мужество Виктор Леонидович награждается орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней. На Западном фронте его принимают в ряды Коммунистической партии.

В одном из боев в ноябре 1944 года Виктор Худяков получает ранение. Едва зарубцевалась рана, капитан снова на фронте, принимает участие в Восточно-Прусской операции советских войск.

В разгар этой битвы командир 392-го корпусного пушечного артиллерийского полка майор Журавлев вызвал к себе командира батареи.

— Товарищ капитан, есть мнение направить тебя в артиллерийскую академию.

— Благодарю за доверие, товарищ майор! Но заявления писать не буду. Учиться пойду после разгрома врага!

В конце января 1945 года войска 3-го Белорусского фронта вышли к окраинам Кёнигсберга и заняли оборонительные позиции, готовясь к решительному штурму. 39-я армия генерала И. И. Людникова обошла город с севера и вклинилась в глубь Земландского полуострова. Ее передовые дивизии находились буквально в двух десятках километров от Балтийского моря.

1 февраля 91-я гвардейская дивизия полковника В. И. Кожанова, входившая в состав этой армии, прорвала на узком участке укрепления противника и вырвалась далеко вперед. Через узкую полосу прорыва капитан Худяков под вражеским огнем сумел провести свою батарею. В ночь на 2 февраля 275-й полк ворвался в немецкий городок Гермау. Здесь и расставил свои орудия Худяков.

На следующий день офицер штаба армии доставил генералу И. И. Людникову дар гвардейцев — бутылку с соленой водой. На этикетке было написано: «Командующему армией. Мы у моря! Гвардейцы майора Виноградова».

Захвачены последние коммуникации — шоссейная и железная дороги, связывающие земландскую группировку немцев с Пиллау и косою Фрише-Нерунг, и враг лишился возможности выйти из окружения.

Из района Пиллау немецко-фашистское командование спешно подбросило свежие части. Создав численное превосходство, после ожесточенной артиллерийской и минометной подготовки враг ринулся в бешеную атаку. Ряды полка редели. Смертельно ранен его командир подполковник Андреев.

Немцы вот-вот ворвутся в Гермау и уничтожат полк. В самый решительный момент в цепи советских бойцов поднялся с автоматом в руках Виктор Худяков.

— Вперед, товарищи! Ура!

В жестокой рукопашной схватке враг был разгромлен и отброшен от позиций.

Оправившись от первой неудачи, фашисты возобновили атаки. Они ударили по узкому клину прорыва и, окружив дивизию, планомерно стали сжимать кольцо.

Ключевой позицией окруженных был Гермау. Отсюда хорошо просматривались все подступы к городку, шоссейная дорога, ведущая в Пиллау. Вновь и вновь фашисты

поднимались в атаку. Их встречали меткие залпы батареи. Одну из пушек выкатили на открытую позицию, за наводчика встал командир батареи. Выстрел, второй, третий! Снаряды взрывались в самой гуще атакующих. И снова Худяков брался за автомат и гранаты, увлекая бойцов в контратаки.

Семь суток шел этот бой в окружении. К концу подходили снаряды и патроны. Стала остро ощущаться нехватка продовольствия. Но гвардейцы стояли твердо. Девять раз водил капитан бойцов в контратаки, девять раз врага отбрасывали назад.

Поступил приказ о выходе из окружения. Командование армией передало маршрут отхода. Разведчики доложили, что впереди фашисты устроили засады. Полковник Кожанов изменил маршрут. Неожиданной ночной атакой немецкие заслоны были сбиты. Сутки, отражая атаки фашистов, отходили советские воины. Впереди колонны шел Виктор Худяков.

В ночь на девятое февраля гвардейцы приблизились к линии фронта. Внезапно с небольшой высоты близ дороги ночную тьму прорезала вспышка. В голове колонны разорвались два снаряда. Их осколками был смертельно ранен Виктор Худяков. Разведчики Степан Мальцев, Георгий Лоянь и Иван Ступницкий бесшумно проникли на огневую и кинжалами покончили с расчетом пушки. В районе безымянной высоты юго-западнее Койенена гвардейцы скрытно подошли к переднему краю. Услышав за спиной русское «ура!», немцы разомкнули кольцо.

Артиллеристы вынесли на руках умирающего командира.

Так закончился этот рейд по тылам противника, в котором капитан Виктор Худяков проявил «...образцы исключительной личной отваги, мужества и храбрости, воинское мастерство...» — так написано в наградном листе.

В середине апреля была разгромлена немецкая группировка на Земландском полуострове. Боевые товарищи написали матери Худякова: «Дорогая Валентина Ивановна! Мы горды тем, что воевали вместе с таким доблестным защитником Родины, таким героем, каким был Ваш сын. Дело, за которое сражался и отдал свою жизнь Виктор, победило. Его светлый образ будет вечно жить в наших сердцах».

Бессмертным для советских людей стало имя героя. 29 июня 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Виктору Леонидовичу Худякову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В городе Тюмени есть улица имени Виктора Худякова.

Его имя присвоено первой средней школе города, где он учился, пионерской дружине Красноторовской восьмилетней школы Зеленоградского района Калининградской области. БМРТ «Виктор Худяков» ведет промысел в просторах Атлантического океана.

Славное имя героя продолжает жить.

В. Ключкин

Герой Советского Союза
Н. Г. ЦЫГАНОВ

СУВОРОВСКАЯ ЗАКАЛКА

В Москве, на Кутузовском проспекте, высится здание гостиницы «Украина». Примыкающие к высокому корпусу «крылья» этого комплекса отведены под обычные квартиры. В одной из них проживает семья Героя Советского Союза генерал-полковника Николая Георгиевича Цыганова.

Дверь открывает пожилая женщина, вдова Николая Георгиевича Вера Андреевна. Узнав, что гость с дальней дороги, захлопотала:

— Пообедаем, — сказала она, — тогда и побеседуем.

С любопытством осматриваюсь. Квартира обставлена очень скромно. Ничего лишнего, никаких претензий на моду в мебели, в убранстве комнат.

Вера Андреевна, вошедшая с белоснежной скатертью в руках, уловив мой взгляд, грустно и задумчиво улыбается.

— Это Колин стиль... Николая Георгиевича. После войны, как пришел по-суворовски с фанерным чемоданом, да так и не расстался с походными привычками. Я тут ничего не меняю, разве можно...

Тоска по ушедшему звучит в ее голосе, боль сквозит в

усталых глазах. Вера Андреевна говорит — и встает во весь рост образ простого обаятельного человека, солдата Родины, полководца и коммуниста.

Все началось для нее в 1931 году. В город Чугуев прибыл полк 23-й стрелковой дивизии. Одним из взводов командовал молодой командир, только что с отличием окончивший училище — Николай Цыганов. Тогда она стала его женой.

На память о том времени остался необычный значок, выточенный вручную полковым умельцем. Красная звездочка, в центре ее буквы ЧЛС — чугуевские лагерные сборы. На оборотной стороне надпись: «Командиру взвода 67-го стрелкового полка за первое место среди стрелковых взводов дивизии».

— Сорок лет я прошла с ним рука об руку, — рассказывает Вера Андреевна. — Это был настоящий офицер, суровый к себе, требовательный к подчиненным. Николай Георгиевич никогда не изменял своему правилу: отдал приказание — обязательно проверит его исполнение. И все это он умел сочетать с душевностью, вниманием к человеку. Никогда не подчеркивал свое «я», не пользовался своим положением в личных интересах...

Заходит разговор о Великой Отечественной войне. Вера Андреевна говорит, что за все ее годы, от начала до конца, она ни разу не виделась с мужем. Когда его дивизию отводили на отдых, сразу же начиналось формирование частей, в котором он должен был принимать участие, а там — снова бой.

Генерал армии К. Н. Галицкий, командующий 11-й гвардейской армией, в своих записках «В боях за Восточную Пруссию» неоднократно отмечает талантливые действия командира 11-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Н. Г. Цыганова.

...К 22 октября 1944 года гитлеровцы подтянули к важному опорному пункту Гумбиннену крупные отборные соединения различных родов войск. В том числе и бригаду «Фюрер», сформированную из частей танковой дивизии «Великая Германия».

Гитлеровцам удалось устоять под натиском наших танков и пехоты, а затем перейти в контрнаступление. Одна из вражеских групп в составе двух батальонов и двадцати танков атаковала штаб и тылы 11-й гвардейс-

кой дивизии и второго танкового корпуса, чтобы обходным маневром развить наступление.

Командир дивизии генерал-майор Н. Г. Цыганов, проявив выдержку и военное мастерство, четко перестроил боевые порядки, перебросил один из полков второго эшелона на первый фланг — прикрыл переправу через реку.

Прорвавшиеся немецкие танки были уничтожены, группировка отброшена, что и сказалось на успехе дальнейшего развития наступления наших войск в Восточной Пруссии.

Фронт все ближе подходил к Кёнигсбергу, но нарастало и сопротивление гитлеровских соединений. Военный совет армии выпустил листовку. Она призывала: «На Кёнигсберг, товарищи гвардейцы! Овладеть Кёнигсбергом — дело нашей чести, славы и доблести».

В частях проводились партийные собрания, пропагандировались примеры мужества советских воинов.

Солдаты и офицеры горячо откликались на пламенные слова призыва. За шесть дней января 1945 года в стрелковых дивизиях 11-й армии более шестисот человек подали заявление с просьбой о приеме в партию.

Начались бои за столицу Восточной Пруссии. С двумя полками Н. Г. Цыганов вышел на шоссе южнее Кёнигсберга, но встретил стойкое сопротивление превосходящих сил противника.

«Снова на высоте оказался командир дивизии генерал Н. Г. Цыганов, — отмечает К. Н. Галицкий в своих мемуарах, — умевший быстро и правильно ориентироваться в сложной боевой обстановке. В результате упорного боя противник был разобщен на отдельные группы и окончательно разгромлен».

Н. Г. Цыганов, зная о том, что немцы панически боятся «котлов», часто применял в своей тактике прием разобщения войск противника. И выходил победителем.

Потеря Лихтенхагена, занятого гвардейцами Н. Г. Цыганова, явилась тяжелым ударом для гитлеровцев: он прикрывал путь к заливу. Оборонявшие Кёнигсберг оказались почти отрезанными в этом районе Восточной Пруссии от остальных сил группировки гитлеровцев.

8 апреля 1945 года. Бои идут уже в предместьях Кёнигсберга. В самом центре фронтовой полосы 11-й армии сражается дивизия Н. Г. Цыганова, стремясь прорвать оборону гитлеровцев. Наконец, в районе товарной стан-

ции железной дороги ей это удастся сделать. Начинается переправа через реку Прегель.

Газета «Правда» так писала об этой выдающейся операции:

«Гвардия генерала Галицкого форсировала Прегель в кромешной тьме. Орудия прямой наводки, множество пулеметов били с правого берега Прегеля на левый. Набережные были охвачены огнем, точно камень вдруг загорелся. Рушились, трещали здания. А внизу под лившем снарядами и пуль плыли гвардейцы... Использовали все, что только могло держаться на воде: плоты, бочки, бревна, лодки-амфибии, огромные баллоны, наполненные воздухом, качались на гребнях кипящей от разрывов реки. На плотках плыли пушки».

Кольцо окружения Кёнигсберга неумолимо сжималось. 9 апреля во второй половине дня и наступавшим, и оборонявшимся стало ясно: судьба гарнизона города-крепости решена.

На отдельных участках уличных боев немцы начали сдаваться целыми подразделениями. Выстрелы уже гремели в центральных кварталах города, недалеко от командного пункта коменданта гарнизона генерала Ляша, на университетской площади.

Готовился последний завершающий удар, к очагам сопротивления подтягивались танки, самоходные орудия, «катюши» и огнеметы. Советские самолеты-штурмовики обрабатывали гитлеровские позиции с воздуха. Удар был назначен на 19 часов 45 минут 9 апреля.

И снова командующий армией К. Н. Галицкий возвращается в своих воспоминаниях к Н. Г. Цыганову.

«Меня срочно подзывают к телефону. Слышу в трубке спокойный голос командира 11-й гвардейской дивизии генерал-майора Н. Г. Цыганова:

— На участок 27-го полка в 19 часов прибыли два немецких офицера — полковник Хефке и подполковник Кервин — для переговоров о прекращении боевых действий...»

Предъявить ультиматум о безоговорочной капитуляции поручили начальнику штаба дивизии подполковнику П. Г. Яновскому, капитанам А. Е. Федорко и В. М. Шпитальнику.

Утром, согласно условиям капитуляции, в указанных направлениях побрели бесконечные колонны уцелевших

гитлеровских войск. Войска 11-й гвардейской армии взяли в плен 57 640 солдат и офицеров, захватили около двух тысяч орудий и минометов, 2377 пулеметов, 44 танка и штурмовых орудий, множество автомашин, паровозов, речных судов. И даже тяжелый крейсер «Зейдлиц» водоизмещением 15 400 тонн.

За бои в Восточной Пруссии и при штурме Кёнигсберга гвардии генерал-майору Н. Г. Цыганову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

За окном шумит Кутузовский проспект столицы нашей Родины... Вот так же из этой комнаты смотрел на него по утрам генерал-полковник Николай Георгиевич Цыганов, уходя в военную академию, где он заведовал после Великой Отечественной войны кафедрой противовоздушной обороны.

В шкафу стоят книги по военным наукам. Некоторые из них принадлежат перу Николая Георгиевича.

— Он так много планировал в своей жизни, — говорит Вера Андреевна. — Все говорил: вот уйду в отставку — буду писать мемуары.

Цыганов умер по-солдатски — на посту. Кафедру он вывел на первое место в академии, много работал по воспитанию советской молодежи в духе воинской доблести отцов и старших братьев.

В книге «Войска противовоздушной обороны», вышедшей в издательстве ДОСААФ, рассказывая об истории создания нового вида войск Советской Армии, об их задачах, Николай Георгиевич писал: «Воины противовоздушной обороны сознают, что они находятся на переднем крае защиты великой социалистической Отчизны от империалистической агрессии. Они бдительно несут свою боевую службу на стартовых позициях зенитных ракетных войск, на аэродромах, у индикаторов радиолокационных станций, в любую минуту готовы отразить воздушное нападение агрессора и сорвать его любые попытки напасть на нашу страну с воздуха и из космоса».

Советский народ никогда не забудет своего верного сына Николая Георгиевича Цыганова. Еще одним свидетельством уважения к его светлой памяти стало решение назвать его именем одно из рыболовных судов.

Е. Ермилов

Герой Советского Союза
А. ШАКИРОВ

ОТВАЖНЫЙ РАЗВЕДЧИК

В славной плеяде Героев Советского Союза, чьи имена увековечены в названиях рыболовных траулеров Калининградской флотилии, стоит солдат-разведчик Астанкул Шакиров.

Бывший однополчанин Шакирова, тоже разведчик, М. С. Винокуров пишет:

«Свели меня с Астанкулом Шакировым фронтовые дороги в 1944 году в Белоруссии. Прибыв в 75-й гвардейский стрелковый полк из госпиталя, я был зачислен в полковую взвод разведки и здесь познакомился с коренастым, невысокого роста и крепкого сложения 22-летним парнем, узбеком по национальности. На его солдатской гимнастике сверкал орден Славы III степени. Веселый по характеру, Астанкул дружно жил с товарищами. Шуткой, острым словцом он всегда готов был подбодрить солдата в трудную минуту, прийти на помощь. Он считался уже ветераном полка, отличался беззаветной храбростью».

Среди бойцов о Шакирове говорили с уважением. Новичкам рассказывали о том, что во время многочисленных вылазок разведчиков в расположение противника

Астанкул не раз отличался своей дерзостью и находчивостью. Под Чаусами 75-й полк долго не мог прорвать вражескую оборону. Неоднократные попытки наших разведчиков добыть необходимые командованию сведения не приносили успеха. И вот группа разведчиков снова вышла на задание.

...Темная ночь. Над передним краем изредка вспыхивают ракеты. Разведчики в маскхалатах, словно тени, ползут по нейтральной полосе. Впереди Шакиров. Как только в небе повисает ракета, он поднимает руку, и разведчики замирают на месте. Ракета погасла — снова продвигаются вперед.

Вот и проволочное ограждение. Командир группы трогает за плечо ползущего рядом сапера: «Давай». Чуть слышен щелчок ножниц. В проделанный проход первым проникает Шакиров, за ним остальные. Рядом окопы противника, ходы сообщений. Остановились, стали прислушиваться. Кругом тишина. Подползли к окопу. Он оказался пустым. Один за другим спустились в окоп. В это время чуть в стороне послышался шорох: кто-то шел по окопу. Шакиров тенью метнулся ему навстречу. Не раздумывая, он бросился на гитлеровца, сбил с ног и зажал рот. Подоспели остальные разведчики. Они скрутили фашиста и поволокли из окопа. Но в это время их обнаружили. Поднялся шум, стрельба. Дав команду быстро отходить, Шакиров прикрыл разведчиков огнем. Группа благополучно возвратилась к своим. Пленный дал нашему командованию ценные сведения.

75-й полк, в котором служил Астанкул Шакиров, входил в состав 26-й стрелковой дивизии 11-й гвардейской армии. В годы Великой Отечественной войны дивизия покрыла свои боевые знамена неувядаемой славой. Она дралась с фашистскими полчищами под Москвой, участвовала в сражении на Орловско-Курской дуге, освобождала Белоруссию и литовские земли. 75-й полк находился в первом эшелоне, и у разведчиков хватало боевой работы.

Летом 1944 года войска 3-го Белорусского фронта, в их числе 11-я гвардейская армия, вышли на подступы к границам Восточной Пруссии. Бывший командующий генерал К. Н. Галицкий вспоминает в своей книге «В боях за Восточную Пруссию» об огромном подъеме, царившем в войсках. Три с лишним года с непрерывными боями Красная Армия шла к этим рубежам. «На наши

плечи, — пишет К. Н. Галицкий, — легла большая ответственность первыми вступить на вражескую землю».

...В середине июня 1944 года дивизия с боями подошла к реке Неман у литовского местечка Жейняй. Гитлеровцы создали вдоль границы мощную, глубоко эшелонированную оборону. По берегу реки и в глубину располагались железобетонные доты, дзоты, опоясанные траншеями и минными полями. Немецко-фашистское командование, встревоженное ходом успешного наступления советских войск, спешно снимало части и соединения с других участков фронта и перебрасывало на границы Восточной Пруссии.

Ожесточенные бои шли непрерывно, враг переходил в яростные контратаки. В этой обстановке части дивизии готовились к форсированию реки Неман, являвшейся серьезной преградой для развития наступления в глубь Восточной Пруссии. В штабе 75-го полка было принято решение произвести на своем участке эту операцию под покровом ночи. Но для этого нужны сведения о том, чем располагает противник на этом участке. Начальник штаба майор Положенцев вызвал командира взвода разведки и поставил задачу: с наступлением темноты разведчикам скрытно переправиться на противоположный берег, разведать силы противника, наиболее подходящее место для переправы батальонов полка и обеспечить успех первого броска.

Старший сержант Григорьев собрал своих разведчиков, объяснил боевое задание и изложил свой замысел. Он заключался в следующем. Сначала на западный берег должен добраться один из бойцов, протянуть за собой канат и закрепить, чтобы по нему могли переправиться остальные разведчики. Для этого надо выбрать наиболее подходящее место.

Старший сержант смотрел на подчиненных и думал: кому поручить это необычное задание? Ведь от сноровки и находчивости смельчака многое будет зависеть. Разведчики все как на подбор: Николай Передельский, Алексей Майоров, Александр Холманский, Константин Куликов... Парни все обстрелянные, побывавшие во многих переделках. И в добровольцах недостатка не было. Но свой выбор командир остановил на Шакирове. Товарищи тут же стали снаряжать Астанкула на рискованную операцию. Поблизости нашли несколько бревен, связали их в плот. Когда

стемнело, подтащили его к реке и спустили на воду. Шакиров набил диск автомата патронами, прихватил запасные диски, несколько гранат. Обвязавшись канатом, спустился на плот. Коротка летняя ночь, надо спешить.

— Ну, Астанкул, ни пуха ни пера. До встречи на том берегу, — жали руку Шакирову боевые друзья.

Плот тихонько оттолкнули от берега, и его подхватило течением. Ночь выдалась темная, над рекой стоял густой туман. С вражеского берега время от времени раздавались пулеметные и автоматные очереди, вспыхивали ракеты. Но их свет слабо пробивался сквозь туман, прикрывавший плот с разведчиком. Мешало течение, и Шакирову приходилось затрачивать большие усилия, чтобы, гребя тихонько руками, удерживать и направлять плот к противоположному берегу.

Вскоре стали просматриваться в тумане береговые очертания, деревья. «В самый раз», — решил Шакиров и тихонько, стараясь не поднимать шума, сполз с плота. Сделал он это вовремя. Гитлеровцы каким-то образом обнаружили плывущий предмет, и по плоту ударили автоматные очереди. В это время Шакиров был уже у берега. Вылез из воды, прилег. Осмотрелся, прислушался. Поблизости никого не обнаружил. Продолжая осторожно подниматься наверх, разведчик зорко всматривался в окружающую местность. Весь превратился в слух. Вот он обнаружил, что левее, метрах в двухстах, слышится немецкая речь. Оттуда время от времени взлетали ракеты. Значит, там окопы, — решил Шакиров, — разведчикам удобнее всего высаживаться здесь. Найдя подходящее дерево, Астанкул закрепил канат и несколько раз дернул за него. Это был условный сигнал.

Придерживаясь за канат, остальные разведчики взвода бесшумно переправились на вражеский берег. Доложили в полк о выполненном задании и указали наиболее подходящее место для переправы. Сами же быстро окопались, приготовились к бою.

Несколько стрелковых подразделений полка на подручных средствах устремились на западный берег Немана. Но движение на реке не осталось незамеченным. Фашисты обнаружили переправу и открыли огонь. Затрещали автоматы и пулеметы. Ожесточенно залаяли минометы. В это время разведчики тоже не бездействовали. Во вражеские окопы полетели гранаты, ударили автоматные

очереди наших разведчиков и уже успевших высадиться бойцов первого броска. В предрассветных сумерках разгорался бой.

Астанкул Шакиров заметил, что наиболее губительный огонь по переправляющимся гвардейцам ведет фашистский пулемет, находящийся слева у самого берега. Шакиров быстро сполз с высоты и дал по пулеметчикам в упор очередь из автомата, а ручной пулемет вместе с запасом патронов перетащил к себе в окоп и тут же пустил его в дело. Невдалеке из ложины гитлеровцы вели огонь из миномета. Астанкул, маскируясь кустами, двинулся в этом направлении. Через несколько минут раздалось взрывы гранат и миномет умолк.

Стойко дрались с врагом гвардейцы. Своим внезапным и стремительным ударом они внесли замешательство в ряды противника и способствовали переправе на западный берег Немана стрелковых подразделений полка. В этом бою Астанкул Шакиров спас жизнь раненому заместителю командира полка по политчасти майору Шевченко.

Несколько суток гвардейцы держали оборону захваченного плацдарма на берегу реки. Было отбито до десяти атак противника. Но плацдарм удержали и на него высадился весь полк.

После жестоких боев наконец удалось сбить гитлеровцев с оборонительного рубежа на Немане. Советские гвардейцы погнали врага дальше на запад. За подвиг, совершенный при форсировании Немана, и удержание плацдарма на его западном берегу Астанкул Шакиров был представлен к высшей награде Родины — званию Героя Советского Союза.

Под Гольдапом дивизия вынуждена была временно перейти к обороне. На этот участок фашистское командование подбросило новые силы, к линии фронта подтягивались из тыла все свободные резервы, на машинах доставлялись войска из других гарнизонов, бросили танковые части. В этой обстановке нашему командованию важно было иметь данные о передислокации сил противника, его замыслах. И полковым разведчикам приходилось снова и снова отправляться в расположение врага, добывать сведения о прибывающих на этот участок новых частях и соединениях.

Во время одной из таких операций группа разведчиков в количестве семи человек во главе с Астанкулом Шакировым зашла в небольшой немецкий хуторок. И здесь она была застигнута взводом гитлеровцев. Пришлось занять круговую оборону и принять бой. Он длился несколько часов. Советские разведчики уничтожили до десятка солдат противника.

Смело и отважно сражался с немецко-фашистскими захватчиками славный сын узбекского народа Астанкул Шакиров. Трижды был ранен Астанкул, но он всякий раз возвращался в строй. И все же отважному гвардейцу не пришлось встретить радостный День Победы. Нелепый случай оборвал жизнь разведчика.

Случилось это 11 января 1945 года. Взвод разведки располагался в блиндаже в тылу полка уже на территории Восточной Пруссии. Разведчики получили очередное боевое задание и стали к нему готовиться. Вооружались автоматами, гранатами. Имущество взвода сложили на повозку, которая должна была двигаться с полковым обозом. Сняли в блиндаже и железную печку, которая все время следовала за разведчиками.

Время шло к вечеру. Вдруг прибежал связной из штаба и передал приказ: разведчикам пока оставаться на месте. Имущество с повозки снова стали заносить в блиндаж. Шакиров внес обратно и печку. Когда он стал ставить ее на место, дужка дверцы случайно зацепила и выдернула кольцо находящейся в кармане его полушубка гранаты. У Астанкула оставались считанные секунды. Гранату можно было выбросить через дверь, но рядом в блиндаже и вокруг находились бойцы. Гвардеец предпочел другой выход. Он выскочил из блиндажа в траншейный проход и прижал ее к стене. И тут раздался взрыв... Пожертвовав собой, Астанкул Шакиров спас жизнь товарищам...

А спустя два с половиной месяца в полку зачитали Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года о присвоении Астанкулу Шакирову звания Героя Советского Союза.

Минуло много лет, как погиб Астанкул Шакиров, но память о герое-разведчике бессмертна. Она живет в великих свершениях нашего народа. Живет в делах экипажа рыболовного траулера «Астанкул Шакиров», который своим нелегким рыбацким трудом приумножает бо-

гатство, укрепляет экономическое могущество советской Отчизны. На родине война-героя в городе Андижане Узбекской ССР установлен обелиск, именован Шакирова названы школа и одна из улиц города. Носит имя война-героя и пионерская дружина Калиновской школы Нестеровского района Калининградской области.

В весенние дни, когда обновляется земля, политая кровью советских солдат, и поля покрываются буйной зеленью, пионеры Калиновской школы приносят Астанку живые цветы. Кладут букеты у обелиска и дают клятву служить Родине так же честно и беззаветно, как служил воин-герой Астанкул Шакиров.

В. Максюк

ЕДИНОБОРСТВО

Герой Советского Союза
П. С. ШАНАУРИН

Артиллерийский полк, совершив марш из района Кёнигсберга, занял огневые позиции у небольшого городка, раскинувшегося на побережье Балтийского моря. Немцы еще занимали датский остров Борнхольм, держались в Советской Прибалтике, в районе Тукумса.

В штабе полка мне сказали, что командир отделения разведки батареи управления старшина Шанаурин вернулся из госпиталя и занимается с солдатами.

Артиллеристы осматривали немецкую боевую технику. Здесь были позиции морской дальнобойной артиллерии. В бетонированном бункере — штабеля снарядов. Каждый почти в рост человека.

Из глубины бункера вышел старшина расчета командир Иван Былков, друг Шанаурина.

— Где Прокоп?

— Кооператор? — переспросил Былков и махнул в сторону моря. — Бродит по дюнам, подсчитывает снаряды, дальномеры. Видать, намерен магазин открыть!

Прокофия Шанаурина многие его товарищи по-дружески называли Кооператором. До призыва в армию он работал продавцом магазина сельпо в селе Усть-Ница

Слободо-Туринского района Свердловской области. На заседании партбюро полка, на котором рассматривали заявление Шанаурина о приеме в партию, он рассказал о том, как волновался и переживал за свою судьбу.

— Позвонили из района председателю правления и сказали, что наш магазин самый худший, план не выполняет. Созвали собрание. Я возьми да выступи. Как же, говорю, магазин план выполнит, если с его двери замок не снимается? В тайге полно ягод и грибов, а магазин не заготовил ни горсти брусники! Ну, тут меня и мобилизовали принять магазин: это мое, дескать, наивысшее комсомольское поручение. С непривычки как-то боязно было, но принял.

— Ну и как, выправили положение? — спросил секретарь партбюро.

— А как же! Перед призывом меня премировали отрезом на костюм.

С тех пор и пошло: Кооператор да Кооператор...

Увидев меня, Шанаурин подошел, поздоровался, достал носовой платок и вытер левый глаз.

— Болит?

— Слезится только.

Прокофий нисколько не изменился с тех пор, как я видел его в последний раз. Правда, чуть выгорела на весеннем солнце светло-русская челка, выбивавшаяся из-под пилотки. Широкий кожаный ремень туго подхватывал гимнастерку, складки которой были тщательно расправлены. Как всегда, Прокофий был аккуратно одет: загорелую шею оттеняла белая полоска подворотничка, сапоги начищены до блеска, на обмундировании — ни одного пятнышка.

Я вынул газету, развернул ее.

— Читай!

— А что тут?

— Указ Президиума Верховного Совета СССР. Ты — Герой Советского Союза. Поздравляю!

Дрожащими руками Шанаурин взял газету, лицо его посветлело, глаза еще пуще заслезились. Он читал про себя: «Шанаурину Прокофию Степановичу... 19 апреля 1945 года. Москва, Кремль...»

— Все сходится: звание, фамилия, имя и отчество... Но все равно — это не я. Что я такого сделал?

Поселок имени Александра Космодемьянского. Так теперь называют бывший Меттетен, переименованный в память подвига командира батареи самоходно-артиллерийских установок гвардии старшего лейтенанта Александра Космодемьянского, брата героической партизанки Зои. В начале апреля 1945 года здесь шли ожесточенные бои. О событиях тех дней жителям поселка напоминают гранитные обелиски. На одном из них, что стоит на улице Карташова, высечено имя: Шанаурин Прокофий Степанович.

...Советские воины все теснее сжимали кольцо окружения вокруг Кёнигсберга. В Меттетене шли ожесточенные бои. Одна из стрелковых рот нацелена была на центральную площадь городка. На площади большой дом, в нем засели гитлеровцы. Прижатые плотным пулеметным огнем, пехотинцы залегли на мостовой. Шанаурину, находящемуся на наблюдательном пункте командира пушечного дивизиона, хорошо была видна площадь, пулемет, бьющий из окна второго этажа. Он кричал в трубку, вызывал огневые дивизиона, но телефон молчал: перебит провод. Что предпринять?

— Ефрейтор Работько, устранить повреждение! — приказал он телефонисту.

Алексей Работько, здоровенный белорус, на голову выше Шанаурина, взял в руки провод и отполз назад. А кругом бушевал шквал огня — головы от земли не оторвешь.

Пехотинцы несли потери. Нужно сделать только один рывок, преодолеть каких-то полсотни метров... Нужно, чтобы кто-то подал пример. Кто?

Шанаурин проверил автомат, за поясной ремень заткнул несколько ручных гранат. Он выглянул из-за укрытия. Пулемет бил левее и выше. Шанаурин выскочил на площадь, метнул гранату в подъезд дома.

— За мной, товарищи!

В несколько прыжков Шанаурин достиг подъезда, нырнул за массивную колонну. Неожиданно открылась дверь. Два немецких солдата тащили из вестибюля пулемет. Шанаурин дал по ним длинную очередь из автомата. Перепрыгнув через трупы, он ворвался в здание.

В дом забежало несколько солдат. Один из них, с окровавленным лицом, держал в руках знамя — кусок кумача, прикрепленный к неостроганной рейке.

— Возьми знамя, браток, — прошептал он и опустился на пол.

— Пехота, за мной!

По широкой лестнице — на второй этаж. В комнатах пустота, ни души, только кучи бумаг, бутылки из-под шнапса, соломенные матрацы, распоротые перины. Дальше, на чердак!

Здесь укрывалось более десятка гитлеровцев. То ли у них не было боеприпасов, то ли по другой причине, но они все бросились на наших солдат с кулаками. Шанаурин, зажав в руке гранату, словно свинцовым кастетом бил ею по головам, лицам, ребрам. Когда немцев удалось зажать в угол чердака, Шанаурин ударил по ним из автомата.

Отдышавшись, искал стремянку. Нашел стол, взобрался на него. Локтем вышиб раму слухового окна, просунул в него флаг. На ветру развеялся алый кумач. Его далеко было видно окрест.

Полки посетил командующий армией. Он предупредил, что район, занимаемый дивизией, наиболее вероятное место, где противник попытается прорваться. Задача — не пропустить ни одной машины, ни одного фашиста.

За время боев выбыло из строя немало огневиков. В некоторых расчетах не было наводчиков, командиров. Командир дивизиона направил Шанаурина и Работько в оружейный расчет. Опыта им не занимать. В батарее управления пока что обойдутся без них.

К вечеру вся артиллерия полка стала на прямую наводку. Пошел дождь, стало быстро темнеть. Старшина Шанаурин направился к пехотинцам, чтобы договориться о взаимодействии.

— Танки пропускайте, отсекайте огнем пехоту. С танками мы, артиллеристы, разделаемся, все орудия на прямой наводке, — сказал он.

— Дело свое знаем, автоматчиков на огневую не пропустим, — заверили бойцы.

В полночь со стороны Кёнигсберга послышался лязг гусениц.

— К бою! — приказал Шанаурин.

Противник обнаружен. Намерения его известны. И первая тревога, вызванная неопределенностью обстановки, исчезла. В небе появились «фонари» — это наши летчики сбросили осветительные бомбы.

На фоне черной пахоты вырисовывалась узкая полоса автострады. Она стала озаряться выстрелами: артиллеристы открыли огонь по острию вражеского танкового тарана.

Вступило в бой и орудие Шанаурина. Вспышки выстрелов демаскировали орудие, по щитку застучали пули крупнокалиберного фашистского пулемета.

— Огонь!

Наводчик Работько, заряжающий и замковый, молодые ребята, с которыми Шанаурин не успел как следует познакомиться, запомнить их фамилии, ранены. Заряжающий, обняв снаряд, скатился в ровик. Свалились у орудия и два других бойца.

Шанаурин остался у пушки один. Осмотрелся, подтянул поближе ящик со снарядами, открыл замок, достал снаряд, сам себе скомандовал «огонь!». Горячая гильза, упав на землю, зашипела под дождем. Удалось разворотить бок танку. Вверх рвануло пламя.

Неожиданно сзади раздался лязг гусениц. С тыла на орудие напоззало что-то большое и страшное. Танк? Повернуть пушку не было никакой возможности.

Взяв две противотанковые гранаты, Шанаурин пополз навстречу танку. Вот он уже в десяти шагах. Одна граната разорвалась под днищем, вторая — под правой гусеницей. Шанаурин вернулся к пушке. На помощь пришел старшина Иван Былков. Его пушку подбили. Былков стал за наводчика. Теперь у орудия стояло двое. Пушка продолжала вести огонь по вражеским машинам. Но фашисты продолжали лезть напролом.

По полю ползли танки, бронетранспортеры. Танковый таран — стройная мощная колонна — под ударами советских артиллеристов рассыпалась на мелкие группы, изолированные друг от друга.

Под утро случилось непоправимое: осколком повредило замок орудия. Шанаурин и Былков, взяв с десятка противотанковых гранат, отползли в сторону, залегли в воронке. Прямо на них, лязгая гусеницами, переваливаясь на ухабах, шел танк. Он выстрелил по воронке, но снаряд пролетел несколько выше, над головами артиллеристов. Почувствовав сильную режущую боль в левом глазу, Шанаурин скатился на дно воронки. Он не слышал, как раздалась три взрыва под танком, как Былков брызгал водой на его лицо. Шанаурин чувствовал только

боль. Казалось, что в глаз вогнали острый нож по самую рукоятку.

Утром на огневые приехал командир полка. Он расцеловал Шанаурина, а потом прогнал его в медсанбат.

— Лечи глаз! — приказал он.

Врач сказал, что левый глаз обожжен горячей струей воздуха от близко пролетавшего снаряда, но он надеется, через недельку-другую все пройдет.

9 апреля 1945 года Кёнигсберг был взят.

В День Победы старшине Шанаурину был вручен орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза. Через несколько дней он получил краткосрочный отпуск и уехал на Урал.

Встретились мы в середине августа. Прокофий Степанович обстоятельно рассказал, как ехал, как встречали дома, как пришлось бывать в пионерских лагерях, рассказывать ребятам о подвигах артиллеристов.

— Чем намерены заняться на «гражданке»?

— Как чем? — удивился он. — Давно решено. Магазин-то наш усть-ницинский снова на плохом счету в районе. Председатель так и сказал: уволись в запас — магазин ждет тебя.

Шанаурин и после демобилизации стал кооператором. Не заведующим магазином, а председателем правления потребительской кооперации. Недолго пришлось заниматься ему любимым делом. Ранения и контузии, полученные в боях, основательно подорвали здоровье. Он умер, едва ему исполнилось сорок лет.

Навсегда в моей памяти останется образ Прокофия Шанаурина, бесстрашного артиллериста. Всю войну мы прослужили в одном соединении — 26-й стрелковой дивизии. Эта дивизия родилась на берегах Волги в грозном 1918 году, освобождала от колчаковцев Урал, Западную Сибирь и Алтай, дралась с бандами Семенова в Забайкалье, громила полчища барона Унгерна в Монголии. Богатая у нее боевая биография.

Старая Русса, Холм, Новоржев, Пушкинские Горы, Освея, Шяуляй, Кёнигсберг — вот вехи боевого пути дивизии в минувшую войну. Много раз московское небо озарялось вспышками торжественных салютов в честь боевых подвигов воинов дивизии. Сотни ее солдат, сержантов и офицеров награждены орденами и медалями Союза ССР, а самые храбрые из них — пехотинец Дон-

цов и артиллерист Шанаурин — удостоены звания Героя Советского Союза.

...На самом западе России в память подвига уральца стоит гранитный обелиск. Прокофия Степановича несколько раз приглашали посетить памятные места, но он все откладывал, ссылаясь на дела. Так и не успел. А теперь имя Прокофия Степановича Шанаурина на борту рыболовного траулера. Жизнь героя продолжается. Она продолжается в славных делах промысловиков.

П. Кондратенко

Герой Советского Союза
В. К. ШЕВЧУК

ПИСЬМА ФРОНТОВЫЕ

Красивый город Запорожье. Широкие улицы, проспекты, огромные предприятия — все это характерно для индустриальной Украины. Но есть и улицы тихие, застроенные небольшими аккуратными домами. Одна из них — имени Немировича-Данченко — полого сходит к Днепру. Здесь учился, по этой улице ходил Валентин Шевчук.

Я сижу с Татьяной Климентьевной Грудненко, родной сестрой Валентина, прошу рассказать о брате.

— Немного младше Валентина, но бойчее его я была, — говорит Татьяна Климентьевна. — Учился неплохо, был небольшого роста, не очень крепким.

Шаг за шагом вспоминает она детство. Любил Валя музыку, немного играл на альте в духовом оркестре, но «дыхания» не хватало. Из оркестра не ушел и «переквалифицировался» на ударника, играл на барабане с удовольствием. Очень семью любил, и мать, и отца, и брата Витю. Веселый был. Повзрослел поздно. Уже в десятом учился, а пошлет куда-нибудь мама — бежит по-мальчишечьи, вприпрыжку.

— В школе, — продолжает сестра, — кличку дали

брату — Профессор. Очень много читал и старался во всем быть похожим на отца, электрика магниевого завода, черноморского матроса, участника гражданской войны. Впрочем, мы знали брата одним, а ведь он очень изменился в армии...

Из соседней комнаты мне приносят папку с самыми дорогими для семьи Грудненко документами и фотографиями. Здесь и фронтовые снимки самой Татьяны Климентьевны, и благодарности Верховного Главнокомандующего, и письма Валентина. Их много, датированных и сорок четвертым и сорок пятым. Торопливые карандашные строчки. За ними встает во весь рост человек, яркий, благородный, порывистый.

Была у старшины Валентина Шевчука заветная мечта — о море. Эта мечта не покидала его и на фронте. Пусть прочтут сегодня моряки, что написано около сорока лет назад.

Итак, письма, посланные в Запорожье.

«Сообщаю, что жив и здоров, нахожусь в Петрозаводске. Как я сюда попал — расскажу. 21 июня готовились к воскресенью. Мылись, брились, утром решили пойти на озеро. Ночью над нами гудели самолеты, а утром пришли командиры и сказали, что фашисты бомбили наши города.

Я готовился к выходу на границу, но всех младших командиров отправили в Петрозаводск. Без своих курсантов как-то пусто на душе. Если бы брали на фронт — был бы там».

1 июля 1941 года.

Зря волновался Валентин. Хватило на его долю войны. Там, в Карелии, он принял боевое крещение.

Связь с родными, эвакуировавшимися из Запорожья, прервалась надолго. Но в 1944 году, когда родители вернулись на Украину, Шевчук находит их и пишет часто. Вот строки из первого после долгого перерыва письма:

«Сразу, с первых дней войны попал в переделку, но не струсил, не испугался грохота и огня, быстро привык к новой обстановке. Это меня и спасало на поле боя.

Отходили с боями. Тут приходилось и голодать, и «купаться» в озерах, а под Петрозаводском меня облас-

кала вражеская мина. Да, не удивляйтесь, именно обласкала — в полном смысле слова. Разорвалась в двух метрах впереди, подбросила в воздух и только ранила выше колена — и все.

Лечился я в госпитале в городе Няндоме Архангельской области. А с 5 января 1942 года непрерывно нахожусь в строю, в действующих частях.

Что я видел в жизни? Школьную скамью, Днепр, лес, а сейчас — войну. Но у меня, отец, твой характер и честность. И я решил, если не сложу голову в этой небывалой в истории войне, начну жизнь по-новому. Отец, неужели были подлецы среди наших жителей в Запорожье? Мне только жаль ребят-подпольщиков, что погибли, не успев взять оружия в руки. Я надеюсь, что кое-кого из предателей встречу на своем пути. Разговор будет короткий».

31 июня 1944 года.

«Ты знаешь, отец, я удивляюсь, насколько я закалился за эти пять лет. Иной раз думаешь, неужели до армии я был таким слабеньким?»

В этой части я со дня ее организации. Нас, «старичков», осталось раз-два — и обчелся. Начальство говорит, что, мол, при твоём образовании надо идти выше, ты долго засиделся на этом уровне. Были готовы документы, чтобы отправить меня в тыл на учебу, я было поехал, но самовольно вернулся. Довоюю и так во имя своей мечты, чтобы стать тем, кем я хотел быть до войны, — моряком».

26 июля 1944 года.

«Ты, отец, спрашиваешь, где я, в каком роде войск? Отвечаю: мой род войск — «бог войны». О моих делах командование писало на родину, в Запорожский горсовет. Сам я — сухопутный комендор, по-старому — фейерверкер. Так что, отец, никто тебе не скажет, что я тыловик и писарь, а не самый настоящий солдат. Ну, ладно, наговорил. Думаю, хватит. Сами знаете — лишнего не скажу. Получил вашу фотографию, спасибо. Да, отец, ты крепко изменился против 39-го года, да и мама тоже. Вы берегите себя для будущей встречи всей семьи».

10 мая 1944 года.

«С января 1942-го непрерывно в строю. Участвовал в обороне Ленинграда, в районе Сиявино. В этом аду я был от начала до конца. Да, был ад в полном смысле слова. День и ночь непрерывный обстрел с земли и с воздуха, кроме грохота взрывов ничего не слышно, но я привык, а ребята после боев говорили: тебе на пользу, ты поправился!

Участвовал я во взятии Великих Лук, летом сорок третьего с боями прошел всю Смоленщину, видел зверства и опустошения, принесенные фашизмом нашему народу. Вот мой путь вкратце. Если бы рассказать — было бы интереснее.

Я не знаю, что меня хранит. Столько людей пало рядом, а мне ничего. Но боюсь иногда, как бы меня не разорвало на отдельные части. Сейчас живу обычной фронтовой жизнью: свои обязанности и некоторая физическая работа с землей — вот и все. Война так ввела в мое сознание, что я даже не понимаю, как может быть мир и блаженная тишина».

8 августа 1944 года.

«Письмо застало меня в пути на Запад. Движемся так, что на днях будем в Пруссии, на территории врага. Вспоминаешь минувшее время отступления, обороны, и делается радостно, когда снова перед тобой проходят просторы родной земли, освобожденной от оккупантов.

Танюша! Ты спрашиваешь, есть ли у меня еще ямочка на подбородке? Конечно, имеется, куда ей деться. Но в остальном меня не узнать. Рост, как говорится, гвардейский, 186 сантиметров, так что строевик подходящий. Мяса лишнего не имеется, только мышцы да кожа, обветренная в поле. Фото не пришлю, негде фотографироваться в наших полевых условиях».

27 ноября 1944 года.

Восточная Пруссия.

«Здравствуй, Таня!

Твое письмо от 15 ноября получил в боевые дни. На твой вопрос, где я нахожусь, ответ в правом верхнем углу письма — нахожусь в Восточной Пруссии. Впервые вступили на эту проклятую землю 10 октября 1944 года в 16 часов 57 минут 35 секунд. Не удивляйся, время специально точно засекали с товарищами.

Ты пишешь, что видела много пленных. Знаешь, эти вояки, попав в плен, умеют прикидываться овечками.

О наших делах минувшего лета написано в статье И. Эренбурга в «Красной звезде» от 24 или 26 июля. Прочитай — это хорошо.

На твое замечание о друге, что он погиб, презирая смерть, отвечаю так: презирать смерть может только тот, кто ушел из-под ее руки, не согнув головы, кто верит в свое будущее, верит, что будет оно настоящим. Я про себя скажу, если умирать, так с честью, а не дрожать, как зайцу паршивому».

Ноябрь 1944 года.

«Здравствуй, сестренка!

Как ты провела праздники? Я — обыкновенно, с друзьями боевыми — больше никого. Ей-богу, не хватает женского общества. Не удивляйся, ведь я уже пять лет в солдатской шинели, в строю.

...В минуту уединения люблю помечтать о будущем. Между прочим, мечту о море не покинул и живу во имя ее. Если останусь жив, стану моряком, чего бы это ни стоило.

Впереди еще большие, ожесточенные и кровопролитные бои будут, ты о них узнаешь из сводок Информбюро. А мне придется испытать их, и кто знает, что готовит будущее...»

2 февраля 1945 года.

«Здравствуй, Таня!

Сегодня принесли твое письмо. Я на чужой земле, далеко-далеко от Родины. Почувствовал по-настоящему, что значит родная земля и слова родные.

Пишу письмо и не знаю, напишу ли после что-нибудь, слишком тяжелая борьба идет, так что мой конец не за горами. Жалею, что слишком мало прожил на свете, слишком рано хватил горького, но не у одного меня судьба такая».

И в тот же день Валентин пишет родителям:

«Сообщаю, что я пока жив и здоров, а там не знаю, что будет, может быть и все... Я нахожусь далеко от Родины, и очень не хотелось бы здесь умирать, на этой трижды проклятой земле».

Валентин не рассказывал в письмах о боевых эпизодах, но фронтовая печать писала о том, как героически он сражался.

«Валентин Шевчук, — писал фронтовой журналист подполковник В. Величко, — был знаменитый артиллерист».

...Сорок пятому гвардейскому артполку, которым командовал подполковник Олейников, было приказано форсировать реку Дейму в Гросс-Поппельне. Сражение началось уже под вечер. С береговой линии и дотов вели непрерывный огонь. Чтобы форсировать реку по льду, нужно было заставить их замолчать. Валентин Шевчук со своим орудием встал на прямую наводку.

— Гаси свечи! — закричал он расчету.

Плюющиеся огнем амбразуры и впрямь были похожи на свечи. Снаряд за снарядом выпускал расчет — Безуглый, Щипилов, Колтунов, Григорчук. Прикрытые огнем артиллерии, бросились на лед пехотинцы, вот уже некоторые достигли противоположного берега.

— На лед! — скомандовал Шевчук.

Батарейцы на руках покатали орудие. Провалился в промоину передок — навалились, вынесли — и дальше. На берегу снова открыли огонь по амбразурам. За форсирование реки Деймы старшина Шевчук был награжден орденом Красной Звезды.

А последний свой бой он принял на шоссе Кёнигсберг — Кранц. Гитлеровцы при поддержке танков любой ценой пытались прорваться к городу, осажденному советскими войсками. На шоссе завязалась ожесточенная схватка. Наводчик Безуглый нажал на спуск. Выстрел — с головного танка снесло башню. Огонь перенесли вправо. Второй танк завертелся на месте с подбитой гусеницей.

Фашисты еще и еще раз попытались пробиться к Кёнигсбергу. При поддержке артиллерии они снова атаковали. В единоборство с немецкой артиллерией опять вступило орудие «знаменитого Шевчука», как называли героя во фронтовой печати. Осколки, пули выводили из строя солдат расчета. Валентин остался один. Подносил снаряды, наводил, вел огонь. Он стоял насмерть, ведя дуэль с батареей противника. Прямое попадание немецкого снаряда прервало жизнь героя. Это было 7 февраля 1945 года.

О беспримерном поединке поведали журналисту В. Величко в госпитале раненые солдаты-очевидцы, а он рассказал об этом бое в газете.

Когда был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Валентину Шевчуку посмертно звания Героя Советского Союза, в части состоялся митинг. Генерал снял с траурного венка портрет Валентина и прижал его к груди:

— Спи, дорогой наш герой!

Горячо говорил о своем боевом друге старшина Данилов. Он рассказывал о его мужестве, самоотверженности, скромности.

Не сбылась мечта парня из Запорожья, не стал он моряком. Но океанский траулер «Валентин Шевчук» бороздит воды Атлантики.

...Пожелтевшие странички писем в семейном архиве, выцветшие чернила, торопливые карандашные строки, все еще не стертые неумолимым временем. Какой цельный, добрый и мужественный человек встает перед нами! На довоенных снимках вижу милое лицо подростка, большеглазого, коротко остриженного, с ямочкой на подбородке, той самой, о которой спрашивала в письме на фронт Татьяна Климентьевна.

Представим себе путь, который пройден вчерашним школьником из Запорожья, юношей, мечтавшим о море, о дальних плаваниях. С полным основанием можно сказать, что война закалила его, а путь, пройденный за годы борьбы с фашизмом, превратил Валентина Шевчука в опытного воина, бесстрашного артиллериста.

Наш герой изменился внешне, он пишет о «гвардейском» росте, о том, что друзья удивляются его выдержке в боях. И все-таки главное осталось прежним: доброта, мягкость, верность мечте, той самой мечте, о которой он упоминает в каждом втором письме с фронта.

Нет, Валентин не тешил себя иллюзиями. Он знал, что близится штурм Кёнигсберга, что бои предстоят страшные, трудные. Он не собирался щадить себя, прятаться за чужими спинами и смотрел правде в глаза.

Я спросил у Татьяны Климентьевны Грудненко, сестры Валентина, прошедшей всю войну, имеющей награды за мужество, что же создало такой характер, что воспитало ее брата таким, каким он стал.

— На это однозначно не ответишь. — Татьяна Климентьевна задумалась, перебирая старые фотографии. — Думаю, основу заложила наша дружная рабочая семья, прекрасное воспитание в ней, уважение и любовь, которые постоянно ощущались в нашем доме. Второе — школа, учителя. А остальное сделала армия, школа патриотизма. И война, ненависть к врагу.

Думается, ответ и полон, и точен.

Иногда, когда доводится мне встречаться с капитанами, механиками, прошедшими войну и поныне еще работающими на флоте, думаю, что и Валентин Шевчук мог стать таким. Но он пал в бою и трудовую эстафету приняли другие. Приняли и несут ее достойно.

Г. Фурман

Читатель познакомился в этом сборнике с людьми, память о которых живет в народе, слава которых не меркнет с годами. Имя каждого — на борту траулера, а это не что иное, как благодарность нашего народа тем, кто защищал Родину, мир от фашизма.

Какие разные эти люди. Вчерашний школьник и опытный кадровый воин, продавец сельского магазина и рабочий, русский и украинец, белорус и грузин, татарин и башкир. Разные профессии, возраст, национальность, но объединяет всех одно — преданность Родине, партии.

И сейчас, когда вся наша многонациональная страна, все соцветье республик, областей, округов, готовится торжественно отметить 60-летие образования СССР, нам особенно дорога память о тех, кто отстоял Родину и кого народ отметил как Героев, как лучших среди достойных.

Книга повествует не только о замечательных людях, но и о славных боевых традициях.

Вдумайся, читатель, в судьбы Антонины Зубковой и Валентина Шевчука, Шота Гамцемлидзе и Тимофея Хрюкина, Гая Головенского, Николая Семейко и многих других. В этих судьбах нет ничего необычного, такой была жизнь отцов и дедов наших, и с нее — брать пример молодым, тем, кто принял эстафету погибших.

Десятилетия прошли с тех пор, как завершилась Великая Отечественная война, минули годы напряженной работы, строительства, учебы, борьбы за мир, против безудержной гонки вооружений. И всегда незримо с нами во всех свершениях те, кто завоевал для нас право мирно жить и трудиться, кто отдал свою жизнь за то, чтобы мы и дети наши продолжали великое дело коммунизма.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Барсуков М. М. 11
Боголюбов А. Н. 17
Бордунов А. Н. 24
Борзов И. И. 30
Бровцев Н. М. 38
Бурьхин Е. И. 45
Владышев В. Г. 51
Волков С. М. 56
Волостнов Н. Д. 63
Гамцемлидзе Ш. Л. 69
Головенский Г. П. 75
Головкин В. С. 82
Горнов Т. Я. 87
Гусейнов Г. Э. 92
Дернов П. С. 96
Дворский И. И. 101
Евсеев А. А. 107
Елгин А. Н. 113
Жабинский Д. И. 119
Завадовский М. Н. 126
Зубкова А. Л. 132
Кабиров Т. 138
Козак С. Л. 145
Костиков Ю. Н. 151
Козенков В. Г. 157
Лапшин В. Ф. 163
Лизюков П. И. 169
Лопатин А. И. 177
Малахов Ю. Н. 182
Мустакимов Э. 186
Некрасов Л. Б. 193
Папивин Н. Ф. 199
Попов В. Л. 207
Полюянов Г. П. 213
Преображенский Е. Н. 220
Прокус Г. К. 227
Рензаев А. И. 236
Семейко Н. И. 243
Серов Н. В. 248
Тхоржевский А. И. 254
Хрюкин Т. Т. 259
Худяков В. Л. 265
Цыганов Н. Г. 271
Шакиров А. 276
Шанаурин П. С. 283
Шевчук В. К. 290

Указатель географических названий

- Алленштайн — г. Ольштын (ПНР).
Ауловенец — пос. Калиновка Черняховского района.
Бартен — г. Бартяны (ПНР).
Бартенштайн — г. Бартошице (ПНР).
Берхольц — хутор северо-восточнее пос. Дунаевка Зеленоградского района.
Вальдбург — Вальдпотен — район пос. Голубево Гурьевского района.
Варген — Яровое Гурьевского района.
Гайдау — пос. Прозорово Зеленоградского района.
Гаутен — пос. Путилово Зеленоградского района.
Гермау — пос. Русское Зеленоградского района.
Гросс-Гольгенберг — вблизи пос. Переславское Зеленоградского района.
Гросс-Хольштайн — пос. Прегольский в г. Калининграде.
Гумбиннен — г. Гусев.
Даркемен — г. Озерск.
Иудиттен — пос. Менделеева в г. Калининграде.
Койнен — 2,5 км юго-восточнее пос. Дунаевка Зеленоградского района.
Кранц — г. Зеленоградск.
Крейцбург — пос. Ерино-Славское Багратионовского района.
Курише-Нерунг — Курская коса.
Куришес-Хафф — Курский залив.
Лабиау — г. Полесск.
Меденау — пос. Логвиново Зеленоградского района.
Метгетен — пос. имени Александра Космодемьянского.
Норгау — пос. Медведево Зеленоградского района.
Пиллау — г. Балтийск.
Прейс-Эйлау — г. Багратионовск.
Прилаккен — пос. Братское Зеленоградского района.
Растенбург — г. Кентшин (ПНР).
Рогенен — вблизи пос. Малиновка Гурьевского района.
Тапилау — г. Гвардейск.

Тильзит — г. Советск.

Флангервальд — лес вблизи пос. Русское Зеленоградского района.

Фишхаузен — г. Приморск.

Фрише-Нерунг — Вислинская коса.

Фришес-Хафф — Вислинский залив.

Хайлигенбайль — г. Мамоново.

Шарлоттенбург — пос. Лермонтово в г. Калининграде.

Ширвиндт — пос. Кутузово Краснознаменского района.

СОДЕРЖАНИЕ

И. Х. Баграмян. Никто не забыт, ничто не забыто	7
В. Тестов. Славный путь	11
Е. Шлемина. Солдат Родины	17
В. Максюк. «Стоит над горою Алеша...»	24
Е. Сахаров. Жизнь, отданная небу	30
Е. Ермилов. Солдатское счастье	38
Р. Максютова, Г. Пастернак. Три свидетеля	45
В. Тестов. «Комсомольцы, за мной!»	51
В. Максюк. Бесстрашный комбат	56
Е. Ермилов. Земля богатырская	63
В. Максюк. Материнский наказ	69
К. Борисова. Герои живут вечно	75
В. Тестов. «Ни шагу назад, ребята!»	82
Г. Фурман. Добрых рейсов, «Тимофей Горнов!»	87
С. Бородецкая. Шел по войне офицер : :	92
В. Дикунов. Удалой гвардеец	96
Г. Фурман. Парень из села Горигляды	101
С. Попов. Евсеич	107
Р. Максютова. Шумят тополя	113
Г. Фурман. Последняя штурмовка	119
В. Ключкин. Искусство полководца	126
И. Хрусталеv. Земли рязанской героиня	132
И. Пантюхов. Яблоки Тулена	138
Г. Фурман. Каким ты был, Степан?	145
И. Хрусталеv. В семнадцать мальчишеских лет	151
В. Ключкин. Командир эскадрильи	157
В. Тестов. Навечно в строю	163
К. Борисова. Бессмертие	169
А. Петрикин. Верность долгу	177
А. Дубицкий. «Чтобы, умирая, воплотиться...»	182
Е. Шлемина. Жизнь продолжается	186
В. Ключкин. Юность мужает в боях	193
Н. Кокорин. Из племени крылатых	199
Н. Баладжан, В. Максюк. Наш Данко	207

В. Ключкин. Рыцарь штурмовых ударов	213
А. Здоров. Небо позвало	220
А. Здоров. «Из одного металла льют...»	227
А. Здоров. Таран	236
Г. Фурман. Советский ас	243
В. Тестов. Крутой поворот	248
Е. Шлемина. Две жизни Александра Тхоржевского	254
А. Петрикин. О подвиге, о доблести, о славе	259
В. Ключкин. Сердце отвагою горит	265
Е. Ермилов. Суворовская закалка	271
В. Максюк. Отважный разведчик	276
П. Кондратенко. Единоборство	283
Г. Фурман. Письма фронтовые	290
Именной указатель	299
Указатель географических названий	300

ЗВЕЗДЫ НЕ МЕРКНУТ

Составитель Иван Сергеевич Хрусталев

ИБ № 408

Художник

Е. В. Поляков

Редактор

З. Н. Глушкова

Художественный редактор

В. С. Львов

Технический редактор

М. С. Гайдукова

Корректор

И. В. Здорова

Сдано в набор 19.02.82 г. Подписано в печать 14.05.82 г. КУ 02405. Формат бумаги 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1, 70 г/м². Гарнитура обыкновен. новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 15,96+вкл. 0,84. Усл. кр.-отт. 330,7 т. Уч.-изд. л. 14,86+вкл. 1,31. Тираж 10 000. Заказ 1044. Цена 90 к.

Калининградское книжное издательство, 236000, Калининград обл., Советский просп., 13.

Типография издательства «Калининградская правда», 236000, Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18.